

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 9(55), 2017

*100 лет
Октябрьской
революции*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Красная орбита Вселенной
- 4** Олег СТРИЖАК.
«Пока поднимается пушка “Авроры”...»
- 20** Революция и Россия
(круглый стол Изборского клуба)
- 34** Сергей КУРГИНЯН.
Тьма не пройдёт!
- 42** Андрей ФУРСОВ.
Воля побеждать
- 50** ЛИ Янь (перевод А.Д. Павловой).
Знамя марксизма-ленинизма не пало
- 56** ЛИ Шэньмин (перевод В.Г. Бурова).
Великий Октябрь – новая эра в истории человечества
- 66** Андрей ОСТРОВСКИЙ.
Октябрьская революция и Китай
- 70** Александр ЕЛИСЕЕВ.
Сложный Октябрь
- 78** Валерий КОРОВИН.
Русская революция: идеализм против модерна
- 86** Игорь ШУМЕЙКО.
Парадоксы революций и монархии
- 94** Ленин и революция
(беседа Екатерины ГЛУШИК с Джульетто КЬЕЗОЙ)
- 98** Наталья ЛАКТИОНОВА.
Либеральный проект и драма русской истории
- 104** Великий Октябрь и Россия: деконструкция мифов
(доклад группы экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО)
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (стр. 105)
«АЛАЯ РОЗА» 7 НОЯБРЯ, ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: НЕ СМЕРТЬ, А СПАСЕНИЕ (стр. 106)
«БЕЛАЯ РОЗА» 4 НОЯБРЯ, ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА: ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ (стр. 111)
ИСКУССТВО СОСТАВЛЕНИЯ БУКЕТОВ: ГЛАВНЫЕ ВЫВОДЫ (стр. 116)
- 118** Библиотекарь
- 119** Хронология мероприятий клуба
- 122** Пой, революция!
(стихи)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 9(55), 2017 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 12.02.2018

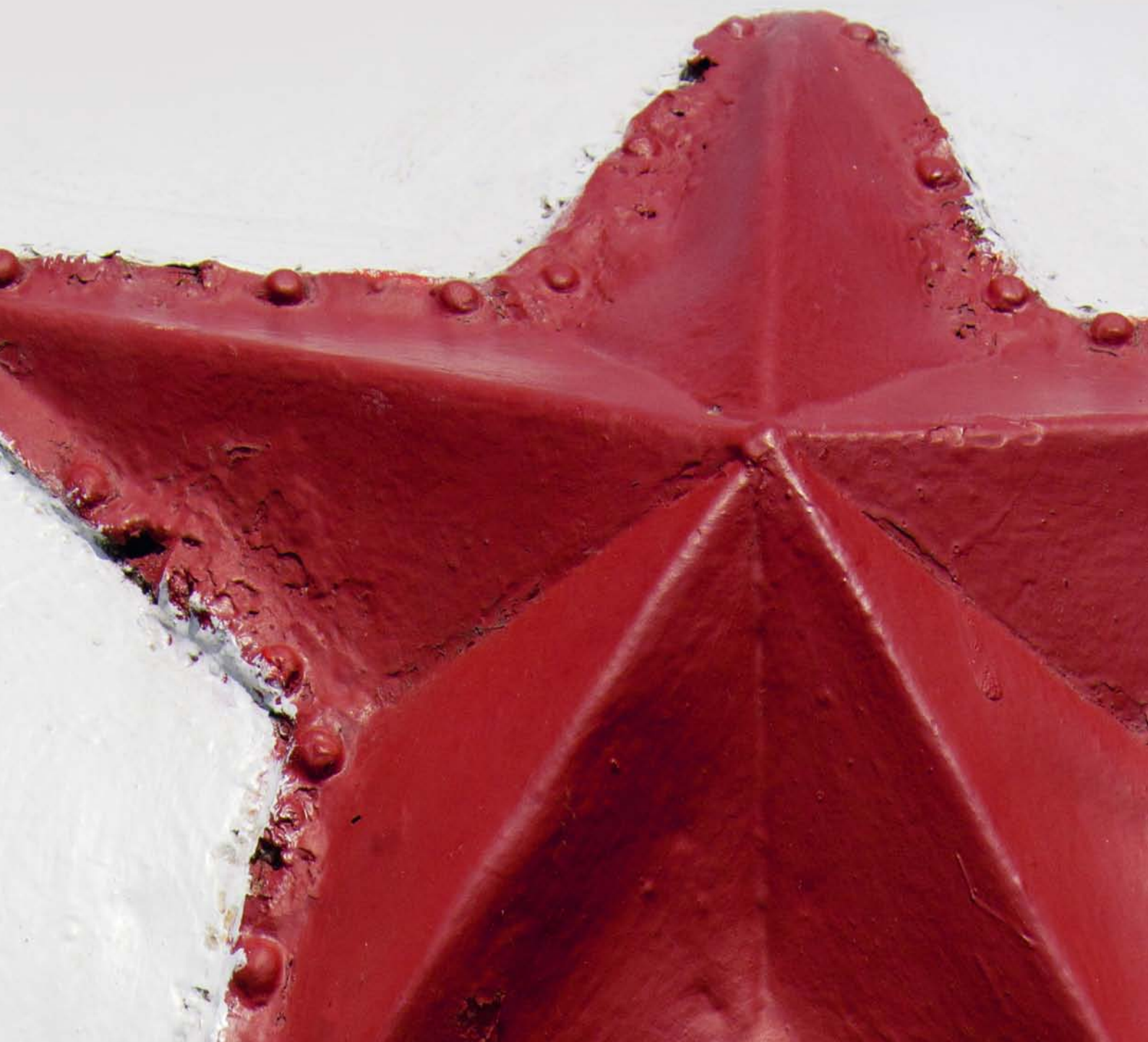
Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 0218

/ Александр ПРОХАНОВ /

Красная орбита Вселенной

Октябрьская социалистическая революция. Великая, вселенская, баснословная, красная, плодоносящая. Сто лет её огонь согревает остывающий мир. Сто лет её огненное соцветие пылает в умах, в науках, в людских свершениях, в восстаниях угнетённых народов, в поэмах и симфониях ясновидцев.

Какое количество трупов и пошляков мы видим в дни революционного юбилея! Словно жирные скользкие червячки, они выползли из гнилой трухи сегодняшнего тухлого мира. Клевещут на красный Октябрь. Брызгают на него каплями липкого яда. Стремятся источить саму память о нём. Они смехотворны и жалки. Революция была всегда — от сотворения мира. Мир сотворён божественным революционным порывом, благодаря которому Господь Бог вырвал из своей загадочной сердцевины всё огромное многообразие вселенной с её звёздами, героями, цветами, законами физики и божественными законами души.

Создавая мир, Бог внёс в него мечту — мечту о богоподобном бытии, о совершенстве, единой симфонии, где нет места насилию, лжи, себялюбию, где нет смерти, а есть любовь, красота и бессмертие. Эту мечту несёт человечество через всю свою историю. Эта мечта и движет историей. Она проталкивает человечество сквозь беды, распад, уныние. Мечта сияет и манит к себе народы. Манит всех людей — и тех, что, облачённые в звериные шкуры, жили в пещерах и рисовали на каменных стенах свои магические образы. И тех, кто брал в руки кисть и рисовал «Купание красного коня», водружал над Рейхстагом красное знамя Победы, возносился в космическом корабле на красную орбиту Вселенной.

Россия — страна революции. Русский народ — революционер и подвижник. Революционерами были бунтующие стрельцы, Пугачёв и Разин, декабристы и народовольцы. Революция дышала в трактатах и песнях, вся русская классическая литература была предчувствием революции, была псалмом, в котором дышала мечта.

Пушкин пел о звезде пленительного счастья. Лермонтов провидел «год, России чёрный год, когда царей корона упадёт». Достоевский знал, что революция неизбежна, и в ужасе писал своих «Бесов». Толстой был «зеркалом русской революции». Весь Серебряный век вымаливал у Господа революцию.

Гумилёв говорил о себе: «Я — угрюмый и упрямый зодчий храма, восстающего во мгле. Я возревновал о славе Отчей, как на небесах и на земле». Он предвидел время, когда «Млеч-

ный путь расцветёт нежданно садом ослепительных планет».

И вот она — грозная и прекрасная — свершилась, в хлынувшем народном потоке загудела и засверкала. Это великое искусство русского авангарда: Петров-Водкин и Платонов, Есенин и Хлебников, архитектор Мельников и скульптор Цаплин, «Музыка сфер» Прокофьева. Революция — это «весна человечества, рождённая в трудах и бою», так славил её Маяковский.

Может показаться, что в 1991 году красные духи революции были изгнаны из русской судьбы. Нетопыри и злые волшебники разрушили красное царство. Зарубили топорами Красного коня. Залили своей чёрной спермой алые святыни революции. Но всё это мнимо! Новое государство Российское возникло из праха и несёт в себе багряные гроздья революции. Нынешнее государство Российское — это революция, победившая смерть. Это гнездо, в котором красная птица мировой революции снесла своё огненное яйцо.

Бессовестные богачи, которые изгрызают обманутый, изнурённый народ. Воры и стяжатели, засевающие в министерствах и вельможных палатах. Бессовестные трутни и бездари, обрекающие народ на угрюмые труды и безысходную бедность. Мытари и банкиры, остановившие ход русской истории, отказавшие современной России в развитии...

Вслушаемся в гулы родной истории, отринем мишуру лживых клеветнических сериалов, тошнотворные программы Малахова и бесстыдные танцы Собчак. Их всех сдует ветер Русской мечты. Революция неизбежна — сверху или снизу. Или из кремлёвских башен, над которыми пламенеют рубиновые звёзды. Или из подворотен Красной Пресни, где ещё гремят давнишние баррикады и лязгают затворы трёхлинеек.

Донбасс. Его грандиозное восстание — это первый акт революции, отрицающий тьму 1991 года, срывающий кляп, наброшенный на русские уста.

В Институте мозга в Москве мозг Ленина рассечён учёными на тридцать тысяч тончайших пластинок, и каждая хранится в потаённом сейфе. Найдётся великий учёный, светлоокий маг, отыщется дивный поэт и подвижник, который проникнет в сумерки сейфов, извлечёт бесценные срезы, сложит их воедино. И вновь запыхает ленинский мозг. И в нём, как в первый день творенья, полыхнёт взрыв революции, увлечёт Россию туда, в бесконечную прекрасную даль, где сияет бессмертная Русская мечта — мечта о Небесном Царстве, граница которого начинается сразу там, где кончается граница России.

/ Олег СТРИЖАК¹ /

«Пока поднимается пушка “Авроры”...»

*Пока поднимается пушка «Авроры»,
не знает почти что никто, ну — почти что,
как мир переходит границу повтора,
и всё необычное станет обычным...*

Андрей ДОМБРОВСКИЙ

Закулисье Истории (а всё важнейшее в Истории творится втайне от публики) очень редко открывается исследователю. К примеру, говорить о «двоевластии» в России после февраля 1917 года — смешно, ибо почти все министры Временного правительства и все лидеры Совета были «братья» и вместе заседали в масонских ложах. А вот о чём они договаривались — этого мы не знаем.

Февральский переворот в России в 1917 году явился результатом заговора, который начался в сентябре 1915 года. Об этом впервые заявил печатно Деникин в Париже в 1921 году. Монархисты хотели силой вырвать у своего государя отречение, а в случае отказа — убить царя (большевики, когда убили государя в 1918 году, лишь окончили замысел монархистов и масонов от 1916 года). Потом появились в эмигрантской печати свидетельства о масонском заговоре. В действительности, там был сложный клубок четырёх заговоров: дворцовый (великие князья), генеральский (армия), заговор разведок Англии и Франции и масонский заговор («центр» депутатов Думы, эсеры и меньшевики). Имеется обширная литература по сему вопросу, воспоминания участников заговоров и очевидцев, но — ни одного «документика».

Хорошо, говорю я. Считайте, что всё нижеизложенное мне приснилось (удачно, что жанр сновидения избавляет меня от докуки дотошных ссылок на источники, всем известные).

Вы помните паническую записку Ленина 24 октября 1917 года? «Теперь всё висит на волоске, нельзя ждать!!! Можно потерять всё!!!»

Далее у Ленина две совершенно загадочные фразы: «Кто должен взять власть? Это сейчас не важно: пусть её возьмёт Военно-революционный комитет или «другое учреждение»... Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия».

Ленин напуган «удалением Верховского», об этом он пишет в записке дважды. А кто такой Верховский? Почему — «не важно, кто возьмёт власть»? О каком «другом учреждении» говорит Ленин?

Генерал-майор А. И. Верховский был военным министром и одной из главных фигур в заговоре против Временного правительства. 20 октября Верховский в ультимативном докладе правительству потребовал немедленного заключения перемирия с Германией и Австро-Венгрией и демобилизации вконец разложённой армии. 24 октября Ленин узнал, что Верховский уволен в отставку.

Ленин зря тревожился, военным министром стал заместитель Верховского генерал-аншеф А. А. Маниковский, который тоже был в заговоре (в 1918 году Маниковский стал начальником Академии Красной армии, его ученики в войне против Гитлера воевали уже генералами и маршалами. Когда Маниковский умер, в 1922 году Академию РККА возглавил Верховский). В заговоре октябрьского переворота был и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-аншеф В. А. Черемисов. Ещё в сентябре 1917 года Черемисов увёл подальше от Петрограда единственную опору Временного правительства — Конный корпус генерала Краснова. Черемисов растащил сотни и батареи корпуса по разным городам и селениям от Витебска и Ревеля до Новгорода и Старой Руссы. Корпус как боевая единица перестал существовать (генерал Краснов позднее писал, что это было «планомерной подготовкой к 25 октября»).

25 октября Керенский кинулся в Псков к Черемисову требовать войск для подавления Петрограда. Керенский назначил Краснова командующим армией и приказал идти на Петроград. Черемисов, будто в насмешку, дал Краснову 9 неполных сотен — 690 казаков и 18 орудий.

С этой «армией» Краснов 27 октября выступил на штурм Петрограда.

В тот же день, 27 октября, генерал Черемисов прислал в Петроград для охраны Смольного сводный полк латышских стрелков из 12-й армии — 10 тысяч отменных бойцов, которые ни слова не знали по-русски и были готовы убивать всех, на кого укажут латыши-офицеры.

«Поход» Краснова позорно захлебнулся. 30 октября казаки бросили генерала Краснова, ибо большевики объявили на фронте мир. Генерал Черемисов, по некоторым источникам, служил затем в Красной армии и в 1919 году громил армию Юденича на подступах к Петрограду.

В заговоре был и подчинённый Черемисову командир развёрнутого в Финляндии 42-го армейского корпуса генерал-лейтенант Р. Ф. Вальтер. Когда 29 октября 1917 года в Петрограде начался мятеж юнкеров, генерал Вальтер тотчас прислал по железной дороге крепкие, не затронутые фронтовым разложением пехотные части с артиллерией. Четыре юнкерских училища были расстреляны из пушек, мятеж был подавлен. Одна из частей генерала Вальтера — 428-й Лодейнопольский полк, с артиллерией, под командованием полковника Потапова был отправлен в Москву на подавление тамошнего мятежа юнкеров.

Керенский пишет в мемуарах, что генералы нарочно позволили большевикам свергнуть Временное правительство, чтобы потом прихлопнуть большевиков. Западные историки согласны с Керенским.

На деле всё было иначе. Речь должна вести о противостоянии патриотов и «иностранцев». В начале марта 1917 года государь, извещённый, что заговорщики намерены убить его самого, его жену и детей, подписал отречение в пользу младшего брата, великого князя Михаила. Михаил, растерявшийся, под нажимом и под угрозами «думцев», подписал отречение в пользу Учредительного

¹ Журнальный вариант.

собрания — которое решит, будет ли Россия монархией с царём Михаилом, или будет в России республика.

Временный комитет Думы по спускам, заготовленным ещё с 1915 года, создал Временное правительство, с единственной его задачей — в течение месяца или двух провести выборы и созвать Учредительное собрание. Совет рабочих и солдатских депутатов с почтением признал верховную власть масонского правительства.

В том же марте началось разложение армии через провокационный «Приказ № 1» — «некие силы» уводили армию из-под власти дисциплины и подчинения старым начальникам. На фронте и в тылу отменялось подчинение и чинопочитание, учреждались солдатские комитеты, которые отныне решали, исполнять приказы командиров или нет. Результат превзошёл ожидания, солдаты поняли дело так, что «революционная свобода» — свобода выбора, свобода не воевать (в июле, после ужасного провала наступления, командующий фронтом генерал Деникин гневно выговаривал военному министру Керенскому: «не большевики разложили армию, а — вы, ваше правительство»).

В апреле правительство, вместо того чтобы созвать Учредительное собрание, заявило («нота Милюкова»), что будет продолжать войну по обязательствам царизма. Возмущённые полки Петрограда вышли из казарм с оружием и окружили Мариинский дворец, где (как и при царе) заседали министры. Генерал Корнилов, командующий войсками Петроградского военного округа, вывел артиллерию, чтобы расстрелять мятежные полки. Политики испуганно заявили, что это — начало гражданской войны. Совет рекомендовал Корнилову убрать пушки. Корнилов подчинился, но подал в отставку. «Министры-капиталисты» тоже ушли в отставку. Составилось новое Временное правительство, с участием социалистов, которое решило — войну продолжать.

Сталин приехал в Петроград из Сибири 12 марта, отобрал у Мо-

лотова руководство газетой «Правда» и заявил два своих главных тезиса: вся власть в России должна принадлежать Советам, а войско должно быть первейшим союзником пролетариата (12 миллионов людей в шинелях, с винтовками и пушками, обученные стрелять — страшная сила). Ленин приехал из Швейцарии (с десятками товарищей-«вождей») 3 апреля 1917 года. До того Ленин и Сталин сильно враждовали (конфликт между «бакинской группой» Фиолетова — Сталина и «парижскими господами» — Лениным и прочими; высказывались подозрения, что именно Ленин устроил арест Сталина в 1913 году и отказал в организации побега Сталина из заполярной ссылки).

Сталин категорически не принял тезисы Ленина (которые позднее были названы «апрельскими»). Петроградское бюро партии большевиков почти единогласно проголосовало против этих тезисов.

Плеханов, старейший социал-демократ, в печати назвал эти тезисы «бредом». В большинстве своём «эсдеки» заключили, что Ленин окончательно порвал с марксизмом и сделался «бланкистом» и «бакуинцем».

Известно, что Сталин и Ленин несколько часов говорили с глазу на глаз. После этого разговора Сталин стал в партии первым человеком после Ленина, а в ЦК большевиков было создано Военное бюро, которое возглавили Сталин и Дзержинский.

Уже в мае разумные люди видели, что России не нужно воевать. Февральская революция привела к полной разрухе. Фабрики закрывались повсюду — из-за нехватки сырья. В городах начинался голод, продовольствия по карточкам давали мало или не давали вовсе, а на свободном рынке за время войны цены выросли в 13 раз. Производство военной продукции упало в три раза. Армия, разложенная «Приказом № 1» и декретами Временного правительства, стихийно не желала воевать. Армия уверилась, что «свобода» — это свобода бесчинств, дезертирства, преступлений. Каждый день войны стоил

56 миллионов рублей, а дефицит годового бюджета составлял 40 миллиардов. России был нужен мир.

Германия, измученная войной, с осени 1916 года по различным каналам искала возможности заключить перемирие с Россией (положение «центральных держав» ухудшилось тем, что в апреле 1917 года США объявили о вступлении в войну на стороне Антанты и начали отправку в Европу миллиона солдат).

В июне 1917 года в Петрограде собрался 1-й Всероссийский съезд Советов (большевики имели на съезде всего лишь десятую часть мандатов). В дни съезда большевики наметили на 10 и 11 июня вооружённое выступление с целью свалить правительство князя Львова (по сценарию «апрельских дней»), взять власть и немедленно заключить мир, тем самым перетянув массы на сторону большевиков. Руководили подготовкой этого выступления Сталин, Дзержинский и Стасова. Каменев и Зиновьев были против взятия власти, Ленин предпочёл выжидать.

Возмущение съезда Советов было бешеным. Министр почты и телеграфа Временного правительства Ираклий Церетели, меньшевик, заявил, что «через ворота большевиков войдёт генеральская контрреволюция» (Церетели уже в июне почему-то увязывал большевиков с генералами). Съезд запретил большевикам демонстрацию. 9 июня всем казалось, что дело большевиков — кончено. Ленин почёл за лучшее скрыться, с 10 июня партией руководил Сталин.

18 июня правительство и военный министр Керенский, по требованию Франции и Англии, начали громадное наступление русских армий, которое в июле закончилось катастрофой.

Керенский позднее путано пишет, что «не имел своей воли» и был управляем из-за рубежа. Берберова, автор знаменитого исследования о масонах, говорила: «они дали масонскую клятву, которая по уставу превышает все остальные клятвы, даже клятву Родине, — они дали клят-

ву никогда не бросать Францию, и поэтому Керенский не заключил мира».

«Июльские дни» в Петрограде — стечение чудовищных провокаций.

3 июля ЦК большевиков под руководством Сталина постановил: ни под каким видом не ввязываться в демонстрации анархистов. Но вечером 3 июля Зиновьев, Луначарский и «независимый с.-д.» Троцкий дали команду Раскольникову в Кронштадт, чтобы кронштадтский Совет прислал наутро 20 тысяч вооружённых матросов.

Многие в июле 1917 года говорили, что за всей этой нарочитой неразберихой стояли некие «тёмные силы». Вероятно, так оно и было. В ночь на 5 июля в Петрограде были написаны два примечательных документа. Один — секретный меморандум британского посла Джорджа Бьюкенена, адресованный Временному правительству. Бьюкенен разговаривал с Керенским и К°, как барин с лакеями, и указывал им — правительству России! — что и как нужно делать далее.

Другой документ — обращение Сталина к рабочим и солдатам Петрограда. Удивительно, но он как будто читал меморандум Бьюкенена. В этом обращении Сталин писал, что теперь перед Россией два пути: или Россия станет колонией Англии, Америки, Франции — или Советы возьмут власть, заключат мир, и Россия будет независимой державой.

Вечером 4 июля Петроград был объявлен на военном положении, 5 июля в город стали прибывать эшелоны с войсками Северного фронта — казачьи полки, артиллерия, броневики. Мосты были разведены. Город опустел — только пугающее передвижение войск. «Тёмные силы» хотели в Петрограде крови, и большой крови. Утренняя пресса начала кампанию на тему «большевики — германские шпионы», в прессу были вброшены документы, собранные контрразведкой военного округа.

В «Энциклопедии военной разведки России» (М., 2004) сообщается, что начальник Разведывательного

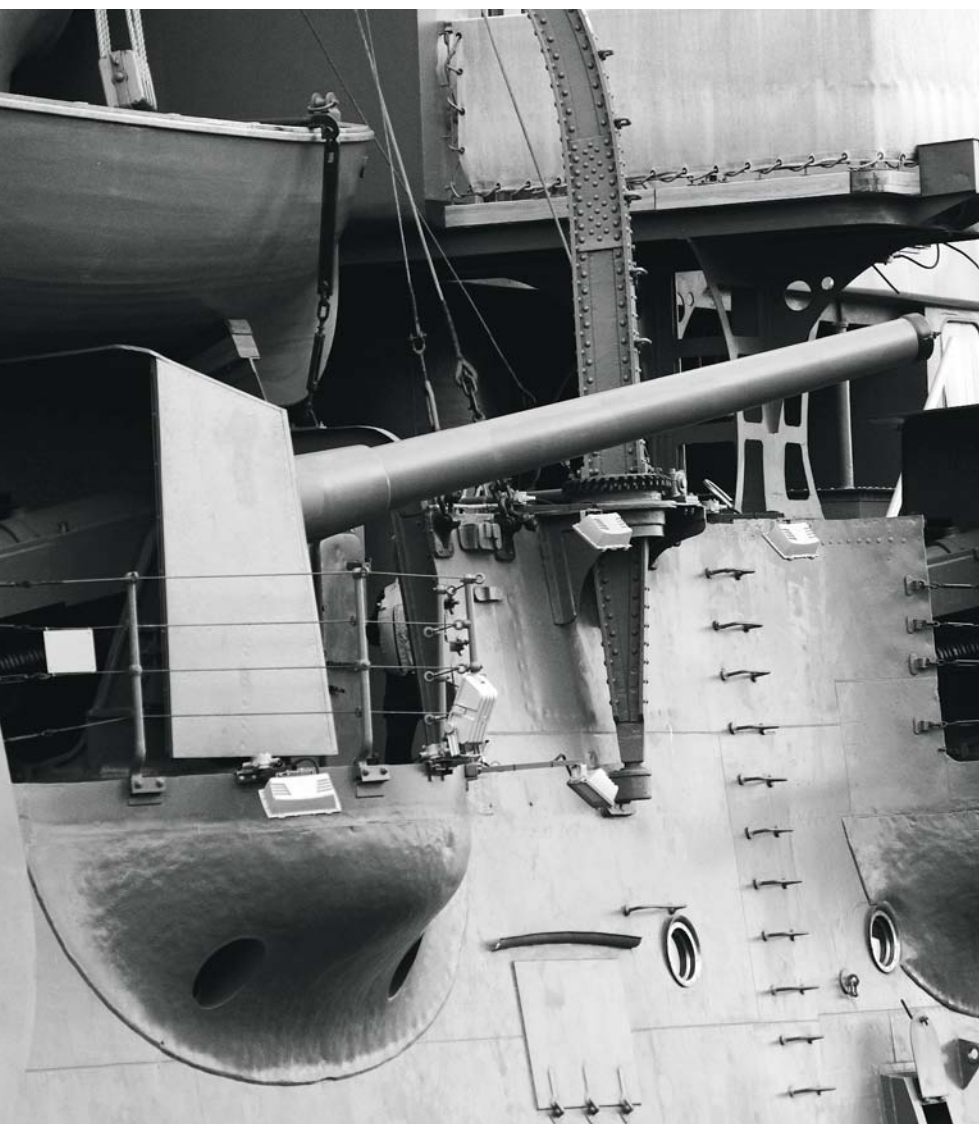
управления Генштаба генерал-лейтенант Н. М. Потапов с июля 1917 года сотрудничал с большевиками (значит — документы имеются, и когда они будут рассекречены, наши учебники преобразятся). Нужно думать, что контакты генерала Потапова со Сталиным начались гораздо ранее. 1 июля 1917 года контрразведка Петроградского военного округа выписала — по делу «немецких денег» — ордера на арест 28 виднейших большевиков начиная с Ленина. Примечательно, что в этом списке не было фамилий Сталина, Дзержинского и Стасовой, — «кто-то» вывел всю «группу Сталина» из-под удара.

После «июльских дней» Сталин был в Петрограде легальным по-

литиком и общим миротворцем. Как представитель ВЦИК Советов, он 5 и 6 июля вёл переговоры с правительством, с командованием штаба военного округа, с восставшими — и добился, чтобы каратели не спешили и чтобы восставшие сдались. Кровапролития удалось избежать.

Мне видится, что генерал Потапов и Сталин явились реальными руководителями октябрьского переворота (после Октября генерал Потапов стал начальником разведки штаба Красной армии).

Уже в июле 1917 года говорили, что «звезда Корнилова» взошла по воле английского посла Бьюкенена. В ходе провального наступления и катастрофы Корнилов стремитель-

но рос в чинах — из генерал-майора, командующего армией он в две недели стал генерал-лейтенантом, главнокомандующим фронтом, а затем генерал-аншефом и Верховным главнокомандующим.

В августе Корнилов был чрезвычайно уверен в себе — видимо, ему твёрдо пообещали, что он станет диктатором.

Сталин в газете «Рабочий путь» иронически называл генерала «сэр Корнилов» и писал об английских разведчиках в ставке Корнилова (видимо, Сталин получал сведения из надёжных источников).

Кроме английской разведки Корнилова усердно и практически поддерживали два крупнейших масона: бывший военный министр Гучков

и действующий военный министр Савинков.

Важно заметить, что в армии генерала Крымова, которую Корнилов двинул на Петроград, не было уроженцев русских губерний — только донские казаки и кавказцы. В бронемашинах сидели английские офицеры.

Корнилов был слабым военачальником даже в качестве командира дивизии (генералы в мемуарах подтверждают это).

План Корнилова был таким: Кавказская туземная дивизия разворачивается в корпус, а затем вместе с Конным корпусом генерала Краснова разворачивается в Отдельную петроградскую армию — и всё это на ходу, в эшелонах, в наступлении. Такой план несерьёзен.

О заговоре Корнилова написано много, но гораздо интересней заговор других генералов — против формального Верховного главнокомандующего Корнилова и против военного и морского министра Временного правительства Керенского. К примеру, командующий Московским военным округом полковник Верховский в «корниловские дни» нейтрализовал у себя в округе всех прокорниловски настроенных офицеров и выделил пять полков для удара по Могилёву — ставке Корнилова (в декабре 1917 года генерал Верховский мобилизовал дивизии Московского и Казанского военных округов — и в начале 1918 года вышиб корниловцев и калединцев с Дона).

Наступление Корнилова на Петроград погубили два генерала — главнокомандующий Северным фронтом генерал-аншеф В. Н. Клембовский и его начальник штаба и комендант Псковского гарнизона генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич. Они растащили сотню эшелонов армии генерала Крымова от Пскова по восьми железным дорогам и бросили эти эшелоны без паровозов, без продовольствия и фуража — в глухих лесах (позднее Клембовский и Бонч-Бруевич служили в высоких чинах в Красной армии).

Если взглянуть, кто из русских генералов воевал и служил в Красной армии, список будет велик. Первым должно назвать национального героя, гордость России, генерала от кавалерии, императорского генерал-адъютанта А. А. Брусилова, он вступил в Красную армию в возрасте 66 лет и был инспектором кавалерии РККА.

Царский военный министр, член Государственного совета генерал от инфантерии А. А. Поливанов. Царский морской министр, императорский генерал-адъютант адмирал И. К. Григорович, великое имя, создатель Морского Генерального штаба, автор Большой и Малой судостроительных программ возрождения русского флота, автор Минно-артиллерийской позиции

в Финском заливе, — преподавал в Академии РККФ.

Профессорами в Академии РККА были генерал-аншефы Данилов, Гутор, Зайончковский, в Красной армии служили генерал-аншефы Шейдеман, Черемисов, Цуриков, Клембовский, Белькович, Балув, Баланин, Шуваев, другой Данилов, Лечицкий, вице-адмирал Максимов, генерал-лейтенанты Соковнин, Огородников, Надёжный, Искрицкий.

Генерал-лейтенант Селивачёв командовал Южным фронтом Красной армии и громил Деникина, генерал-майор Гиттис командовал армиями, Южным, Западным, Кавказским фронтами, генерал-лейтенант Д. Н. Парский командовал Северным фронтом, генерал-майор Петин командовал Западным, Южным и Юго-Западным фронтами, генерал-майор Самойло командовал Северным фронтом (где разгромил своего давнего приятеля и сослуживца по Генштабу генерала Миллера), а затем Восточным фронтом...

Морскими силами Республики Советов командовали (последовательно) контр-адмиралы. М.В. Иванов, В.М. Альтфатер, капитан 1-го ранга Е.А. Беренс, контр-адмирал А.В. Немитц. Балтийским флотом после Октября командовали вице-адмирал А.А. Развозов, контр-адмирал С. В. Зарубаев, контр-адмирал А.П. Зеленой, капитан 1-го ранга А.М. Щастный. Капитан 1-го ранга Б.Б. Жерве стал начальником Академии РККФ.

Полковник Генерального штаба П.П. Лебедев стал начальником штаба Красной армии, полковник И.И. Вацетис стал Главнокомандующим Вооружёнными силами Республики Советов, полковник Генерального штаба Б.М. Шапошников в Гражданскую войну был начальником Оперативного управления Полевого штаба РККА — с мая 1937 года начальник Генштаба РККА, затем — маршал Советского Союза, в войну — заместитель Сталина в наркомате обороны, автор нашей победы под Сталинградом...

В конце июля 1917 года Керенский создал своё правительство из «капиталистов» и социалистов (все они были «братья» в масонской ложе) и стал премьер-министром — означилось противостояние Керенского и Корнилова (которое позволительно трактовать как противостояние парижской ложи «Великий Восток» и английской разведки). В июле Керенский поклялся, что Учредительное собрание соберётся в сентябре.

В те дни произошли значительные географические перемещения, которые сделали наименования «Зимний» и «Смольный» символами Истории.

Керенский уже задумал учреждение предпарламента — и чтобы освободить для заседаний предпарламента Мариинский дворец, перевёл заседания своего правительства в Зимний дворец, в Малахитовый зал. В это же время Таврический дворец (загаженный Советами до гнусности) закрыли на ремонт, чтобы придать ему достойный вид к приёму членов будущего Учредительного собрания, преемника Государственной думы.

ВЦИК Советов и Петросовет нашлись для себя поблизости большое здание с актовым залом — Смольный институт.

Историки не могут разобрать, до какой степени Корнилов был в сговоре с Керенским, когда в июле и августе 1917 года сознательно сдавал немцам Прибалтику: сначала неприступный Икскюльский укрепрайон, затем — Ригу. Тогда же, в августе, Сталин писал в «Рабочем пути», что следующим шагом Керенского и Корнилова будет сдача немцам Петрограда.

За вооружённый мятеж и попытку низвергнуть «законное» правительство генерал-аншеф Корнилов и более двадцати генералов-корниловцев были арестованы правительством Керенского. Правительство Керенского развалилось, и 1 сентября 1917 года Керенский создал новый кабинет министров (4-е Временное правительство за полгода), Керенский вновь стал премьером и объ-

явил себя Верховным главнокомандующим. В тот же день, 1 сентября, Керенский внезапно, не дожидаясь Учредительного собрания, объявил Россию — Республикой. Выборы в Учредительное собрание были отодвинуты на ноябрь. 5 сентября Керенский велел готовить государственные учреждения Петрограда к эвакуации. 5 октября он объявил о переезде правительства в Москву (в те дни был вывезен из Петрограда в Казань весь золотой запас России, более 1 тысячи тонн золота, что имело тяжелейшие последствия для грядущей России. В 1918 году золото было захвачено чехами, небольшую его часть Колчак сумел вывезти через Владивосток в Лондон, а остальное русское золото исчезло бесследно).

Корниловский заговор воспрял в ноябре 1917 года. Начальник Ставки Верховного главнокомандующего генерал Духонин категорически отказался исполнять приказ Временного правительства Ленина о заключении перемирия с Германией. Духонин освободил арестованных генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова и прочих — будущих героев «белого дела». В Могилёв мгновенно выслали из Петрограда группу офицеров, как сейчас сказали бы, «спецназа», Духонин был убит, но корниловцы ушли на Дон.

В сентябре 1917 года Керенский, будто забыв про Учредительное собрание, вручил «судьбу России» неожиданному явлению — Демократическому совещанию (большевики там были представлены единицами, 5 октября Сталин увел фракцию большевиков из этого совещания), совещание избрало странный орган — Совет Республики, или предпарламент, — почти шесть сотен человек с чисто совещательными функциями при новом правительстве.

Контр-корниловский заговор русских генералов продолжился действенно. Известно, что в начале сентября 1917 года группа генералов — Самойло (будущий кавалер двух орденов Ленина и четырех орденов Красного Знамени), Петин,

другие (все — из разведки Генштаба) составили секретный план действий во благо России: немедленный мир с Германией и Австро-Венгрией, немедленная демобилизация вконец разложенной армии (6 миллионов солдат на фронте, 4 миллиона солдат в тылу, 2 миллиона дезертиров), выставление против германских и австрийских войск «завесы» — 10 корпусов, 300 тысяч штыков, наполовину — офицерского состава, чтобы под прикрытием этой «завесы» не позднее ноября 1917 года начать формирование новой, социалистической армии.

Видимо, Ленин, сидючи в Финляндии, кое-что знал от Сталина об этих приготовлениях. Когда в сентябре Керенский собрал в Александринском театре демократическое совещание, то Ленин из Гельсингфорса яростно требовал от Сталина немедленно арестовать это совещание — и взять власть. В 1924 году Сталин с большой иронией вспоминал этот эпизод. Вместо имени Ленина он говорил — «некоторые товарищи требовали от нас», и далее: «вот пример людей, которые ничего не понимают в деле взятия власти». Генералы-антикорниловцы хорошо понимали, что власть генералов в России вызовет только народную ненависть. Нужно было найти достойное учреждение, чтобы вручить ему власть.

Таким учреждением мог стать 2-й Всероссийский съезд Советов. И в сентябре, через аппарат партии большевиков, началась агитация за спешный созыв въезда Советов. ВЦИК Советов (который сидел уже в Смольном) колюче противился этому делу. Но искусственно подогреты «требования снизу» сделали своё: созыв съезда был назначен на 20 октября 1917 года.

В любом заговоре настаёт момент, когда круг посвящённых резко расширяется, и информация начинает утекать. В начале октября весь Петербург знал, что 20 октября большевики будут брать власть (заметим, что ещё в сентябре заводской

ремонт крейсера «Аврора», по приказанию свыше, был резко ускорен, и готовность крейсера к выходу была назначена на 20 октября).

Все крупные газеты в Петрограде с 14 октября завели каждодневную рубрику «К выступлению большевиков»...

Ленин тайно приехал в Петроград где-то между 7 и 10 октября. 10 и 16 октября состоялись два «исторических» заседания, на которых Ленин с неприятностью узнал, что члены ЦК, его вернейшие ученики, весьма кисло относятся к обещаемому перевороту. Большевики не хотели брать власть (это видно, например, из мемуаров Раскольниковца) и не понимали, зачем им это нужно.

Некоторые, вероятно, испытывали просто страх — а вдруг их повесят, и торопились отмежеваться. 18 октября Каменев в газете Горького напечатал от своего и от Зиновьева имени заявление, что они — члены ЦК большевиков — против переворота.

«Двадцатое октября» всех запугало и у всех навязло в зубах. ВЦИК и его председатель Дан почли за благо отстраниться от одиозной даты и перенести открытие съезда Советов на среду 25 октября.

Заговорщики использовали последний шанс: 20 и 21 октября военный министр Верховский страстно убеждал правительство и парламент немедленно начать мирные переговоры с Германией и Австро-Венгрией. В ответ правительство уволило Верховского.

21 октября, в субботу, состоялось сверхтайное заседание ЦК большевиков (о котором не знал Троцкий), где был утверждён секретный «практический центр» руководства переворотом от большевиков: Сталин, Дзержинский, Урицкий.

Остаётся тайной, где, кем и когда было решено начать переворот 24-го числа, чтобы преподнести власть съезду Советов в подарок. На дополнительную подготовку оставались воскресенье и понедельник (погода была пасмурная и сухая, ночью

плюс 1 по Цельсию, днем плюс 3, устойчивый западный ветер 8 м/сек.).

Когда Ленин 24 октября писал второпях свою записку: «Верховского прогнали! Всё висит на волоске! Не важно, кто возьмёт власть!..», в Петербурге, великом городе, столице недавней Империи, дело совершалось неторопливо. Специальные группы тихо овладевали почтамтом, телеграфом, телефонной станцией, вокзалами — все эти учреждения продолжали исправно работать, и публика ничего необычного не замечала, просто на почте и телеграфе вводилась негласная цензура: какие письма и телеграммы дозвоительно отправлять, а какие — нежелательно. На телефонной станции вводилось прослушивание всех телефонных разговоров и разъединение разговоров ненужных. На вокзалах специальные люди садились рядом с диспетчером и советовали ему, какие поезда и эшелоны желательно пропустить, а какие лучше притормозить.

Естественно, что всё это осуществляла не солдатня, а обученные своему делу офицеры.

Заговорщики знали, что над ними нависает угрожающая лавина — 200-тысячный гарнизон Петрограда.

Все мемуаристы отмечают трусливое настроение солдат Петроградского военного округа осенью 1917 года. Собственно боевых частей в Петрограде (за исключением трёх Донских казачьих полков) не имелось. Горделивые гвардейские наименования — Преображенский полк, Павловский и прочая — прикрывали ленивое существование чрезмерно раздутых запасных батальонов, где новобранцев учили ходить строем, колоть штыком соломенное чучело, — после чего из них формировали маршевые роты по тысяче человек и отправляли эшелонами на фронт. Мечтой каждого петроградского солдата было избежать фронта. За это давали писарям взятки, офицерам делали подношения. В июле 1917 года обучение и отправка маршевых рот

как-то сами собой прекратились. Солдаты жили в казармах, вволю бродили по городу (революционная свобода), вволю жрали положенные ещё от царя дармовые мясо и хлеб, вечера и ночи (читайте у Милицына) проводили в трактирах, в синематографах, с девками, а потом в казарме спали до полудня.

Корнилов в августе был уверен, что гарнизон Петрограда останется безразличным к его наступлению на Петроград — так оно и вышло.

В октябре солдаты дружно ненавидели Керенского и ругали большевиков. Главной задачей заговора было, чтобы солдаты не вылезали из казарм и чтобы казачьи полки не стали ввязываться в чужое им дело.

Керенский позднее писал, что командующий войсками Петроградского военного округа полковник Полковников оказался предателем. Вероятно, Полковников был в заговоре — в пользу этого говорит тот факт, что спецгруппы начали овладевать государственными учрежде-

ниями Петрограда в 10 часов утра 24 октября, а Полковников доложил об этом по прямому военному телеграфному проводу Главнокомандующему генералу Духонину в Ставку в Могилёв только в 10 часов утра 25 октября — когда уже было объявлено (на всю Европу, через радиостанции «Авроры», «Новой Голландии» и линкоров Балтийского флота, стоявших в Гельсингфорсе), что Временное правительство низложено.

Но чтобы устрасить Петроградский гарнизон, в качестве мощного и энергичного противника зажившей солдатни, — был двинут Балтийский флот. В октябрьском заговоре принимали важнейшее участие морской министр контр-адмирал Д. Н. Вердеревский, недавний командир 2-й бригады крейсеров Балтийского флота, а ныне управляющий морским министерством капитан 1-го ранга М. В. Иванов, командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. А. Развозов, подчинённый генерал-аншефу Черемисову

начальник Приморского фронта и Морской крепости Петра Великого капитан 1-го ранга Б. Б. Жерве, начальник Военно-морского управления при главнокомандующем Северного фронта генерале Черемисове контр-адмирал В. М. Альтфатер. Все они были первоклассные, отважные боевые офицеры, командиры кораблей и соединений, все в боевых орденах (Иванов — золотое оружие за храбрость).

В советской литературе, даже в энциклопедиях, утверждалось, будто Балтийским флотом в Моонзундском сражении командовал «большевистский комитет». Это — глупость и ложь. Как больничный кочегар не может заменить хирурга, так дюжина матросов не сможет командовать крейсером, тем паче в бою.

Моонзундское сражение в октябре 1917 года продолжалось 8 суток. Немцы с целью захватить Петроград собрали 10 линкоров-дредноутов, 10 крейсеров, ещё почти 300 кораблей и судов, 100 самолётов, 25 тысяч

десантных войск. Наш Балтийский флот мог противопоставить им только 2 линкора додредноутного типа, 3 крейсера, около 100 кораблей и судов, 30 самолётов, 16 береговых батарей и 12-тысячный гарнизон Моонзундских островов. Все офицеры были на своих местах. Командовали операцией штаб Балтийского флота и командующий флотом контр-адмирал А. А. Развозов. Все русские моряки с честью исполнили свой долг. Мы вынужденно отдали немцам Моонзундский архипелаг, — но немцы понесли тяжёлые потери и не рискнули прорываться далее, в Финский залив, в минные поля, к Петрограду.

В военное время, на театре военных действий переход корабля из порта в порт — это боевая операция. На переход корабля отдаётся приказ штаба, составляется план перехода и подготовки боевых частей корабля. На корабле минимум за 12 часов до отхода от стенки нужно разводить огонь в топках, «поднимать пар» в котлах. Корабль должен получить боеприпасы и продовольствие, уголь (нефть) и смазочные материалы (всё это — в разных гаванях), получить карты с новейшей гидрографической и боевой обстановкой (идти по вчерашней карте — вылетишь на камни или подорвёшься на минах). О переходе корабля

должны быть заранее оповещены все береговые посты наблюдения и связи и береговые артбатареи — громаднейшая штабная работа, и никакому «ревкому» она не под силу.

При чём здесь «Центробалт», где заправлял Дыбенко? Этот Дыбенко был матрос-баталер, воровал у своих товарищей бушлаты, пошёл за это в штрафники, а в феврале 1917 года объявил себя страдальцем царского режима. 25 октября 1917 года в Морской канал Петрограда и в акваторию Невы были переведены из Ревеля и Гельсингфорса (по секретным фарватерам в наших минных полях) и Кронштадта 1 броненосец (27 октября, когда началось наступление генерала Краснова на Петроград, броненосец «Заря Свободы», бывший «Император Александр Второй», стоявший у входа в Морской канал, был заменён гвардейским крейсером «Олег»), 2 эскадренных миноносца, 3 минных заградителя, 2 тральщика, 1 сторожевое судно, 1 учебное судно, 1 лёгкое судно; они доставили несколько сотен моряков, базовый госпиталь с персоналом, 2 тысячи винтовок, 1 миллион патронов (вместе с «Авророй», которая уже стояла в Неве, общая артиллерийская сила этой эскадры могла разрушить весь центр Петрограда). Любой грамотный военный моряк вам скажет, что такой переход со сбором кораблей и судов — отличная работа штабных офицеров.

Правительство Ленина высоко оценило заслуги моряков в деле октябрьского переворота — в ноябре 1917 года контр-адмирал Развозов был произведён в вице-адмиралы, капитан 1-го ранга Иванов был произведён в контр-адмиралы (впоследствии он будет инспектором Морских войск ВЧК).

Вахтенный журнал крейсера «Аврора», относящийся к осени 1917 года, был найден в 1937 году при обыске в сейфе одного из арестованных большевистских «вождей». В вахтенном журнале отсутствовали (вырваны «с мясом») страницы с записями последних десяти дней

октября 1917 года. Зачем крейсер «Аврора» вечером 24 октября вышел на фарватер Невы? Казённая версия говорит: «вечером 24 октября прибыл на «Аврору» из Смольного гонец и передал революционный приказ — выйти к Николаевскому мосту и разогнать юнкеров, и «Аврора» тотчас вышла к мосту и разогнала юнкеров».

На «Авроре» были 24 паровых котла, и, чтобы к вечеру держать нормативное давление пара в котлах 17 атмосфер и в паровых машинах 15 атмосфер, нужно было разводить пары с раннего утра. Перемещение могучего крейсера невозможно без предварительной разработки в штабе флота.

Чтобы «напугать юнкеров», «Авроре» не было нужды шевелиться. «Аврора» стояла у стенки завода в 550 метрах ниже Николаевского моста. С такой дистанции хороший пулемётчик смахнёт папиросную пачку.

Корабль, стоящий в заводе, имел на борту небольшое количество угля — чтобы отапливать жилые отсеки (от малого котла) и чтобы крутить динамо-машину — для освещения помещений и подачи электропитания на приборы и механизмы. Чтобы крейсер «Аврора» отошёл от стенки, на него нужно было загрузить минимум сто тонн угля (достаточно, чтобы дойти из Петербурга до Ревеля или Гельсингфорса). Значит, кто-то отдал предписание командованию Угольного порта, в Угольном порту загрузили на баржу уголь, и буксир притащил эту баржу в Неву, к борту «Авроры», а нижняя команда крейсера, три сотни матросов и унтер-офицеров, в течение нескольких часов поднимала уголь из баржи на борт и раскидывала его по 20 нижним угольным ямам, и закончилось это не позднее 23 октября, ибо утром 24 октября кочегары уже бросали уголь в топку крейсера.

В одной из научных книг сталинского времени (1951 года) говорится, что крейсер «Аврора» получил боевой приказ на выход из завода ещё 22 октября.

Кораблю, стоящему в заводе, запрещено иметь на борту боезапас. Если на «Авроре» 25 октября имелись снаряды и заряды — значит, кто-то заранее, через сложный механизм штабной бюрократии, отдал приказ начальнику артскладов форта Ино отгрузить, по секретному перечню, боезапас для крейсера «Аврора», и приказ в Военный порт о переходе буксира с баржой, и приказ — самым различным службам и боевым соединениям — на боевое обеспечение этого перехода. Ночные переходы кораблей и судов в Финском заливе, ввиду минной опасности, были запрещены.

Стало быть, не ранее середины дня 25 октября буксир притащил баржу с боезапасом к борту «Авроры», и верхняя команда, на виду у Петербурга, стала перегружать боезапас в артпогреба крейсера.

«Аврора», отойдя от стенки завода, никак не приближалась к Николаевскому мосту, а, напротив, отошла вниз по течению и встала на якоря, — а 25 октября в Неву вошёл эскадренный миноносец «Самсон» (совершивший переход в Петроград из Гельсингфорса) и встал на фарватере выше «Авроры» по течению — меж «Авророй» и Николаевским мостом. «Самсон» своим корпусом и своими пушками прикрыл «Аврору» от возможного обстрела из города.

В 1917 году «Самсон» (случайно или нет получил он имя библейского богатыря?) был новейшим и лучшим эсминцем Балтийского флота. В боевой диспозиции на Неве 25 октября «Самсону» была отведена главная роль (видимо, не случайно в 1923 году этот образцовый корабль краснзнамённого Балтфлота был переименован в «Сталин», а в 1936 году стал первым военным кораблём, который прошёл за ледоколами по Северному морскому пути).

У одного мемуариста промелькнуло, что крейсер «Аврора» отошёл от заводской стенки затем, что на «Авроре» находился запасной

штаб восстания. А очевидец, мирный житель по фамилии Дубнов, записал в дневник 28 октября: в городе говорят, что, когда войдут войска Керенского, большевики сядут на «Аврору» и уплывут в Кронштадт. Вероятно, здесь и заключается правда: в случае неудачи истинные руководители переворота должны были эвакуироваться на «Аврору» (плавающую крепость) и, под прикрытием огневой мощи эскадры, уйти либо в Ревель, к генералу Черемисову под крыло, либо в Гельсингфорс, к адмиралу Развозову.

В 1960-е годы А. В. Бельшев, который в октябре 1917 года был председателем судового комитета на «Авроре», рассказал, что носовое 6-дюймовое орудие крейсера не стреляло, и никакого «сигнала к штурму» посредством орудийных выстрелов не отдавалось. Просто в девятом часу вечера на «Авроре» дважды выстрелила кормовая зенитка (со времён Петра Великого двойной выстрел кормового орудия являлся приказом «шлюпкам к борту»). На «Авроре» стояли новейшие зенитки Лендера калибром 3 дюйма, длина ствола 2,3 метра, они били в высоту на 6 вёрст, и звук их выстрела был сильным.

Красный фонарь над Петропавловской крепостью также не являлся «сигналом к штурму Зимнего». Башенка с сигнальной мачтой на Нарышкинском бастионе была главным постом оповещения кораблей на рейде реки Невы (для чего её и построили в 1731 году — по проекту Трезини).

Днём 25 октября для кораблей, вошедших в Неву, на сигнальной мачте над рейдом был поднят чёрный цилиндр — с любого угла он смотрится как чёрный квадрат, а с наступлением темноты чёрный квадрат положено заменять красным «огнём». Этот сигнал означал: высота воды 4 фута выше ординара (при маневрировании у берегов крайне важно знать глубину под судном).

Вёлся ли вечером 25 октября артиллерийский огонь из Петропав-

ловской крепости по Зимнему дворцу? (В крепости имелись 6-дюймовые и 3-дюймовые орудия, от крепости до дворца — 500 метров, стрельба была бы расстрелом в упор.)

У историков находим самые различные сведения. Одни пишут — был 1 выстрел из крепости, другие — 8 выстрелов, третьи — что пушки крепости выстрелили по дворцу 35 раз. Одни историки пишут, что крепость стреляла холостыми, другие — что разрывными снарядами, третьи — что пушки из крепости били шрапнелью.

Нужно думать, что правду пишет очевидец и участник событий (Суханов): артиллеристы крепости вообще отказались стрелять и заявили о своём нейтралитете. А чтобы избежать провокаций комиссаров, артиллеристы сняли с орудий панорамы и слили масло из цилиндров отката.

Видимо, впоследствии комиссары, которые «командовали» в тот вечер в крепости, устыдились своей беспомощности и наврали — кто как умел.

Имел ли место вечером 25 октября «штурм Зимнего дворца»? Это — смотря по тому, какой смысл мы будем вкладывать в термин «штурм».

24 октября Керенский, Верховный главнокомандующий, твёрдо верил, что у него имеются верные части, которые раздавят большевиков. Он говорил в предпарламенте, что с Северного фронта, от генерала Черемисова уже идут эшелоны с казаками, пехотой, артиллерией, броневиками и что уже отдан приказ об аресте Ленина.

В ответ меньшевистская с.-д. фракция предпарламента предложила Керенскому немедленно заключить мир на фронте и передать помещичьи земли крестьянским земельным комитетам — но Керенский такими вопросами не интересовался.

Ночь на 25 октября Керенский провёл в здании Главного штаба военного округа на Дворцовой площади — в совещаниях с военными и в ожидании эшелонов с верными войсками.

В 9 часов утра Керенский собрал министров в Главном штабе (Главный штаб, пишет очевидец, являл дикую картину — в рабочий день сплошь пустые кабинеты, разбросанные бумаги, ни дежурных адъютантов, ни одного часового — ни снаружи здания, ни внутри). Керенский сообщил министрам, что эшелоны уже идут на Петроград и что он едет им навстречу. Свои автомобили Керенскому казались ненадёжными, он попросил машину у американского посла и, не позже полудня, на мощной машине с флагом США выехал в Лугу (далее его понесло в Псков, в Остров). Министры перешли через площадь в Зимний дворец, в Малыхитовый зал.

Примерно в 1 час дня в Мариинский дворец вошла группа вооружённых людей, которые предложили депутатам предпарламента покинуть дворец, — депутаты разошлись, довольные, что их не арестовали.

В это время к Зимнему начали подтягиваться войска, верные правительству. На площади меж Александровской колонной и дворцом высились штабеля брёвен в сажень длиной — дрова на зиму для отопления дворца. Получилась неприступная баррикада. На штабелях установили пулемёты, между штабелями поставили пушки, за штабелями укрылись казаки с лошадьми и прочие защитники дворца (их число называют различно — от 3 тысяч до 8 тысяч человек). Со стороны Адмиралтейства дворец укрывала высокая ограда, в саду за оградой также поставили пулемёты. Набоков пишет, что в 3 часа дня площадь была оцеплена верными правительству солдатами, публика гуляла по тротуарам, во дворец впускали по пропускам. В седьмом часу вечера, когда Набоков покинул дворец, площадь была окружена восставшими.

Примерно в 7 часов вечера Чудновский от имени ВРК предложил министрам сдаться по-хорошему и дал на раздумье 20 минут. Министры отказались сдаться. Они верили,

что через полчаса, через час в город ворвётся Керенский с войсками.

Уже стемнело, все ждали — неизвестно чего. «От нервов» началась редкая перестрелка. «Нападающие» попрятались в Александровском саду, на Невском, под аркой Главного штаба, на Мойке, на Миллионной улице. Изредка стреляли пулемёты. Внезапные орудийные выстрелы (зенитка «Авроры») прибавили нервозности. (Утром узналось, что за вечер и ночь возле дворца были убиты 2 человека и 9 ранены.)

Перестрелка затихала, и Чудновский ходил к защитникам дворца на переговоры. Ушёл от дворца казачий полк. Ушли юнкера-артиллеристы с пушками. Ушёл женский батальон. Именно в это время беззвучно происходил не штурм — а захват дворца.

Дворец, чёрный и мрачный (он был сплошь выкрашен в тёмно-красный цвет), высился без единого огонька в окнах. Небольшая группа обученных людей (боевики Дзержинского и диверсанты разведки Генштаба) проникла во дворец через подвал, вырубил дворцовую электростанцию (которая до сих пор ржавеет во дворе) и принялась, без единого выстрела, «зачищать» дворец.

Задача непростая — во дворце более тысячи помещений, работать пришлось в темноте, а было велено никого не убивать и не увечить. В течение примерно четырёх часов дворец был без шума зачищен. Разоружённых юнкеров и офицеров, человек семьсот, согнали вниз, в вестибюль и включили свет (очевидцы вспоминают, что у юнкеров и офицеров был ужасно перепуганный вид).

Тогда, примерно в 1 час ночи, Чудновский ввёл свой небольшой отряд во дворец — арестовывать министров.

Юнкеров и офицеров отпустили на все четыре стороны. Арестованных министров увели под конвоем в Петропавловскую крепость.

Вот тут начался «штурм Зимнего дворца», показанный Эйзенштей-

ном, — озверелые тысячи «красногвардейцев» бросились грабить дворец. (После переворота в правительстве Ленина поставили вопрос: расследовать массовый грабёж в Зимнем дворце, наказать виновных, вернуть ценности, «народное достоинство», но дело заглохло — не до Зимнего дворца было в те дни.)

«Красная гвардия» — отдельная песнь. Начало ей положили большевики, в конце апреля 1917 года учредившие охранные отряды «Рабочей гвардии». Денег (кайзеровских) большевики не жалели (только за покупку типографии для «Правды» и выпуск из Швеции новейших ротационных машин они легко выложили полмиллиона рублей), и «рабочегвардейцам» платили очень хорошо.

Этими отрядами вскоре без труда завладели анархисты и перекрестили их в «красную гвардию» (два цвета анархии — красный и чёрный). В те дни милиция (замена царской полиции) составлялась по преимуществу из профессиональных воров и беглых арестантов. Уголовная дрянь поменьше ринулась в «красную гвар-

дию». Боец этой «гвардии» получал в месяц от 50 до 100 рублей (50 рублей — зарплата учителя гимназии и хорошего рабочего, 70 рублей — рабочего высокой квалификации, 100 рублей — жалование младшего офицера на фронте). «Красногвардеец» имел красную повязку, огнестрельное оружие, юридическую неприкосновенность и владел безграничным правом грабить и притеснять (про этих «красногвардейцев» писал Блок: «на спину б надо бубновый туз», «запирайте этажи, нынче будут грабежи»).

Важнее другое — за шумной ширмой «красной гвардии» Дзержинский и его люди с мая по октябрь 1917 года на глухих пустошах и в лесах Петербургского уезда обучали и тренировали собственные отряды боевиков — по всей программе профессиональных диверсантов. Эти боевики Дзержинского, совместно с диверсантами разведки Генерального штаба, малыми группами тихо овладевали Петроградом 24 и 25 октября (и они же позднее составили ядро секретных спецгрупп ВЧК).

Когда мы встречаем в литературе термин «красногвардеец» применительно к октябрю 1917 года, нужно относиться к нему с осторожностью и постараться различить, где речь идёт о диверсантах Дзержинского, а где — о грязных бандах уголовников.

В августе, в «корниловские дни», Керенский в панике распорядился выдать «народу» 50 тысяч винтовок и море патронов — для «защиты Петрограда». Нетрудно догадаться, в чьи руки попали те винтовки.

В гордых книжках про Октябрь мы читаем, что «в дни Октября революционный пролетариат имел 40 тысяч красногвардейцев», а в книжках по истории ВЧК читаем, что «в ноябре 1917 года Петроград терроризировали 40 тысяч вооружённых бандитов». Видимо, речь идёт об одних и тех же людях.

Вооружённые силы ВЧК были созданы для уничтожения «красной гвардии». В феврале 1918 года правительство Ленина ввело смертную казнь за бандитизм (смертная казнь в России была «навечно» отменена

первым Временным правительством в марте 1917 года). В марте 1918 года начальник ПетроЧК Петерс докладывал Петросовету и Дзержинскому в Москву, что все усилия его ведомства «поглощает борьба с бандитизмом». В том же марте «красная гвардия» была объявлена вне закона. Петросовет постановил, что всякий, имеющий незарегистрированное оружие, будет расстреливаться как налётчик. Тысячные банды «красной гвардии» кинулись бежать из Питера.

В мае 1918 года Горький в своей газете «Новая жизнь» приводил

свидетельства, как банды «красногвардейцев» численностью до нескольких сотен человек грабят сёла в Петербургской губернии, убивают, пытаются, обкладывают крестьян контрибуцией. В том же мае отряд «красной гвардии» под командованием штабс-капитана Наумова захватил и начал грабить Царское Село. Была изрядная битва за Царское Село, и части «особого назначения» ВЧК перебили «наумовцев» как собак. В течение лета полки «особого назначения» уничтожали «красногвардейцев» в Луге, Гатчине, Новой Ладоге, Тихвине (официально это звалось

«подавление кулацких восстаний», но какие же могли быть «кулацкие восстания» в городах?). К сентябрю 1918 года «красная гвардия» была истреблена.

Интересный вопрос — а кто всё-таки руководил переворотом 25 октября? Официальные учебники дружно говорят — Ленин. Но Ленин, как явствует из всего, был при этом деле «посторонним». Он лишь писал бесконечные «советы постороннего».

Троцкий, который вообще не был причастен к делу переворота и которого большевики с конца сентября 1917 года держали в Петросовете как ширму, чванливо утверждал, что, поскольку Комитет обороны (впоследствии Военно-революционный комитет) числился при Петросовете, где председательствовал Лев Давидович, то лично он, Троцкий, и является руководителем революции в октябре 1917 года.

В действительности все «военно-революционные приказания», которые рассылались по Петрограду от имени Петросовета, были подписаны вовсе не Троцким, а Лашевичем (в 1918 году Лашевич будет командовать 3-й армией РККА). Чем занимался ВРК? Он непрерывно заседал. Троцкий пишет, что «Сталин не мог руководить восстанием, потому что Сталин ни разу не появился на заседаниях ВРК». Да потому-то Сталин и не появлялся на заседаниях ВРК, что этот бессмысленный орган ничем не руководил, а только взывал к бандитской «красной гвардии». Председателем ВРК в Смольном неотлучно сидел Подвойский — и на этом основании позднее он называл себя главным творцом, совершившим революцию. Кроме ВРК, существовал ещё Полевой штаб ВРК, с Антоновым-Овсеенко во главе (в Петропавловской крепости). Антонов впоследствии утверждал, что именно он сочинил «план восстания». Имелся еще, помимо ВРК и Полевого штаба, Военно-революционный центр (Сталин, Дзержинский, Урицкий, Бубнов, Свердлов). Свердлов отношения

к перевороту не имел, он сидел «на партии» и был поглощён организацией и сколачиванием большевистской фракции грядущего съезда Советов.

А в 1924 году вдруг выплыло, что в конце октября 1917 года работал в Петрограде совершенно тайный «практический центр», где значились три человека: Сталин, Дзержинский, Урицкий.

Троцкий был в ярости, Троцкий писал, что Сталин не мог руководить революцией, потому что «Сталина никто нигде не видел».

Троцкий писал с издёвкой: «Что это за руководящий центр, о котором никто не знал?» Вот потому никто и не видел Сталина, что Сталин вместе с генералами русской военной разведки занимался делом.

А где был Ленин? Примечательно, что в «октябрьские дни» Ленина тоже никто не видел. Естественно, что Ленин тихо сидел возле Сталина.

В последние дни накануне переворота Ленин прятался на Сердобольской, дом 1 (под окном свистели паровозы, станция Ланская, чуть что — сел на поезд, и через 20 минут ты в Финляндии). Никто, кроме Сталина, не знал ленинского адреса. Члены ЦК поддерживали связь с Лениным только через Сталина. Принято считать, что Ленин ушёл из дома на Сердобольской ближе к полуночи.

Этого не могло быть, ибо Ленин ехал к Литейному мосту на трамвае, а трамваи 24 октября перестали ходить в 6 часов вечера.

Как уходил Ленин из дома на Сердобольской — тоже никто не видел. В квартире Ленин был один. Свешников пишет, что Ленин ушёл и оставил записку. В шестом часу вечера за Лениным пришёл неизвестный «связист», посланный Сталиным («связистом» тогда назывался в армии офицер связи, переносящий поручения от командующего к командующему). Далее Ленина никто не видел. В 3 часа дня 25 октября Ленин появился в Смольном на заседании Петросвета, коротко вы-

ступал — и вновь исчез. Его не было вечером 25 октября на открытии съезда Советов. Вновь Ленин появился в Смольном только поздним вечером 26 октября, когда дело переворота было решено.

Где находился истинный штаб переворота? Какими неперенными качествами должно обладать это помещение? Оно должно быть неприметным (само собой). В нём должны находиться средства военной связи (только люди слабого мышления, вроде Троцкого или Антонова, способны вообразить, что возможно руководить военно-государственным переворотом по городскому телефону). Оно должно находиться на набережной, желательно — на берегу Невы (чтобы в случае заминки руководители заговора могли мгновенно сесть в моторную лодку и уплыть к крейсеру «Аврора». А все троцкие, каменевы, подвойские, антоновы, чудновские и прочие, весь съезд Советов — оставлялись врагу на растерзание. Заметим, что два важнейших руководителя переворота — военный министр генерал Маниковский и морской министр адмирал Вердеревский, члены правительства Керенского, вечером 25 октября сидели в Зимнем дворце, — в случае неудачи заговора они имели бы абсолютное алиби. Оба они были выпущены на свободу утром 26 октября, а прочие министры сидели в Петропавловской крепости, в ужасных условиях, до января 1918 года). Дом должен иметь проходные дворы к соседним улицам, чтобы агенты могли приходить и уходить незамеченными.

Единственно возможное и пригодное место — рядом с Литейным мостом, на Неве, Воскресенская набережная, дом 28. Жилой дом, а во втором его этаже — контрразведка Петроградского военного округа.

Отсюда вели проходные дворы на Шпалерную. Именно на Шпалерной «связист», который вёл Ленина к Сталину, показал юнкерам такой «документик», что те щёлкнули каблуками, а «связист» и Ленин исчез-

ли в ночных (в седьмом часу вечера уже была ночь) проходных дворах.

Переворот был затеян за день до съезда, чтобы вручить власть съезду — и сразу заключить мир. Но выяснилось, что съезд не хочет брать власть. Делегаты не понимали, зачем они собрались. Из анкет делегатов-большевиков видно, что многие большевики из глубинки не хотели «власти Советов» — они хотели «демократии» и даже «коалиции» — власти совместно с «буржуями».

Съезд открылся в Смольном (загаженном, заплёванном, плохо освещённом) 25 октября в 11 часов вечера, когда на Дворцовой площади шла вялая стрельба. Съезд возмутился против «насилия». Мартов заявил, что происходящее — «военный заговор за спиной съезда» (видимо, Мартов, человек умнейший и хорошо информированный, что-то знал о «генеральском» закулисье происходящего переворота).

Арест министров, которые почему-то не разбежались утром, а заперлись за штыками в Зимнем дворце, был нужен заговорщикам, чтобы предъявить этот арест съезду Советов как неоспоримый факт низвержения прежней власти. В четвёртом часу утра Каменев зачитал съезду телеграмму Антонова о том, что Временное правительство арестовано.

Большевики имели на съезде менее половины мандатов.

Догадайся эсеры и меньшевики объединиться — они бы сформировали своё правительство. Но правые эсеры и «чистые» меньшевики в знак протеста, негодуя, покинули съезд. Большевики получили большинство и приняли «Декрет о мире».

Керенский в эмиграции писал: «Если бы мы заключили мир, мы бы и теперь правили в Москве».

Ленин в 1919 году на конгрессе Коминтерна говорил: «Наша революция в октябре семнадцатого года была — буржуазная».

Первое правительство Ленина, созданное 27 октября (9 ноября) 1917 года, называлось Временным. Съезд дал этому правительству срок

полномочий ровно на 1 месяц — до 27 ноября, на этот день назначив открытие Учредительного собрания.

12 ноября прошли выборы в Учредительное собрание, большевики получили четверть голосов, эсеры — больше половины. Имелась реальная угроза, что «учредилка», руководимая лидерами эсеров (масонами), потребует продолжения войны.

По вопросу войны и мира Ленин и Сталин даже в ЦК и в правительстве находились в меньшинстве. Вероятно, что под нажимом генералов созыв Учредительного собрания перенесли на 5 января 1918 года — в надежде, что до этого дня удастся подписать с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией мир (проект этого сепаратного перемирия и мирного договора разрабатывался в русском Генштабе). 3 декабря в Брест-Литовске начались переговоры.

России воевать было нечем. Фронта не было. Траншеи на десятки вёрст стояли под снегом без единого солдата. Новая, социалистическая армия набиралась (за хорошее жалование) туго. К 1 января удалось завербовать лишь 700 добровольцев. Споры в Брест-Литовске (делегацию от России возглавляли Каменев и Иоффе) не давали результата.

Только 3 января 1918 года в России произошёл настоящий государственный переворот. ВЦИК Советов, где большевики имели твёрдое большинство — 62%, издал декрет, по которому Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отныне и навсегда вся власть в центре и на местах принадлежала Советам. По этому декрету Учредительное собрание становилось учреждением устаревшим и незаконным. 10 (23) января 3-й Всероссийский съезд Советов (с большинством большевиков) утвердил этот декрет — в этот день в России и наступила советская власть.

Подписывать мир с «центральными державами» послали министра иностранных дел Троцкого, военными экспертами при нём были гене-

рал Самойло и адмирал Альфатер. Сохранились ленты телеграфа спецсвязи — на многие вопросы Троцкого премьер-министр Ленин отвечает: «нужно посоветоваться со Сталиным» (очевидно, что Сталин находился на связи с генералами Генштаба).

Германия, и в особенности Австро-Венгрия, неимоверно жаждали мира, в Вене и Берлине сотни тысяч людей выходили на улицы, требуя еды.

Троцкий 11 февраля отказался подписать мир, хотя немцы и австрийцы ему прямо говорили: тогда вы получите войну (теперь мы знаем, что Троцкий был агентом администрации президента США, и очевидно, что он исполнял веление своих хозяев — любой ценой удержать 130 германских дивизий на Восточном фронте).

18 февраля 72 германские и австрийские дивизии двинулись в наступление, забирая тысячи брошенных пушек и миномётов, пулемётов, грузовиков, огромные склады боеприпасов и снаряжения. 20 февраля из Петрограда в Двинск спешно выехали парламентарии — умолять о перемирии. Ленин всегда презирал слово «отечество», он утверждал (по Марксу), что у пролетария не может быть Родины. Но 21 февраля Совет народных комиссаров выпустил воззвание: «Социалистическое Отечество в опасности!». В тексте воззвания-декрета видна твёрдая генеральская рука (многие пункты этого декрета дословно перешли в Постановление ГКО от 3 июля 1941 года).

Почему 23 февраля — «день рождения Красной армии»? Это был позорный день бегства русских солдат-наёмников. Немцы без боя заняли Нарву и Псков (где шла безумная матросская пьянь: военный и морской министр ленинского правительства матрос-баталер Дыбенко справлял свою свадьбу с любвеобильной Александрой Коллонтай — от чего осталось присловье: «как Дыбенко с Коллонтай пропили Псков»).

Дело, видимо, в том, что 22 февраля из Могилёва в Петроград при-

ехала большая группа генералов во главе с начальником штаба Ставки Верховного главнокомандования генералом М. Д. Бонч-Бруевичем. Вечером они встретились с Лениным и Сталиным. Трудный разговор продлился до утра. Речь шла о спасении России.

Требования генералов: немедленное заключение мира, на любых условиях, национализация всей оборонной промышленности: горно-рудной, металлургической и прочая (с этим требованием группа генералов во главе с начальником Главного артиллерийского управления генералом А. А. Маниковским обращалась к царю еще в 1916 году — ответа, естественно, не последовало), новая армия строится на основе всеобщей воинской обязанности, запретить все солдатские комитеты и советы, никакого обсуждения приказов, железная дисциплина, за воинские преступления — расстрел. Ленин принял все требования.

В тот же день, 23 февраля 1918 года, Ленин имел самую тяжёлую свою битву. Его ЦК дружно и категорически выступил и против мира, и против «царской» армии. После долгих часов крика Ленин ультимативно заявил, что уходит из ЦК. Поздней ночью предложения Ленина были приняты: 7 голосов «за», 4 «против», 4 «воздержались». Рождение новой армии получило первичное оформление.

Ленин в те дни писал: «После 25 октября мы — оборонцы, мы теперь за защиту Отечества».

3 марта 1918 года был подписан мир (на условиях втрое худших, чем это могло быть в декабре 1917 года). 4 марта в Республике Советов был учреждён Высший военный совет, его возглавил генерал Бонч-Бруевич.

Басню про «Троцкого — создателя Красной армии» сочинил сам Троцкий (многие до сих пор в это верят). Красную армию создавали генералы и офицеры старого русского Генштаба. С марта по май была проделана громадная работа. Были

написаны, на опыте трёх лет войны в Европе, новые Полевые уставы для всех родов войск и их боевого взаимодействия — лучшие уставы в мире. Была создана новая мобилизационная схема — система военных комиссариатов (она служит России до сих пор).

Красная армия сделалась непобедимой, потому что ею командовали патриоты — десятки лучших русских генералов, прошедших две войны, и 100 тысяч отменных боевых офицеров (а комиссары в пыльных шлемах только путались под ногами, пьянствовали и грабили население). В распоряжении Красной армии при новой мобилизационной системе были неограниченные людские ресурсы — и армия имела громадные запасы оружия, боеприпасов и снаряжения (накопленные царским военным министром генералом Полиновым).

19 марта 1918 года Троцкий добился смещения генерала Бонч-Бруевича и сам занял его место. Бонч-Бруевич возглавил штаб Высшего

военсовета. Троцкий же стал «засланным казачком» — прикрытием иностранной интервенции в Россию.

В начале марта 1918 года в Лондоне состоялась секретная конференция союзных держав, где было принято решение о совместном вооружённом вторжении (интервенции) в Россию. Намечалось навсегда покончить с Россией как с крупной независимой державой, лишить её выходов к морям и разделить на части.

Будто исполняя решения той конференции, Троцкий в конце марта 1918 года официально, от имени ленинского правительства пригласил в Россию армии Британской империи, Франции и США — чтобы защитить власть Советов от Германии. Что из этого получилось — известно.

В 1916 году группа высших офицеров во главе с генерал-аншефом Маниковским предоставили Николаю II доклад, где отмечалось, что следующая большая война в Европе начнётся примерно через 20 лет. К этому времени Россия, если не хочет погибнуть, обязана

стать мощной индустриальной державой, с полным государственным контролем над промышленностью. Сталин с группой единомышленников (в жестокой борьбе против «троцкистов-ленинцев», которые презирали и ненавидели Россию) окончательно взял власть в 1930 году.

Драгоценное десятилетие было упущено. «Группе Сталина» предстояло невозможное — под видом «строительства социализма», в кратчайшие годы, не считаясь с затратами, создать в стране мобилизационную экономику, выстроить тысячи современных заводов, построить на пустом месте новейшие отрасли оборонной промышленности, которые будут выпускать наилучшее вооружение.

В публичном выступлении (напечатанном в газетах) Сталин сказал, что Россия отстала от передовых государств на 50 и даже на 100 лет и что Историей нам отпущено только 10 лет, чтобы пробежать это отставание — иначе нас сомнут. Это было сказано в феврале 1931 года.

Революция и Россия

*Круглый стол Изборского клуба
к 100-летию Великого Октября*

Александр НАГОРНЫЙ,
заместитель председателя
Изборского клуба:

— Уважаемые коллеги!

В связи со столетием Октябрьской революции 1917 года мы являемся свидетелями, во-первых, гигантских усилий, направленных на то, чтобы трансформировать её общественное восприятие как малозначимого и в целом даже какого-то негативного события в истории нашей страны. При этом используются практически те же самые приёмы, которые мы видим на территории бывших союзных республик.

Только там, включая необандеровскую Украину, продвигается концепция «русской оккупации», которая «задавила» их национальное развитие, а в нашей стране говорится об оккупации великого русского народа «большевиками», о «России, которую мы потеряли», о катастрофических жертвах, которые и русские, и другие народы России понесли в годы советской власти.

С другой стороны, и это уже во-вторых, чрезвычайно активно проводятся параллели между революционной ситуацией сто лет назад и нынешней ситуацией, российскую власть, находящуюся под санкциями Запада и вступившую в период президентских выборов страшат новой Октябрьской революцией, которая вынесет её из Кремля, как сто лет назад вынесла Временное правительство, с тем же «триколором» и двуглавым орлом в качестве герба, из Зимнего дворца.

Всё это работает на разрыв нашей истории, на разрыв между обществом и властью, на разрыв самого нашего общества и без того наэлектризованного вопиющим социальным неравенством, отсутствием каких-либо жизненных перспектив, массовой бедностью, межнациональными и прочими проблемами и конфликтами. Поэтому тема нашего круглого стола — отношения революции и России

сегодня, а также их сравнение с теми отношениями, которые существовали сто лет назад. Михаил Геннадиевич Делягин подготовил небольшой вступительный доклад, предоставляю ему слово.

Михаил ДЕЛЯГИН,
доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации:

— Революция — это чудовищная судорога общественного организма, загнанного в невыносимые, убивающие его условия существования. Когда институты общества становятся несовместимы с его жизнью, инстинкт самосохранения может толкнуть его на взрывное, насильственное уничтожение этих институтов в надежде на последующее их переформатирование, соответствующее интересам общества.

Для успеха социалистических революций, осуществляемых в интересах основной массы народа, принципиальна роль интеллигенции — образованной части общества, сочетающей политическую слабость (не позволяющую стать самостоятельной силой) с высокой общественной активностью и не реализованной, вследствие завышенности, самооценкой. Эти особенности имеют свои интересные исторические причины (разные, например, в России и Китае, но приведшие к схожим результатам), однако нам важно следствие.

Сочетание слабости, активности и сомнений позволяет интеллигенции захватывать контроль над другими слабыми (как буржуазия в Февральской и рабочий класс в Великой Октябрьской революциях) или неосознанными (как крестьянство) классами. Пробуждая их самосознание, интеллигенция направляет их активность. Слабость интеллигенции превращает её в уникального паразита, действующего в интересах объекта паразитирования (строго говоря, до перерождения управляющей элиты речь идёт о симбиозе): кре-

стьянство под её руководством добивается исполнения своей мечты о земле, рабочий класс за счёт крестьянства создаёт индустрию, чтобы стать социальным гегемоном на деле, а не только в теории. Не случайно Октябрьская революция делалась именно интеллигенцией (о чём свидетельствует состав первого правительства Ленина).

Без интеллигенции как социального мозга подавляемые и эксплуатируемые классы не в силах осознать свои интересы. Крестьянство без неё способно лишь на бунт и разные варианты махновщины, а рабочий класс — либо на обречённую пассивным оборончеством на гибель Парижскую коммуну, либо на циничный торг профсоюзов с работодателем, который может быть сколь угодно успешен тактически, но всегда стратегически обречён.

В современной России интеллигенция слишком слаба и стоит вдобавок (в своей организованной и наиболее эффективной части) на принципиально враждебных обществу либеральных позициях (обслуживая интересы глобальных спекулянтов против интересов народа, причём совершенно открыто и демонстративно), что лишает её революционного потенциала.

Тем не менее многие проблемы остаются нерешаемыми и способны создать революционную ситуацию (пусть даже, из-за слабости интеллигенции, и лишённую пресловутого «субъективного фактора»).

Я попытаюсь перечислить и кратко охарактеризовать эти проблемы.

Во-первых, налицо проблема сословности, которая подавляет движение «социальных лифтов». В Российской империи начала XX века продолжала существовать ещё петровская Табель о рангах, которая в Советском Союзе получила вид партийной номенклатуры, а в современной России — бюрократической «пирамиды» и финансово-экономической олигархии.

Крах СССР во многом был вызван возрождением сословной организации власти, которая ещё раз трагически доказала свою несовместимость с индустриальным, а тем более — с «постиндустриальным» обществом. Сегодня в России сословное общество восстанавливается с разных концов либералами и консерваторами. Они уповают на то, что информационные технологии сверхпроизводительны и в условиях рынка, в отличие от индустриальных, делают «лишними» огромные массы населения, не имеющие возможности защищать свои интересы. Это создаёт условия для становления нового Средневековья — и порождает иллюзии возможности сохранения сословной власти в виде некоего «нового феодализма».

Во-вторых, это проблема внешнего управления. Слабость власти, её оторванность от общества и стремление жить за счёт этого общества делает власть заложником иностранных капиталов (ибо ей не на кого опереться внутри страны), превращая её в механизм внешнего, заведомо равнодушного к будущему страны и её народа управления. Начиная с реформ Витте Россия была полем битвы английского, французского, американского и немецкого капиталов, и эта зависимость была только до предела ослаблена (только ослаблена, но не до конца преодолена!) Сталиным. Именно за это Сталин так ненавистен Западу, а следом за ним — отечественным «либералам».

Сегодня глобальный капитал через свою «агентуру влияния» практически полностью контролирует социально-экономическую политику нашего государства, во многом его внутреннюю и отчасти даже внешнюю политику. Российская Федерация в её нынешнем виде не способна обеспечить народу ни достойный уровень жизни, ни тем более — развитие. А российский политический ли-

берализм является той «иглой», через которую из страны откачиваются на Запад ресурсы: сырьевые, финансовые, человеческие и так далее.

Обслуживание внешних интересов делает власть разрушительной, а сословность — глухой к потребностям общества. В сумме это обеспечивает, как в последний период царизма, невменяемость власти, нерешаемость ключевых проблем, блокирование развития и тупиковую ситуацию, в которой неизбежно возникновение заговоров. Ситуацию для нас пока смягчает глобальный кризис, отвлекающий внимание и силы западных «элит» и оставляющий российским властям определённое пространство для манёвра и продвижения своих интересов. Но надо понимать, что кризис не вечен, и Россия выйдет из него, скорее всего, ослабленной и технологически отсталой по сравнению с основными «центрами силы». Современное Российское государство, насколько можно судить, создавалось в рамках СССР для разграбления советского наследства. И хотя российская внешняя политика стала хотя бы стремиться к защите суверенитета и тем самым интересов народа — социально-экономическая политика осталась либеральной. Этот гибрид нежизнеспособен: если народ не нормализует социально-экономическую политику, не обеспечит переход от разграбления страны к её развитию — она утянет Россию в новую Смуту.

Ситуация усугубляется тем, что грабёж основной части материальных ресурсов, унаследованных от советской цивилизации, сопровождался и грабежом социальных ресурсов общества. Начиная с 1991 года в стране идут мощные социальные реформы, направленные на лишение людей привычных (и, строго говоря, необходимых) условий существования. Внешне это выглядит как уничтожение

повседневности, как разрушение самой возможности нормальной жизни. Тот «социальный договор», который худо-бедно обеспечил «путинскую стабильность», легко может быть денонсирован властью, поскольку «пирог», производимый на территории нашей страны, больше не становится, развития нет. Причём даже формальная национализация, на которой настаивают отечественные «левые», здесь совершенно недостаточна: нужен реальный контроль общества за тем, чтобы общественное имущество управлялось в его интересах, а не в частных интересах управляющих. А такой контроль невозможен в условиях глобальной «диктатуры доллара».

Новые технологии, в том числе информационные, цифровые, объективно создают ранее не существовавшие возможности для решения этих проблем, но в нынешних условиях они, скорее всего, будут использоваться в прямо противоположных целях: не развития демократии, а установления «электронной диктатуры»; причём это касается не только социальной активности людей, но и их экономической, производственной активности. И это, в свою очередь, будет подталкивать Россию к новой революции, причём не «революции сверху», а «революции снизу». Поэтому выходом представляется одновременное действие в двух направлениях:

- вразумление управляющей системы в целях пробуждения в ней инстинкта самосохранения и предупреждения срыва в Смуту (при всей ироничности формулы «просветлится — станет Буддхисатвой», как минимум одному лидеру управляющей системы за последние две тысячи лет это удалось);

- формирование максимально насыщенного культурно-интеллектуального «раствора», который обеспечит стремительное формирование «субъективного фактора» в случае срыва в Смуту.

Константин СЁМИН,
тележурналист, ведущий
ВГТРК:

— Если сравнить две политические карты мира, 1917 и 2017 годов, то мы увидим как будто две разные планеты. Октябрьская революция стала, прежде всего, мощнейшим детонатором для национально-освободительных движений в бывших колониях и полуколониях империалистических держав, устранила идейное, политическое и экономическое доминирование западной цивилизации. Это был такой тектонический толчок, волны от которого ощущаются до сих пор. Не просто главное событие XX века — ничего больше и лучше наша страна за всю её историю человечеству не предложила. И сколько бы ни пытались капиталисты и империалисты всего мира это отрицать, факт остаётся фактом.

Говорят ещё, что Россия из-за революции понесла немыслимый ущерб, что жертвы Гражданской войны и Великой

Отечественной — на совести «пламенных революционеров». Извините, а Первую мировую войну кто развязал, большевики? На чьей совести её жертвы? А кто развязал Гражданскую войну, большевики? Нет, её развязали страны Антанты, которые рассчитывали ослабить Россию и разорвать её на куски. Все эти белочи, кому-чи, колчаки, деникины и врангели были на полном содержании зарубежных держав, которые не гнушались и прямой интервенцией. Если бы не большевики, бывшая Российская империя наверняка была бы разорвана на множество враждующих между собой «новых национальных государств» и прошла не менее, но ещё более кровавый путь междоусобиц, причём без всяких надежд на дальнейшее развитие — зачем Западу был ещё один конкурент? Глава Временного правительства Александр Керенский этого даже не скрывал — достаточно посмотреть его интервью после Второй

мировой войны. Да и наша история последних лет — перестройки и рыночных реформ — наглядно демонстрирует, какие потери нас могли ожидать — да, более размазанные во времени и, условно говоря, путём удушения, а не расстрела, но в данном случае это не принципиально.

Тем не менее революция в России не только победила — она ещё и сумела себя отстоять. Почему это стало возможным, хотя, казалось бы, силы были категорически неравны? Это стало возможным благодаря массовой поддержке и мобилизации всех слоёв тогдашнего российского общества, в первую очередь — крестьянства. В чём тогда была сила большевиков? В том, что у них была точная «дорожная карта» действий на основе научного подхода, на основе теории марксизма. Они действовали в соответствии с этой теорией, которую воспринимали как руководство к действию — достаточно точно, быстро

и эффективно, хотя тот же Ленин всё время ругал своих соратников за расхлябанность и медлительность. Но с другой стороны, были только хаос и неопределённость — уже Первая мировая война, как скальпелем, вскрыла брюшную полость России, беременной революцией. А Гражданская война завершила эту операцию. В итоге получилось такое политическое кесарево сечение, но младенец, которому предрекали неизбежную и быструю смерть, не только выжил, но и прожил семьдесят с лишним лет, вместивших в себя грандиозные свершения. И все мы — внуки этой состарившейся и в конце концов отошедшей в мир иной революции. Но логика марксизма-ленинизма продолжает оставаться актуальной и сегодня. Если мы не сумеем её использовать, она будет использована против нас, и тут никакие иконы с крестами и миром, никакие монархии короны никого не спасут, как не спасли

они Российскую империю от поражения в Русско-японской войне и от удара в спину, нанесённого её вроде бы союзниками в Первую мировую войну.

Капиталистическая система неизбежно генерирует такие противоречия, которые разрешаются только глобальными кризисами и мировыми войнами. Так было и в XVIII веке, и в XIX, и в XX, так происходит и сейчас, в XXI веке. Выйти из этих циклов можно только при переходе к новому типу общества, прообраз которого предложила всему миру наша страна в виде советского социализма.

Шамиль СУЛТАНОВ,
руководитель Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир»:

— Как известно, Ленин выделял три важнейших принципа или признака, описывающих системный кризис, который разворачивает-

ся в данном социуме накануне революции.

Первое: «Верхи не могут управлять по-старому» — то есть господствующий класс не может сохранять в неизменном виде своё господство. Почему же политико-экономический истеблишмент не может это сделать? Февраль 1917 года предельно ясно ответил на этот вопрос. Тогда господствующий класс Российской империи почти мгновенно раскололся на конкурирующие группировки, причём абсолютное большинство этих группировок понимало, что возврата к старой властной модели уже быть не может. А как в условиях системного кризиса управлять страной и людьми, никто из них не знал.

Что происходит в этом отношении сегодня, когда неокapиTaлизм, сменивший во второй половине XX века капитализм классический, при переходе к шестому технологическому укладу всё больше

погружается в новый глобальный системный кризис?

Прежде всего, ускоряется раскол глобального господствующего класса: между группами финансового капитала, где выделяются группировки цифрового капитала, между сторонниками реального сектора и виртуального капитала, между изоляционистами и глобалистами и т.д. Большинство из этих группировок понимают, что в условиях быстрого инновационного развития во многих сферах жизни возврат к прежним моделям управления невозможен. И в условиях нарастающего системного кризиса мало кто способен смоделировать будущую (даже в среднесрочной перспективе) систему социума и подсистему управления им.

Второе: «Низы не хотят жить по-старому» — это означает резкое обострение нужды и бедствий угнетённых классов, а также их желание изменить свою жизнь к лучшему.

Социально-экономическое положение угнетённых классов в России начиная с августа 1914 года быстро ухудшалось. Угроза массового голода становилась всё более реальной — ведь миллионы кормильцев были мобилизованы на фронты Первой мировой. Одновременно массово распространялось и социальное ощущение безнадёжности, связанное, прежде всего, с ростом недоверия общества к официальным институтам власти. Всё это вместе предопределило глубокий раскол российского общества к октябрю 1917 года.

Что же происходит в условиях начавшегося в 2007–2008 гг. глобального системного кризиса? С одной стороны, происходит неуклонное размывание среднего класса, который в течение 70 лет был основой западного общества массового производства и массового потребления. Социально-экономическая ситуация ухудшается, и широкие strаты общества, наоборот, хотели бы

«жить по-старому». Но в условиях перехода к цифровому обществу, роботизированной экономике, перманентным инновациям и т.д. «жить по-старому» уже никак не получится. Отсюда появление идеологии трампизма, распространение социальной депрессии, волна алкоголизма и наркомании. С другой стороны, широкие массы населения всех стран мира в условиях перехода к шестому технологическому укладу форсированно маргинализируются. А это означает всё большее распространение массовой нищеты, голода, болезней, ощущения тотальной безнадёжности, что ведёт к появлению глобальных иммиграционных потоков, росту многообразных форм радикализма, усилению жёстких конфронтационных настроений в социумах и подъёму экстремистских партий и организаций.

И всё это в ближайшие десять лет будет идти только по нарастающей. То есть революционный кризис потенциально будет усиливаться.

Наконец, третья ленинская характеристика революции — это рост активности масс, привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому действию. Революция в России как раз и продемонстрировала способность масс к такому самостоятельному историческому выступлению. Октябрьская революция стала великой, поскольку она была народной.

Нынешняя глобальная ситуация пока далека от того, чтобы в какой-то мере повторить российский революционный опыт. Главная причина заключается в том, что сегодня десятки и сотни миллионов людей настолько социально и политически «отдрессированы», что даже не вполне понимают смысл того, что такое «самостоятельное историческое действие».

Как, когда и каким образом завершится нынешний глобальный

системный кризис, сегодня мало кто может адекватно смоделировать. Однако главный парадокс кризисов такого рода заключается в том, что попытки разрешить те или иные его отдельные проблемы приводят только к их усложнению и нарастанию. Методологический принцип выхода из такого системного парадокса сформулировал ещё Герберт Парето в 20-е годы прошлого века: «Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень». В применении к нашей теме это означает, что необходимость и значимость революционной теории сегодня гораздо выше, чем в 1917 году.

Александр ЛЮБИНИН, *экономист:*

— Соглашусь с тем, что отечественная и мировая история даёт множество примеров того, что происходит с общественным строем, когда не решаются насущные задачи развития. Аграрная проблематика в Англии, Франции, Германии во время Первой мировой войны отсутствовала, поэтому ничего похожего на российскую революцию там не произошло, хотя попытки коммунистов в потерпевших поражение центральных державах устроить советскую власть были. Тем не менее с чисто экономической точки зрения революция в России решала и решила, в первую очередь, задачи устранения пережитков феодальной системы и выхода на передовые рубежи системы капиталистического типа при помощи государственного капитализма. Называть это социализмом — очень большая ошибка. Сталин пошёл на это сознательно, поскольку рассчитывал на перерастание капиталистических отношений в социалистические при сохранении советской власти. В СССР, можно сказать, был капитализм наоборот, вывернутый

наизнанку. Но и говорить, что он ничего общего не имел с социализмом, — тоже нельзя. Потому что общественная и коллективная собственность на средства производства при Сталине только укреплялась и развивалась. С этим мы провели коллективизацию и индустриализацию, победили в Великой Отечественной войне, восстановили экономику, вышли в космос, добились военно-стратегического паритета с «коллективным Западом», а дальше что? Мы упёрлись не столько в теорию, сколько в объективность производственных отношений, которая всё-таки вывернулась обратно в капитализм. Можно ли было этого избежать? Я сейчас не могу ответить на этот вопрос — в Китае, например, пытаются это сделать на новом технологическом уровне и на гигантской массе реального сектора экономики. Но чем и как закончится этот эксперимент, никто ещё не знает. Применительно к России мы даже не вернулись на уровень 1990 года, поэтому всерьёз задумываться о «следующем шаге» нам пока рано. Но понятно, что одной «общегражданской идеей» для этого всё-таки не обойтись, нужна будет и теория, и политическая организация, чего пока не просматривается.

Александр ДУГИН,
*лидер Международного
Евразийского движения:*

— Октябрьская революция — огромная тема и крайне болезненное, патогенное ядро нашего общества. Тогда, в октябре 1917 года, мы сделали что-то огромное, масштабное, что-то чудовищное или, наоборот, прекрасное. Но что же это было? Сто лет русской истории не дали нам ни капли осмысленности в понимании сути этого события. Великие страдания, великие достижения, успехи XX века в конечном итоге породили зияющую семантическую пустоту.

История — совокупность не фактов, а смыслов. Собы-

тие само по себе превращается в историческое только после того, как оно подвергается интерпретации. Без интерпретации нет факта. Для человека фактом и событием является только то, что несёт смысл. Поэтому постепенная утрата смысла Великой Октябрьской социалистической революции или Октябрьского переворота (как угодно) — постепенно стирает сам факт. И если мы и дальше не научимся понимать смысл этого события, через какое-то время мы его утратим.

Чтобы обеспечить себе территорию осмысленного отношения к Великой Октябрьской социалистической революции, необходимо сделать ряд предварительных отрицаний. Начнём с того, что существует три интерпретации этого события, соответствующие трём основным политическим теориям: либеральной, марксистской и националистической (консервативной). Я полагаю, что все три объяснения Октября абсолютно неверны. С ними надо расстаться, для того чтобы подойти к аутентичному смыслу этого события.

Начнём по порядку. Первое объяснение, либеральное, — говорит нам о том, что Россия развивалась с опозданием, отставая от Запада. После Февральской революции удалось наконец-то сбросить проклятое самодержавие, построить институты гражданского общества, учредительные собрания и приступить к буржуазным либеральным реформам. К сожалению, безумный русский народ: рабский, тоталитарный, экстремистский и человеконенавистнический, не готовый к демократии, — отверг эту попытку начать демократические реформы и тут же создал новую форму тоталитаризма... Как мы видим, либеральная историография игнорирует специфику нашей национальной истории, её логику.

Вторая точка зрения, не менее неправильная, — это марксистская точка зрения, соответствующая второй политической теории. У нас

она доминировала в течение семидесяти лет, поэтому даже наше младшее поколение через культуру, фильмы, образование впитало в себя представление о том, что существует смена экономических формаций, что за феодализмом идёт капитализм, за капитализмом — социализм, а за социализмом — коммунизм. Эта точка зрения не учитывала — даже с точки зрения марксизма — того, в каком положении находилась Россия, какова структура была у российского общества накануне революции в начале XX века. Вся история советской власти, всего того, что пришло ей на смену, — напроочь перечёркнула это объяснение.

Третья версия — это консервативная или националистическая, миноритарная версия о том, как в запечатанном вагоне приехали «товарищи» — инородцы, поддержанные мировым правительством, мировой закулисой и немецким генштабом. Приехали, захватили здесь незаконно власть, осуществили переворот, устроили геноцид и стали править нашей страной. Если бы не товарищ Сталин, который порешил эту гвардию в 1937 году, то так бы страна и оставалась в руках этой инородческой сволочи... Конечно, и у этой версии есть какие-то основания, однако и она не отражает правды. Данная теория игнорирует народную диалектику, унижает нас как народ и одновременно снимает с нас ответственность за всё то, что происходило в XX веке и будет происходить дальше.

Как видим, все три точки зрения никуда не годятся. Октябрьскую революцию необходимо оценивать и понимать исходя из логики нашей русской истории. Это было событие, за которое несём ответственность все мы — вы и я. Как Ницше говорил: «Бог умер. Мы убили Его. Вы и я». Нет, не «они» убили Бога, не «они» построили модерн, не «они» совершили революцию. Нет, это

сделали мы. «Мы» в той степени, в которой являемся частью русского народа, в которой мы являемся русскими. Революция — это часть нашей истории. Это событие нашего исторического бытия. Поэтому нам надо найти в себе силы, чтобы подойти к Октябрьской революции с четвёртой позиции — с позиции русской истории, с позиции нашей диалектики, с позиции нас как субъекта истории.

Русский народ — это субъект истории, а не объект, мы — не игрушка силы, не смена общественных исторических формаций, не какой-то элемент технического прогресса мирового сообщества в сторону либерализма, эволюции и прав человека, не объект заговоров. Если все эти факторы и присутствуют каким-то образом, то только опосредованно. Они не объясняют главного — почему русский народ совершил революцию?

В событиях Октября скрыта какая-то тайна нашего национального существования. Скорее всего, она связана с тайной беззакония, с мистерией антихриста. Для того чтобы понять Октябрь, нам надо понять и логику русской истории, и идентичность русского народа, выстроив непротиворечивую, проистекающую из нашего собственного глубинного русского мировоззрения картину мира. То, чем мы категорически не занимаемся сегодня. Наше общество спит. Сквозь этот сон невозможно ничего различить. Я приглашаю всех проснуться

Валерий КОРОВИН,
*член Общественной палаты
при президенте Российской
Федерации:*

— И Февральская, и Октябрьская революции стали неким логическим завершением того процесса

модернизации, который был начат Романовыми, и той ситуации, в которую привёл страну царь Николай II, будучи западником, связанным родственными узами с элитами Европы, будучи экономическим либералом. Россия Романовых была либеральной в плане экономики страной, где культ частной собственности был незыблем, где средства производства принадлежали единицам, где рынок был определяющей категорией, — то есть это совершенно правая, либеральная экономика. Но, с другой стороны, Россия оставалась правой и политически, то есть консервативной, монархической державой. Россия всё ещё представляла собой традиционную страну, государство-империю, а не государство-нацию, где вера оставалась главным фактором социального существования, где традиция лежала в основе бытия. Не-

обходимо было либо осуществить возвращение к бытию на основе вечности, то есть отбросить всякие модернизационные допущения философов Запада, или же отрубить эти корни и покончить с Традицией, с традиционализмом как таковым, с религией, с Богом. Вынести всё это вслед за Европой так же за скобки и сделать ставку на материализм, позитивизм и прогрессизм.

Сегодня, по прошествии ста лет с момента русской революции 1917 года, мы вновь оказались в ситуации либерального капитализма: правая экономика, то есть рынок, частная собственность и правая политика, то есть ценность государства, номинальная державность и, в принципе, наличие элементов правой государственности, то есть бытового консерватизма, традиции в её остаточном состоянии. Из этой ситуации точно такого же концептуального тупика, в который пришла Россия начала XX века, есть два революционных выхода.

Первый выход — это повторить тот же процесс, который мы совершили в начале XX столетия. То есть вновь обрубить традиционные корни, окончить вслед за либеральным Западом, Америкой и Европой период восстановления всякой Традиции, консервативных ценностей, возвращения церкви в жизнь государства, религии, сакральности — всего того, что было восстановлено после советского периода. И если мы обнаружили сегодня правую — либеральную — экономику и правую — державную — политику, тогда революция вновь логически должна быть левой: левой экономически и левой политически. Левая политика — это раскрепощение личности, её окончательная атомизация и, в пределе, — приближение к тому, к чему приближается современный Запад, то есть к превращению человека в мутанта, клона, киборга, к постгуманизму, к созданию такого нового постчеловека, сверхчеловека материального, очищенного от всего

духовного и традиционного, что его сдерживает.

Либо обратный процесс, то есть консервативная революция, переход опять в категорию вечности, а именно — обратный от эволюционного движения процесс, который и означает понятие «революция» (ре-волюция — процесс, обратный эволюции). То есть возвращение к истокам, к вечности, к Традиции, отказ от всех модернизационных потуг, которые навязывает нам либеральный глобалистский Запад сегодня, а именно — от дальнейшего раскрепощения человека и введения его в новую онтологическую парадигму постчеловека. Отказываясь от этих модернистских позитивистских теорий, мы осуществляем таким образом консервативную революцию.

Это два противоположных выхода из той же ситуации, в которой мы находились в начале прошлого столетия и в которой мы находимся сейчас. Однако идеальным, если мы говорим о России, сочетанием является всё же левая экономика, то есть принципы социальной справедливости, и правая политика, то есть державность, консерватизм, религия и традиция.

Олег БУБНОВ,

доктор юридических наук:

— По-моему, этот наш круглый стол, по большому счёту, ставит под вопрос такую «священную корову» Изборского клуба, как союз коммунистической и патриотически-державной идеологии, или «союз красных и белых» против общей либеральной угрозы. Потому что налицо такой же раскол мышления части нашего общества, какой существовал и сто лет назад. Где проходит линия этого раскола? Она проходит между концепцией «консервативной революции» и концепцией революции социалистической, которые могут вступить в смертельную борьбу между собой. Эта борьба уже сейчас охватывает все стороны, все сферы общественной

жизни, в том числе и церковь, где часть клира и прихожан склоняется к позиции РПЦЗ, прославляя всех, кто воевал против советской власти, включая власовцев, пропагандирует «царебожие», идеализирует «Россию, которую мы потеряли», ратует за восстановление монархии — даже с возвращением на престол династии Романовых, а другая часть всему этому говорит «Нет!».

Что означает этот раскол в условиях, когда весь мир идёт к новой «точке бифуркации»? Он означает, что мы эту точку перейдём далеко не первыми, и не факт, что перейдём самостоятельно — возможно, нас туда затянут без нашего согласия и без учёта наших интересов. Это весьма печальная перспектива, тем более что все концепции будущего общества так или иначе исходят из советского наследия, я имею в виду работы академика Виктора Глушкова, Побиска Кузнецова и ряда других советских систем-футурологов. Этот уровень, к сожалению, сегодня не только недостижим, но даже не вызывает интереса на всех этажах российской «властной вертикали». Поэтому рассчитывать на новое издание цивилизационного прорыва образца 1917–1961 годов нашей стране, увы, не приходится. Пока у нас в большей степени востребована Ксения Собчак с её, мягко говоря, весьма специфическим опытом.

Леонид ИВАШОВ,

генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем:

— Движение исторического времени, на мой взгляд, не линейно и не циклично — оно даже не спирально, оно развёртывается в очень многомерном пространстве — если уж в человеческом мозге учёные обнаружили процессы, протекающие в 11-мерном пространстве, то что говорить про различные общества, цивилизации и человечество в целом?

В Феврале 1917 года никакой революции не было, поэтому Ленин и не мог её предсказать. Был обычный государственный переворот, инспирированный извне. Реформы Витте и Столыпина стали бикфордовым шнуром революции, поскольку в их результате традиционная крестьянская община была расколота, а попытка провести в России прусский вариант аграрной реформы привела к тому, что крестьяне стали главной движущей силой Октябрьской революции. И если к 1917 году 70% нашей экономики — не промышленности, а экономики в целом, — находились в руках иностранного капитала, то разве сегодня мы видим не то же самое? И не потому ли любые попытки верховной власти снизить эту зависимость от Запада натыкаются на откровенный саботаж? Взять хотя бы пресловутую «деофшоризацию» — президент потребовал её провести максимально быстро и полно, а в правительстве стали доказывать, что это якобы

снизит конкурентоспособность наших крупнейших фирм, собственники 190 из 200 которых находятся не под российской юрисдикцией. Дивиденды от российских богатств уходят за рубеж, и народ, как это было в 1917 году, уже не может выживать на ту долю национального дохода, которая ему достаётся. Поэтому я считаю новую революцию в России, по большому счёту, неизбежной, но её движущей силой, на мой взгляд, должна стать интеллигенция — инженерного и гуманитарного (образование, здравоохранение) производящего склада. Более того, это может произойти достаточно быстро.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
доктор физико-математических наук, вице-президент Нанотехнологического общества России:

— Главное качество Октябрьской революции 1917 года в России — то, что впервые в истории целое

общество сделало попытку создать новое жизнеустройство с опорой на свободный творческий труд, сделало ставку не на то, что человек грешен, а на то, что он — образ и подобие Бога-Творца. Октябрьская революция — это Достоевский против Толстого. И главный вопрос в революции — это вопрос о том, что есть человек. На мой взгляд, те достижения, которые были у нас в советскую эпоху, — они совершенно фантастические. Мы решили учить всех членов общества так, как во всём мире учат только элиту. Мы не на словах, а на деле поставили во главу угла жизнь каждого человека, а не части «избранных» в результате социального отбора, «борьбы за жизнь». Это была попытка всего общества пойти вверх, а не просто сменить одну элиту другой. Мечта, культура и наука нигде не были так близки друг к другу, как в советском обществе. Даже в США, которые претендовали и претендуют на роль глобального лидера всего человечества. И со-

ветский прорыв в космос — вовсе не случайность, а знак будущего.

Кто сказал, что история — не тротуар Невского проспекта? Это сказал русский революционер Николай Чернышевский. И это значит, что на пути в будущее нас могут ожидать и поражения, и отступления, порой — весьма долгие и болезненные, но важно не постоянное повторение прошлого, не топтание на месте, не утраченный якобы рай или золотой век, а прогресс, устремлённость в будущее. Только на этом строилась дружба народов, строился интернационализм, без которого мы не смогли бы одержать Победу 1945 года. В результате советского прорыва мы стали одной из главных сил XX века.

А кто мы сегодня? Только сейчас, когда Россия одно за другим теряет завоевания той эпохи, становится понятным, насколько важна была революция. А нынешний

строй не может обеспечить даже минимального экономического роста, даже минимального уровня социальной справедливости. Сейчас в руках 1% населения России находится почти три четверти национального богатства. А будет и 80%, и 90%! То есть мы реально идём к революции. Конечно, она вряд ли полностью повторит образец столетней давности или даже внешне будет на него похожа. Но понятно, что если мы не можем договориться о прошлом, где ничего уже нельзя изменить, это не значит, будто нам нельзя и не нужно договориться о будущем.

Юрий ТАВРОВСКИЙ,
*профессор Российского
университета дружбы
народов:*

— Я, как востоковед и китаист, не могу не сказать о том, что в октябре 1917 года революция в России открыла новую эпоху в исто-

рии человечества. Сегодня красный Китай, этот «внучатый племянник» нашей революции, всерьёз собирается к 2049 году стать глобальным лидером человечества, сменив в этой роли США и «коллективный Запад» в целом. Для этого там намерены к 2020 году устранить бедность, а к 2035 году — закончить социалистическую модернизацию. Концепция «китайской мечты», которую выдвинул Си Цзиньпин и которую поддержал XIX съезд КПК, состоит из трёх частей. Первая — это коммунизм, который пришёл из ленинского Коминтерна и благодаря Великой Октябрьской Социалистической Революции, о которой Си Цзиньпин упомянул в своем докладе съезду — впервые за много лет. Второй компонент — это национализм, продолжающий традиции сентябрьской революции 1911 года. И третий компонент — конфуцианство, выступающее в роли маркера китайской

идентичности. «Сяо кан», «средняя зажиточность», — это чисто конфуцианский термин. «Да тун», «великое единение», — тоже. То, что сделал Дэн Сяопин, — это была реализация идеи конвергенции двух систем в её чистом виде. К 2010 году эта идея перестала эффективно работать, но ведь она проработала целых 30 лет! Реальные располагаемые доходы населения КНР при этом выросли на треть, число бедных сократилось за 2012–2017 годы со 100 до 40 млн человек, полтора миллиона человек номенклатуры прошли через партийную чистку, тем самым был снят вопрос о том, партия победит коррупцию или коррупция победит партию. Китайцы собираются не просто делить свой пирог «по-честному» — они готовы делать его всё больше и сытнее. Для этого у них есть все предпосылки — особенно в стратегическом союзе с Россией, что предполагает необходимость изменения социально-экономического курса нашей страны.

Владимир ВИННИКОВ,
культуролог:

— Вы знаете, что в теории систем есть фундаментальное понятие «аттрактора» как того подмножества фазовых состояний, к которому стремятся все взаимодействия внутри замкнутой системы. И в этом отношении можно сказать, что Октябрьская революция была «суператтрактором», то есть задала исторические аттракторы не только XX, но и нынешнего, XXI века — причём максимальная амплитуда изменений была достигнута даже не в ходе Второй мировой войны 1931–1953 годов, а к моменту Карибского кризиса 1962 года, когда под угрозу было поставлено существование всей человеческой цивилизации, после чего колебания внутри системы начали затухать и окончательно должны прийти к «точке равновесия» примерно в период

2050–2052 годов. Это не значит, что состоится пресловутый «конец истории», — это значит, что должен возникнуть принципиально новый импульс развития и движения.

Таким же «суператтрактором» — только для предыдущего исторического цикла человеческой цивилизации, длившегося более 400 лет, — было открытие Колумбом американского континента в конце XV века. Октябрьская революция 1917 года в России — это своего рода «открытие Америки», только не географической, а социальной. И последствия этого открытия ещё даже не до конца проявлены, не говоря уже о каком-то более-менее полном их осознании и усвоении. То есть в цивилизационном смысле Октябрьская революция до сих пор продолжается, а в культурологическом её завершение, по всем параметрам, будет означать не столько «точку сингулярности», сколько «точку перехода» из неолитической эпохи, где человечество существует, если не врут историки, более десяти тысяч лет, к новой эпохе, которую, по созвучию и аналогии с «неолитом», можно назвать «ноолитом», эпохой «умных камней».

И, разумеется, нет никакого смысла рассматривать Великий Октябрь с «неолитической» точки зрения, с точки зрения неких нанесённых им нашей стране и всему миру ущерба, потерь и репрессий: реальных или, тем более, мнимых. Интерес у некоторых подсистем человеческого сообщества — есть, а вот смысла — нет. Но представители исторического «цикла Колумба» относятся к историческому «циклу Октября» примерно так же, как относятся к самому Колумбу представители «доколумбового цикла», ставшие уже безусловными маргиналами:

*Колумб Америку открыл,
Хотел открыть ещё другую...
Дурак! Он лучше бы открыл
В районе новую пивную...*

Никто ведь не рассматривает эпоху великих географических открытий с точки зрения ущерба, нанесённого всему миру европейскими колонизаторами за четыре с лишним века их безраздельного господства. Однако при оценке Октябрьской революции всё ещё используются совсем иные — и даже принципиально противоположные — критерии. Это не удивляет, но огорчает. Как говорил Эйнштейн, «нет предела двум вещам: Вселенной и человеческой глупости... Правда, насчёт Вселенной я не уверен».

Максим ШЕВЧЕНКО,

*журналист, член
Общественной палаты
при президенте РФ:*

— Сто лет назад русский народ взял власть и ход истории в свои руки.

Это стало возможным благодаря поддержке других народов бывшей Российской империи и при стратегическом планировании и управлении процессом группой интеллектуалов-революционеров, известных как партия большевиков.

Лучшие люди страны, военные и гражданские, — перешли на сторону революции. Они помогли народу сформулировать смыслы будущего и решить проблемы настоящего: военные, экономические, культурные. Это было невиданное ранее в истории человечества освобождение огромной массы людей из-под гнёта ненавистного им государства, из под власти чуждых им культурно и ментально «правлящих элит».

Эти элиты и это государство образец для подражания видели кто в Англии, кто в Пруссии, кто во Франции, кто в США — полагая свою страну и её народы варварскими и недоразвитыми.

«Единственный европеец в России» именно поэтому и был враждебен подавляющей массе населения. Держалось прозападное государство Романовых за счёт армии, жандармов, полицейско-

го аппарата и идеологических конструкций типа «синодальной церкви», а по сути — насильем и террором. Демократические и социальные преобразования в интересах подавляющей части населения властью не предусматривались и осуществлялись накануне революции вынужденно, под давлением народного гнева.

Не ограниченную ничем власть над народом правящие элиты получили в ходе почти трёх сотен лет кровопролитных гражданских войн, известных как Разинское, Булавинское, Пугачёвское и многие другие, менее звучные восстания, в которых народ терпел кровавые и страшные поражения.

Каждое из этих поражений только усиливало ненавистную народу антирусскую власть господ, подражавших всему западному и презиравших всё отечественное.

Все фазы трехсотлетней гражданской войны против народа государство и правящие элиты (говорившие то по-французски, то по-немецки, то по-английски) выигрывали при поддержке и организационном участии иностранных наёмников, относившихся к русскому и другим народам нашей страны с высокомерием белых господ.

Тотальная несправедливость русской жизни, унижение и даже порабощение народа только усиливали в нём тягу к радикальным переменам, к возможности Царства Божьего на Земле, к миру без господ и рабов, подогревали его ненависть к правителям и стремление к народной свободе.

Так вызревала русская народная идея социальной справедливости, имевшая, безусловно, религиозные истоки.

Возникшее в XIX веке народно-освободительное революционное движение дворян и интеллигенции, поставившее своей главной задачей достижение социально-справедливого общества в России, встретилось с народными

массами и их религиозными исканиями на рубеже веков. Лучшие представители образованных слоёв общества перешли на сторону народа — причём исключительно из морально-этических, почти религиозных соображений. Эта встреча и этот союз привели к формулированию и организационному оформлению Русской Революции, найдя максимальное воплощение в большевизме.

Несмотря на отчаянное сопротивление врагов, за спиной которых стояли страны Запада, смотрившие на Россию как на добычу, а на правившие до революции элиты — как на бизнес-партнёров в деле западного «освоения» России, народ практически с нуля создал новое уникальное государство, могучую армию, сформулировал национально-освободительную доктрину — и сумел победить в Гражданской войне.

Война носила для народа и воювавших за него партий большевиков, анархистов и левых эсеров, безусловно, национально-освободительный и прогрессивный характер — именно поэтому советская власть и была поддержана подавляющим большинством населения.

Бессмысленно обсуждать антисоветские пропагандистские мифы: о красном терроре, о зверствах ЧК, о принудительной индустриализации, о сотрудничестве большевиков с немцами и прочий белогвардейский и либерал-фашистский агитпроп.

Всё это — беспомощный лепет проигравших на поле боя, действовавших против исторических интересов русского и других народов бывшей Империи.

Любая революция, любая гражданская война, любое рождение политической революционной нации: британской, американской, французской, мексиканской и так далее, — сопровождается эксцессами и жестокостями, потрясающими души современников, оставляю-

щими трагический след в культуре, но вполне понимаемыми только с точки зрения большой истории. Молодые политические нации, отвергая в ходе революции старые элиты, — отвергают и их устоявшиеся ценности, юридические категории и способ мировосприятия.

Жестокость борьбы, помноженная на неопытность новых политических и управленческих кадров, на их энергию революционного радикализма, неизбежно приводит к дегуманизации политического процесса.

По мере развития нации эти тенденции гуманизируются и приобретают вполне приемлемые цивилизованные нормы — как, собственно, и было в случае с СССР.

Свирепость Русской Революции не страшнее свирепости Революции французской или американской, кризисы развития все новые революционные нации переживают примерно с одинаковым драматизмом. Надо понять, почему сегодня для нас так важен опыт Русской Революции и почему именно её мы считаем важнейшим событием русской истории? Историческая проблема России всегда была в том, что она являлась периферией Запада и рассматривалась правящими элитами как приложение к нему. Семнадцатый год провёл ясную черту среди линии правителей России.

По одну сторону — те, кто выступал в роли «смотрящих от Запада» за Россией: не важно, либеральные или консервативные формулы они использовали для оправдания своей власти. По другую сторону — те, кто выступал за особый путь России и её народов, самостоятельное развитие оригинальных науки, культуры, образования, армии, опирающиеся на широкую народную поддержку.

Единственным антизападным, национально ориентированным правительством в истории России было советское правительство. Оно воспринимало Запад

порой как врага, как партнёра, порой как союзника — но точно не как образец для подражания и уж точно не как «старшего брата», определяющего экономический, политический и культурный уклад России.

Сегодня мы стоим перед таким же выбором. Или Россия будет приложением к Западу и правящие элиты — не важно, использующие патриотическую пропаганду или либералистическое развращение, — будут торговать ею на мировом рынке. Или в России будет сформировано национально ориентированное государство, ставящее во главу угла интересы народа и работающее на его развитие.

Если бы в нашей истории не было Русской Революции, то эта мысль, возможно, и не приходила бы нам в голову. Но так как революция была, и более того, она победила, — нам невозможно от этой мысли избавиться.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Искренне благодарю всех участников нашего круглого стола за тот широкий спектр взглядов на Великий Октябрь и его значение для современной России и всего мира, который был здесь представлен.

Должен сказать, что эти сверхзначимые революционные события столетней давности остаются ещё не исследованными в должной степени. Причём это касается как советских трактовок, так и трактовок антисоветских: зарубежных, диссидентских и отечественных после 1991 года. Что само по себе подчёркивает истинный гигантский масштаб эпохи.

Нет никаких сомнений, что геополитически Россия и при царизме, и при социализме, и сегодня является костью в горле для мирового транснационального капитала. По факту, его интересы были и остаются следующими: любой приемлемой ценой — лучше всего — за счёт самой России и её

жителей — фрагментировать эту огромную, исторически сложившуюся территорию русской цивилизации, Русского мира. Без такого уничтожения России, без её раздела на несколько формально независимых и враждующих между собой и внутри себя «кусков» полноценной глобализации не получится — Россия всё равно мешает этому, как слон порядку в посудной лавке, самым фактом своего существования.

Конечно, для этого необходимо разорвать самосознание наших соотечественников, разорвать единство нашей истории, чтобы после этого взяться уже за политическую географию, за геополитику. Изборский клуб всеми силами будет препятствовать подобному развитию событий, сохранять и развивать единство нашей истории и единство нашего государства, восстанавливая истинную картину прошлого, не давая фальсифицировать настоящее и создавая образ будущего.

/ Сергей КУРГИНЯН /

Тьма не пройдёт!

Из выступления на торжественном заседании движения «Суть времени», посвящённом 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! Оглянитесь вокруг и вспомните, как в 2011—2012-х годах нам предрекали, что через шесть месяцев нас не будет. А сегодня мы — практически единственная организация, которая по-настоящему празднует 7 ноября. Мы не радуемся по этому поводу. Нам бы хотелось, чтобы таких организаций было 50 или 100, но что есть, то есть. Мы собрались в этом зале с твёрдой решимостью достойно отпраздновать великое событие мировой истории — Великую Октябрьскую социалистическую революцию и её 100-летнюю годовщину. Это не просто событие, после которого прошло столько-то дней и часов. Это огромная петля времени, внутри которой революция возвращается. Я лично хочу верить, что где-то тут рядом с нами находятся те, кто делал революцию в октябре 1917 года, те, кто строил страну, те, кто её защищал и погиб за неё. Они хотя бы понимают, что не забыты, что нет какого-то такого ощущения, что всё прошло — и ладно...

Здесь присутствуют люди разных поколений, и это прекрасно. Тут есть кому передать традицию и есть кому её принять, здесь очень много молодёжи. Когда начиналось то, что потом породило и Великую Октябрьскую революцию, и Победу в Великой Отечественной войне, и выход в космос, — людей, которые это начинали, было гораздо меньше, чем нас сейчас. Но они изначально ставили перед собой очень амбициозные цели. И верили в то, что этих целей достигнут. В конечном итоге они своего добились, потому что всю жизнь горели этим огнём и верили в свою правоту. Это были сильные люди. И, занимаясь своим делом, они становились ещё сильнее!

От собравшихся здесь зависит, чем обернётся наше начинание: созданием ещё одного из очагов гражданской активности, которые способны чуть-чуть подогреть нынешнюю ситуацию, или чем-то более масштабным и значимым. Тут нельзя ничего заранее предполагать. Мечтать хочется о многом, но на что способны люди — зависит от самих людей.

От нас и от того, что привело нас всех сюда! И от того, что собрало нас вместе шесть лет назад. Что-то дало нам силы вместе пройти эти шесть лет. Нам стоит посмотреть и на этот путь, и на его смысл. Ибо смысл любого юбилея — оглядываться назад с целью разглядеть, что возможно впереди.

К тому моменту, когда коммунистическое движение, в виде движения уже научного, опирающегося на определённый тип знания,

который привнёс Маркс, начало набирать силу, а это была середина XIX века, в мире — я имею в виду Западный мир, который тогда двигал вперёд весь исторический процесс, — воцарилось некое отчаяние. Это отчаяние было порождено тем, что великие лозунги Французской революции «Свобода. Равенство. Братство» — обернулись торжеством настолько хищных и беспощадных сил, что ни о каком равенстве, ни о каком братстве и даже свободе для обездоленных людей даже речи не шло. Началась чудовищная, беспощадная эксплуатация человека человеком. Оказалось, что разрушение сословных перегородок Великой Французской революцией и все её свершения не привели ни к счастью, ни к справедливости. Более того, буржуазия, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», «в холодной воде эгоистического расчёта утопила всё то, что ещё как-то согревало человечество».

Возникла ситуация, когда люди перестали верить в лучшее. Перестали верить в то, что их жизнь и вся история, несмотря ни на что, движутся к какому-то осмысленному и благому результату. Более того, появившееся тогда на мировоззренческой арене гегельянство, — а именно Гегель взял эстафету у классической религиозности в смысле определения целей для человечества, — было преисполнено глубокого внутреннего пессимизма, ибо оно говорило о конце истории. По Гегелю, мировой дух должен был, проведя какую-то работу, используя человечество как свой инструмент, вернуться к себе и затем свернуться сам в себя. Когда сегодня звучат слова о конце истории, конце искусства, конце человека и так далее, то эти слова порождены Гегелем и его последователями: Кожевым, Фукуямой и другими. Это важная школа в мировой философии, которая, казалось бы, восславляла историческое движение, на самом деле преисполнена полного пессимизма относительно человека и человечества.

Романтики, которые в этот момент как бы заполнили собой или, говоря современным языком, приватизировали отчаяние оттого, что Французская революция ничем не завершилась в смысле счастья для человечества, — они частью просто проклинали буржуазию, а частью грезил о прошлом «золотом веке», мечтая повернуть историю вспять. И ими было сказано, что феодализм — лучше, чем капитализм, давайте мы как-нибудь вернёмся назад к рыцарству и так далее. Маркс появился в этом историческом контексте в момент глубочай-

шего интеллектуального и духовного отчаяния, порождённого тем убеждением, что история не имеет благого содержания, а если она его не имеет, то зачем жить? Маркс стал великим историческим оптимистом и главным оппонентом Гегеля. Выйдя из рядов младогегельянцев, взяв многое от своего учителя в смысле диалектики и всего остального, Маркс противопоставил гегелевскому финализму, а значит — и историческому пессимизму неограниченные, бесконечные возможности человеческой истории, с которой будут сняты преграды в виде того, что он называл отчуждением. Отчуждение людей от продуктов их труда, отчуждение людей друг от друга и отчуждение людей от высшего творческого смысла — вот что, по Марксу, должно быть «снято», преодолено в лице капитализма, который поставил всего лишь последнюю преграду на пути развития человечества — преграду капитала.

Маркс грезил этими высшими целями. И те, кто пошёл за ним, — тоже. Никогда и ни одно великое историческое движение не бывает мелкотравчатым. Оно не бывает замкнутым на мелочи. Даже если этими «мелочами» является право человека на кусок хлеба или право на знания. Никогда на этом великие делатели великого нового мира не останавливаются, они всегда идут дальше. Они провозглашают большее. Марксисты провозгласили бесконечность возможностей освобождённого человека, освобождённого труда. Бесконечность истории. Окончательную победительность человека во Вселенной, в мире, который насквозь историчен.

Теперь мы знаем о мире гораздо больше, чем при Марксе. Ибо исторично всё: исторична материя, исторично её развитие, исторично всё живое, и тем более — всё человеческое, историчен разум. Поэтому было сказано: «Мы зажжём новые солнца, мы преодолеем второй закон термодинамики, Вселенная не погибнет от энтропии «тепловой смерти», человек решит все задачи, которые были возложены на Бога; этот освобождённый человек, создавший братство в человечестве, — он способен на всё; ради этого мы идём на борьбу».

Так говорили те, кто всё это основывал. Они верили в беспредельность возможностей человечества, которые надо раскрепостить. Это одна сторона произошедшего. Но есть и вторая сторона.

В Гори, где родился и жил Сталин, и не он один, однажды были скачки. Один из князей, который хотел на них победить, сказал молодому

парню, который только-только должен был обзавестись семьёй: «Слушай, я знаю, что ты своего жеребца выращивал, ты его выкармливал молоком, ты его хлил и лелеял, он у тебя мощный, но ты не вздумай прийти первым на скачках. Не вздумай! Первым придёшь. Если ты этому не подчинишься — плохо будет». Парень ему ответил: «Слушай, тогда вообще запрети мне скакать рядом с тобой. Мы — мужчины, мы на Кавказе так не можем». Князь повторил: «Вот только не вздумай прийти первым». Но молодой парень пришёл первым. Тогда князь вместе со своей дворней, со своей дружиной — скажем так, со своей бандой, а что такое в Грузии князья, — изнасиловал невесту этого парня. Безвестного, простого кавказского парня. Тогда парень и его побратим убили князя из дробовиков. И весь город Гори считал, что они поступили правильно и что в худшем случае им дадут каторгу. Но их приговорили к смертной казни, этих ребят. Апелляция пошла к государю-императору, и тот не только подтвердил справедливость приговора, но и сказал, что казнь должна быть публичной, в назидание всем. На площадь, где казнили двух этих грузинских ребят, вышел весь город. Ребята пели песню, оттолкнули палачей, сами надели петли и перед тем, как выбить табуретки, сказали, что если Гори за них не отомстит, то будет проклято. В толпе на площади стояли: Симон Тер-Петросян, будущий Камо, Степан Шаумян и ещё десятки таких же подростков, включая молодого Горького. Там же, убежав из семинарии, стоял и молодой Сталин.

И они, мальчики, увидевшие всё это, мальчики, на глазах которых совершилась вопиющая несправедливость, поняли, что произошло. Им было сказано: вы — не люди, вы — рабы. И у них был выбор: либо принять правоту этих слов, подкреплённую силой власти, либо — не принять и любой ценой отстоять своё человеческое достоинство, восстав против такой власти и отомстив ей, одно из двух. Уже через несколько лет все эти мальчики — а Симона Тер-Петросяна, будущего Камо, русскому языку учил Сталин, они были соседями, — вывели на улицы Баку и других кавказских городов многотысячные демонстрации. Ничего лучшего, более умного, чем эти демонстрации расстрелять, власти опять не придумали. Как только они это сделали, всё замкнулось, было сказано: «Мы не рабы, рабы не мы!» У них было твёрдое понимание того, что если ты не будешь бороться, то будешь раздавлен до конца, до такого рабства, что у тебя не будет прав ни на невесту,

ни на дом, ни на жизнь — ни на что никаких прав вообще. Вот внутри этого и родилась волна русской революции. С одной стороны — великая надежда на абсолютное благо, а с другой стороны — ощущение ада на земле. С этим пошли в бой девочки и мальчики, Симон Тер-Петросян привёл в революцию своих сестёр, которые даже по сегодняшним меркам не являлись совершеннолетними. По тогдашним — тем более.

Эти люди вдохновлялись великой яростью и великой мечтой. Это была та ярость, про которую потом было сказано: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна!» Её вызывает особое свойство господствующего класса — отказывать всем, по отношению к кому он осуществляет своё господство, в праве быть людьми в самом элементарном смысле этого слова. Вот это и есть ад, который уничтожала революция, а делали её люди, чья великая мечта — уничтожить этот ад на земле. Это были очень сильные люди. Люди, которые стремительно учились. Люди, создавшие настоящее братство между собой. Люди, готовые на любые лишения и жертвы.

Давайте из этого прошлого посмотрим в наше сегодня — на то, что случилось после уничтожения «красного проекта». Совершенно ясно, что у тех, кто был обуреваем этим абсолютным историческим оптимизмом, абсолютной верой в возможности освобождённого от капитала человека и кто называл себя поэтому марксистами, — у них было ещё нечто важное помимо теории. У них была своя теология или телеология, не важно. Телеология — это целеполагание; а теология, понятно, надежда на Бога. У них была вера, та вера, которая двигает горами, та вера, без которой ничего вообще не может быть. Маркс твёрдо верил в одно: в то, что капитализм — это последняя стадия сгущения абсолютной тьмы. Вот тьма сгущается до предела, а потом — согласно такому религиозному коду, религиозной основе, которая плотно сидела в этих мальчиках, сколько бы они ни говорили об атеизме, — после предельного сгущения тьмы должна ударить молния, должно взойти солнце — и всё очистится, и все увидят свет, новую землю и новое небо. Для Маркса последней стадией этого сгущения тьмы был капитализм. Маркс твёрдо верил, что когда молния пролетарской революции ударит, то она ударит во всём мире, и весь мир — пусть с кровью и со всем прочим — очистится, и засияет солнце настоящей истории человечества.

Что видим мы? Стал ли капитализм последней стадией развития этого сгущения тьмы? Мы видим, что не стал. Мы ясно видим, что перед нами — некое устройство мира, Западного мира, в котором, безусловно, нет уже никаких черт классического капитализма, как бы широко мы это устройство ни понимали. Мы видим: капитализм сумел создать нечто, что можно назвать «посткапитализмом». Он сумел спасти себя путём ликвидации, отказа от тех констант, которые Маркс считал фундаментальными.

Энгельс называл основами классового общества семью, частную собственность и государство. А что происходит на современном Западе? Там идёт беспощадная, ничем не ограниченная атака на семью, которая уже разрушена как таковая. Какова основа наследования и частной

собственности в условиях разрушенной семьи? Её нет. Нет никакого смысла в этой категории. Государство? Мы слышим постоянные крики о кризисе, крахе системы национальных государств, прошедших от Вестфальского мира до ООН. Национальные государства рушатся повсеместно. Не только на периферии современного мира, не только Советский Союз был разрушен, но даже США, самое мощное государство современности, находится под угрозой разрушения. Что идёт на смену национальному государству? На смену ему идут, приводятся к власти самые тёмные средневековые силы.

Что мы видим, например, на Украине? Мы видим приход к власти сил, которые вообще не имели права оказаться на современной западной сцене. Польша не могла позволить построить на Украине государственную власть с идеологией Бандеры, память о зверствах которого по отношению к полякам будет храниться ещё тысячу лет — столько, сколько будет существовать польский народ. Но они же позволили это сделать! Они обнялись с самыми кровавыми палачами своего народа. Не коммунизма, не русских — а своего народа. Кому же и насколько было нужно, чтобы не просто антирусские силы, а именно бандеровская сволочь возглавила процесс и повела его в определённом направлении?! Значит, вся та Европа, которую мы сейчас видим, весь тот Запад, который мы сейчас видим, — все они идут от псевдodemократии, уничтожающей все традиционные человеческие ценности, просто к фашизму нового типа, ещё более беспощадному, чем его гитлеровский прототип.

Пройдут годы, десятилетия — и плоды научно-технического прогресса, который идёт, несмотря ни на что и ничем не отменяем, окажутся в руках у этих зловещих сил. Тогда 300—400 миллионов людей окажутся способны завалить товарами и услугами весь мир в неограниченном количестве. А что будет делать остальное население планеты, девять или десять, или боле того миллиардов человек? Люди всегда были нужны для того, чтобы другие люди могли выжимать из них прибавочную стоимость, а теперь они не нужны будут вообще — только потребляют ценные ресурсы, и всё.

Значит, встанет вопрос «войны против всех» и уничтожения этих миллиардов «лишних» людей, не приносящих никакой пользы. Если вся цель — в производстве, тогда эти люди не нужны.

А обосновать их уничтожение можно, только отказавшись от мысли о единстве рода человеческого, только провозгласив разделённость человечества на непересекающиеся касты. Ближайшая к нам традиция в этом роде — гностическая, делящая людей на духовных «пневматиков», душевных «психиков» и телесных «хиликов», которые не могут перейти из одной категории в другую.

Возможно, деление пойдёт по иным принципам, но суть расчеловечивания человечества не изменится: меньшинство должно любым путём уничтожить большинство как своих конкурентов. А чем окажется это меньшинство, ликвидировавшее большинство, после своей победы? Оно останется коммунистическим? Оно останется демократическим? Оно останется хоть сколько-нибудь человеческим? Оно уйдёт во тьму, в абсолютную, полную тьму, причём очень быстро.

Недавно прошёл XIX съезд КПК. На нем глава китайского государства и руководитель партии Си Цзиньпин аккуратно, осторожно и деликатно говорил очень правильные, сдержанные и вежливые вещи. Он говорил, что Китай не претендует ни на какую гегемонию, что Китай будет одной из стран мира. Что Китай просто медленно-медленно, за 30—40 лет, обеспечит полное благосостояние своего населения. Представляете, как это слушали в Вашингтоне и других местах? Вы вообще представляете себе Китай, который получит с помощью честного труда в условиях уклонения от любой войны — а китайцы не очень любят воевать — всё то, что получает сегодня европейский или американский гражданин? Что он получит, каждый китаец? Коттедж, две машины, энергию к этому коттеджу и всё остальное. Может ли это позволить сегодняшнее мироустройство? Тем более что индийцы, глядящие на братский Китай, пойдут тем же путём. Когда я спрашиваю об этом серьёзных американских экспертов, значащих гораздо больше, чем господ Трамп, Клинтон и так далее, они отвечают на это совершенно однозначно: этого не будет никогда, мы этому совершиться не позволим!

Могут ли американцы позволить Китаю стать державой № 1? Американцы не могут позволять никому занять хотя бы второе место и бросить вызов господству США, потому что в этом случае Америка теряет всё, включая само государство. Они раскормили свой народ таким образом, что, как только они уходят с первого места, им кормить свой народ будет нечем. Мы увидим такие бунты в США, по от-

ношению к которым любая Индия и любая Африка покажутся раем.

Мы с вами находимся буквально в той же ситуации, в которой находилась Европа перед Первой мировой войной, потому что Вторая мировая война была идеологической, а Первая была типичной войной неравномерности развития, при которой Германии не было позволено обогнать Великобританию. Теперь Китаю не будет позволено обогнать США. Каким способом это будет сделано — другой вопрос, но это будет сделано.

Сегодня в Америке «врагом номер один» объявлена Россия. Оправданий с российской стороны уже никто не слышит и слышать не хочет — потому что у нас есть ядерное оружие, которое мешает Америке свободно и безопасно вбомбить всех своих противников в каменный век. Поэтому Россия — «враг номер один». Объявить врагом Россию после двадцати лет, когда все говорили: вот русские, перестройка, новые русские — часть европейского мира, рыночные реформы, боже мой, как мы вас любим! — никто такие развороты просто так не осуществляет. Элита в США ещё не настолько выродилась, чтобы устраивать подобные фокусы «просто так», для собственного развлечения. За такими словами обязаны последовать соответствующие действия, и они последуют. В этом году или в следующем — вопрос другой, но без них мы не обойдёмся.

Надо отдать должное российской государственной власти — там на уровне интуиции поняли, о чем идёт речь, к чему идёт дело, — и начали сопротивляться. Сначала было сказано американским «партнёрам»: нет, что-то вы не то делаете, не выполняете правила, вы нам не братья, а вы — главная сила зла. Потом от слов пришлось перейти к делу. И постепенно: после Крыма, Донбасса и всего остального, — у западной элиты, победившей Советский Союз и, следовательно, Октябрьскую революцию 1917 года в холодной войне, возникло ощущение, что у неё отнимают главный приз — победу в этой войне. Победу, которая стоила, по сегодняшним ценам, многие триллионы долларов. На неё работали целые поколения. Она ощущалась как самое вожаемое, что может быть. Победить и поставить ногу на голову побеждённого. Теперь им каждый день показывают и доказывают, что никакой победы у них нет. Они не просто сдержанно рычат по этому поводу. Они преисполнены беспредельной ненависти, которая обязательно оформится в те или иные действия, включая военные...

Теперь о том, что в этом конфликте должны делать мы и вообще левые силы, какую позицию занять. В эпоху празднования 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции мы не имеем права ограничиться только тем, чтобы сказать, как мы любим революцию, Советский Союз и «красный проект», спеть песни и на этом разойтись. Мы должны продолжать дело революции сегодня.

А сегодня для этого не нужно брать Зимний или Кремль. Мы должны понимать крайне рискованную и гениальную игру Ленина, которая была связана с тем, что шла мировая война и силы капитализма были парализованы. И то, что если сейчас на 20 минут парализовать государство, то через полчаса здесь будут американцы, и уже навсегда. Мы не являемся безоговорочными сторонниками нынешней власти и нынешнего государства. Мы заявляем, в качестве первого и главного своего приоритета, о том, что будем бороться за осуществление принципиально другого государственного проекта, но мы не будем бороться за это: 1) путём обрушения действующего государства и 2) путём союза с очевидно прозападными силами. Этого не будет...

Противоречие № 1 в современном мире — это противоречие между оставшимися силами классического капитализма и посткапиталистической глобалистической тьмой. И если Ленин в социалистической революции сумел опереться на крестьянство, которое его «ортодоксальные» оппоненты от марксизма считали реакционным отсталым классом, врагом революции и социализма, то мы сегодня должны суметь опереться на силы классического, традиционного капитализма, «отставшие» от мирового глобализма на всей планете, и в первую очередь — в нашей стране, в России.

В конце концов, на нас лежит ответственность за то, что коммунистический проект рухнул в Советском Союзе и во многих странах мира. Это наша страна, и это наш мир. Они для нас важнее идеологии. Мы должны их отстоять. Этим вызвано наше стремление к созданию — я подчеркну ещё раз здесь, в этом зале, может быть, впервые столь определённо, — лево-консервативного альянса, альянса левых и консерваторов, включая традиционные религии, прежде всего — православную церковь. Мы считаем, что именно за этим альянсом — будущее.

Это не значит, что мы должны принимать консервативную идеологию в целом — наоборот. У вас в руках первый том или первый выпуск

журнала, который называется «Исторические тетради». Четыре года мы будем выпускать каждый месяц такие исторические тетради на основе ваших наработок, на основе наработок 200 людей, которые пошли в эти гуманитарные знания и добились там результатов. Этим людей будет больше. Мы будем развивать это в масс-медийную сторону и в другие. Мы не оставим камня на камне от их лжи по поводу советской истории. Она будет разоблачена объективно и окончательно. Наши дети и внуки не будут обучаться по лжи Солженицына, ещё и заявившего вдобавок «ни капли лжи» и нагвавшего всё что угодно по поводу советской истории. Этого не будет.

Мы не хотим быть мракобесами. Солженицын — выдающийся русский писатель. «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка», опубликованные у нас, — очень хорошо, читайте, как и всё остальное. Но как политическая фигура Солженицын — наш враг, он сам выбрал себе такой путь. Поэтому раз и навсегда надо сказать, что каждая цифра Солженицына, каждое его слово про политику и про историю — это махровая ложь, с исторического и политического подиума эта фигура должна быть убрана, на лжи ничего не построишь, а наша цель — созидание, а не разрушение, разрушать нужно лишь то, что мешает созидать.

Но мы ведь видим, например, как внутри церкви, во многих епархиях и приходах зреют вполне просоветские настроения. Нам совершенно непонятно, почему мы не можем использовать опыт Фиделя Кастро, который совершенно не случайно создавал и «теологию освобождения», и институт Леопольда Сеа, и многое другое. Будучи воспитанником иезуитов, он понимал, что и зачем делает. Почему необходимо на этом новом этапе такое отчуждение церкви от коммунистических сил? Почему мы не можем протянуть руку всем силам исторического христианства, исторического ислама, исторического буддизма — всего, что грезит, как и мы, об истории? Внутри всех этих движений всегда были левые, революционные по сути своей ветви. Почему мы не можем объединиться с ними?

Почему мы должны отказываться от тех возможностей, которые предоставляет нам общество и государство? Ленин бы от этого отказался? Да никогда бы он от этого не отказался. Никогда! Мы существуем в новой ситуации, с новыми возможностями гражданского общества. Мы должны использовать эти возмож-

ности не на 100%, а на 1000% — и защитить их от постоянно нависающей над страной диктатуры, потому что все эти хулиганства Стрелковых и прочих в Донбассе фактически были очередной попыткой навязать стране белую по форме и неонацистскую по сути диктатуру, а перед этим были аналогичные попытки генерала Лебеда, и эти попытки будут продолжаться.

Интересы наши и власти совпадают понятно в чём: власть хочет избираться и быть избранной, получив легитимность и поддержку от большинства населения страны, а её конкуренты хотят белой диктатуры, которая приведёт к уничтожению страны и народа. Как это будет происходить, нам наглядно показывает пример

Украины. И всякие разговоры о том, что эту диктатуру надо приветствовать совершенно очевидным образом, не отвечают ни интересам красного движения, ни интересам страны, они отвечают интересам небольшой олигархической верхушки, внутри которой, поверьте мне, рано или поздно крайние монархисты и крайние либералы сомкнутся в едином братском порыве. Их ничто не отделяет друг от друга, а самое страшное в этих наших монархистах, прославляющих всё что угодно, заключается не в том, что они монархисты, и не в том, что они антикоммунисты, а в том, что они так давно обвалились в ЦРУ и той глобалистской тьме, о которой я говорю, что там уже пробы ставить негде.

/ Андрей ФУРСОВ /

Воля побеждать

Россия в условиях дефицита исторического времени

В прошлом году исполнилось 100 лет Великой Октябрьской социалистической революции. С какими же результатами встретила РФ юбилей Великого Октября, праздник которого — 7 ноября — отменён и «завешен» искусственным Днём народного единства непонятно кого с кем (похоже на стыдливое заворачивание слова «Ленин» на Мавзолее во время парадов)?

В августе 2017 года, словно к юбилею Октябрьской революции, международный коллектив экспертов под руководством Т. Пикетти, автора научного бестселлера «Капитал в XXI веке», опубликовал доклад «От Советов к олигархам: неравенства и собственность в России в 1905–2016 годах». Доклад есть в интернете и у нас уже вброшен в информационное пространство (это сделала Е. С. Ларина в интервью «Комсомольской правде»). Согласно докладу, объём офшорного капитала россиян превышает уровень валютных резервов страны примерно в три раза. В 2015 году объём активов, выведенных в офшоры, составил около 75% национального дохода страны. Иными словами, в офшорных центрах содержится почти столько же финансов богатых россиян, сколько всё население РФ держит внутри страны.

По данным Global Wealth Report, на долю 1% богатых россиян приходится 71% всех личных активов России. Для сравнения: на долю 1% богатых в Индии приходится 49% личных активов, в Африке — 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, в Японии — 17%. Средний мировой показатель — 46%, а у нас — 71%, то есть богатеи России превысили мировые показатели в 1,6 раза. Ещё один показатель, по которому лидирует РФ, — это доля самых состоятельных 5% населения в личном богатстве страны — 82,5%. Остальные 95, значит, имеют 17,5% — и, как говорится, ни в чём себе не отказывая! Ещё убийственная цифра: 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов граждан РФ. Средний мировой показатель — 2%. То есть российские миллиардеры в 15 раз круче, чем среднемировые.

По данным компании Knight Frank, которые приводятся в докладе, подготовленном под руководством Т. Пикетти, в РФ число мультимиллионеров, имеющих от 30 млн долларов, центамиллионеров — от 100 млн и миллиардеров, — выросло с 2004 по 2014 год в 3,5 раза и, по прогнозу, до 2024 года увеличится ещё в полтора раза. А другая сторона медали такова: с 1992 по 2016 год из России украдены в виде незаконных финансовых потоков 1,7 триллиона долларов, сырьём за 25 лет вывезено на 5 триллионов долларов. А ведь Маркс когда-то писал,

что собственность — это не кража, а юридическое отношение.

По оценке Global Burden of Disease Studies, РФ занимает 119-е место в мире по состоянию здоровья граждан; в рейтинге комфортности жизни пожилых людей (размеры пенсий, состояние здоровья, качество социальной среды) РФ находится на 79-м месте из 91. Согласно нашему Росстату, 22,7 млн чел. (15,7%) имеют доход ниже прожиточного минимума (который у нас, кстати, занижен), то есть являются нищими. По критериям Евростата, к числу бедных относятся те, кто имеет доход ниже 60% медианного дохода в данной стране. Таких у нас 25%.

А вот из недавних данных: 6 октября «РИА Новости» сообщили, что РФ вышла на первое место в Европе по ранней смертности мужчин: 43% мужчин в РФ умирают до достижения возраста 65 лет. На Украине и в Белоруссии этот показатель 40%, в Молдавии — 37%, в Литве — 36%. Отвечая на вопрос, почему это происходит, специалисты говорят, что одна из причин — психотравмы и стрессы, которые мужчины получили в 1990-е годы. То есть, иными словами, капиталистический уклад в России может существовать вполне, но капиталистическая Россия в целом — это умирающая или просто мёртвая Россия.

Капитализм как система для России в целом может существовать только для разграбления страны, в качестве средства этого процесса. И поскольку основным фактором накопления верхами средств было проедание и разворовывание советского наследия, собственно производство не развивалось.

Недавно очень интересное интервью дал один из лучших специалистов по экономической истории СССР Г. Ханин, автор трёхтомника «Экономическая история СССР и Российской Федерации». Как отмечает Ханин, «с 1992 по 2015 год ВВП России вовсе не вырос на 13,4%, как уверяет Росстат, а уменьшился на 10,2%. Производительность труда за это время не увеличилась на 9,2%, а снизилась на 30,1%». То есть наша экономика до сих пор не достигла уровня 1991 года. И на вопрос журналиста Трушкина «можем ли мы преодолеть отставание от развитых стран?» Ханин, как трезвый человек и патриот, отвечает: «Преодолеть невозможно. Представьте, что вы стоите на старте, а ваши соперники на 5 километров вперёд ушли». Руководство страны, убеждён Ханин, опирается на ошибочные данные об экономике и недооценивает глубину проблем. Возникает иллюзия, что возможен экономический рост без серьёзных затрат.

«Я посчитал, — говорит Ханин, — что в ценах 2015 года для сохранения основных фондов и их прироста на 3% в год потребуется 14,6 триллиона рублей инвестиций, плюс 900 млрд рублей в оборотные средства и в развитие человеческого капитала, то есть в образование, здравоохранение, научные исследования надо вложить 10,3 триллиона рублей. Всё вместе это составляет 25,8 триллиона рублей в год — треть нашего ВВП». На вопрос журналиста: «И ничего нельзя сделать?» — Ханин говорит: «Можно сократить разрыв. Для этого надо перераспределить доходы населения в пользу накопления физического и человеческого капитала и наиболее нуждающихся слоёв, но даже это потребует огромных усилий. Можно, например, перераспределить доходы населения, сократить социальную дифференциацию децильных групп с нынешних 30:1 до 6:1. То есть до показателя, существующего в большинстве западноевропейских стран, но это потребует долгих лет».

Вот здесь я вынужден с Ханиным не согласиться. Долгих лет у нас нет — и с учётом геополитической ситуации, и с учётом надвигающегося мирового кризиса, и с учётом социально-экономической ситуации в стране. Кроме того, вообще перераспределение доходов в пользу неимущих и малоимущих эволюционным путём ни у кого не получалось. Это революционная мера. Вопрос в том, делается это сверху или снизу. Короче говоря, отсутствие перераспределительных мер ведёт страну прямиком к катастрофе, поскольку решение экономических проблем России невозможно без предварительного решения проблем социальных. В свою очередь, проблемы социальные, то есть неравенство, не могут быть решены иначе чем политическим путём. А политическое решение предполагает наличие идеологии, которой в РФ де-юре, по Конституции, нет. Как я уже говорил в одном интервью, удел тех, у кого нет идеологии, — пикник на обочине Истории. А в приближающуюся в мировом масштабе грозную пору это может оказаться уже не обочина Истории, а её параша. Правда, в Конституции содержится тезис о том, что РФ — социальное государство. Тут впору предъявить властям: «Соблюдайте нашу/вашу Конституцию». Впрочем, кто-то вместо предъявления требований выбирает другой путь. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, постоянно растёт число уезжающих из РФ: 2011 г. — 36 774 чел., 2012 г. — 122 751 чел., 2013 г. — 186 382 чел., 2014 г. — 310 496 чел., 2015 г. — 353 233 чел. Из уехавших за последние 30 лет 10 млн человек полтора миллиона — учё-

ные, главным образом — молодые и перспективные. Это асимметричный ответ на ситуацию в РАН, которая определяется двумя факторами: косностью и неадекватностью современному миру руководства самой РАН и её погромом извне под видом реформ.

Здесь мы подходим к вопросу: какой должна быть идеология в новой России? На этот вопрос у меня нет ответа: я не знаю, какой должна быть новая идеология России (или идеология новой России). Но я знаю, какой она быть не должна и не может, иначе ничего, кроме хроники объявленной смерти, Россию не ждёт. Идеология новой России не может быть буржуазной или, как у нас нередко говорят, «либеральной». И дело здесь не только в том, что в России либерализм, монархия и РПЦ дискредитировали себя в феврал-марте 1917 г. Дело в том, что либерализм в мире умер в 1910-е годы, сразу же после того, как на рубеже XIX–XX вв. капитализм исчерпал свой экономический потенциал (его достижения в XX в. обеспечены внеэкономически), а то, что называется «либерализмом» или «неолиберализмом», сегодня к реальному либерализму отношения не имеет. Нынешние российские «либералы-западники» выглядят весьма убого. Впрочем, и у тех, кого называют «государственниками-патриотами», «имперцами», проблем тоже хватает.

Главная из них — социально-экономическое, классовое содержание неоимперии. Ратую за жёсткий сталинский курс, иные имперцы не понимают элементарной вещи: сталинская система несовместима даже с социалистической (антикапиталистической) олигархией, не говоря уже об олигархии капиталистического типа. Попытка совместить империю и капитализм в русской истории уже была в конце XIX — начале XX в. и с треском провалилась. Поэтому не стоит ни наступать на грабли, ни изображать «хлопок одной ладонью». Сталинские методы работают только в условиях антикапитализма, а в русских условиях это не Пиночет, о чём мечтали некоторые либералы в 1990-е, это нечто вроде «тангема» Ельцин–Березовский. Иного в нашей действительности не дано. Вывод: вопрос о неоимперии (или об импероподобном образовании), о «сталинском наследии» есть вопрос не политический, а социально-экономический, если угодно — классовый. Иная постановка вопроса — в лучшем случае пустая болтовня, в худшем — провокация.

Идеология не может смотреть в прошлое и к тому же цепляться за обломки ушедшей эпохи: то есть цари и попы — это прошлое; все надежды на восстановление монархии — это

взгляд в прошлое. Невозможно идти в будущее, всё время оглядываясь назад. Нельзя также позволять сводить нашу историю к её последнему — христианскому — тысячелетию, лишая нас как минимум двух-трёх тысячелетий нашей дохристианской истории, которая вовсе не была эпохой дикости, бескультурия. Напротив, именно тогда были созданы фундамент и первые этажи здания «Русь». Русь последнего тысячелетия выросла на мощном фундаменте русских, славянских и индоевропейских традиций, органично переплетающихся друг с другом. Византийское христианство (X в.), петровское западничество (XVIII в.), советский коммунизм (антикапитализм, XX в.) стали лишь позднейшими пластами, надстройками на этом мощном историческом фундаменте, который существенно изменил напластования, приспособил их к себе.

Внешне этот фундамент может показаться не чем-то прочным, а аморфной массой, которая сама по себе не порождает властные пирамиды. В России «правители, — пишет О. Маркеев, — всегда привносили идею пирамиды извне, очарованные порядком и благолепием заморских стран. Но не они, а сама масса решала, обволочь ли её жизнетворной слизью, напитать до вершины живительными

соками или отторгнуть, позволив жить самой по себе, чтобы нежданно-негаданно развалить одним мощным толчком kloкочущей энергией утробы. [...] Вопрос лишь времени и долготерпения массы». И ещё: «масса только с высоты пирамиды кажется киселём... внутри она таит жёсткую кристаллическую решётку, из которой она куёт стержни, прошивающие очередную привнесённую из-за рубежа пирамиду власти, и... только эти стержни даруют пирамиде устойчивость и целостность; стоит изъять их, уже ничто не спасёт государственную пирамиду от краха».

Наши «решётки» намного старше и крепче «пирамид», идеология новой России должна это учитывать и именно их принимать в расчёт в первую очередь — этого требуют элементарные принципы системности и историзма.

Идеология должна дать ясное определение желаемого для большинства страны будущего (цель) и назвать, хотя бы в самом общем плане, средства его достижения (настоящее). Она должна чётко определить отношение к прошлому, прежде всего — к советскому. Здесь есть чёткие маркеры — явления, события и фигуры: Сталин, Горбачёв; перестройка как разрушение СССР; советский строй; капитализм; Ельцин и ельцинщина. Позиция по этим вопросам даёт

ясно понять: с кем вы, мастера власти, с народом или нет? Нельзя быть с народом, подмигивая при этом Западу и заигрывая с теми, кого власть сама время от времени называет «пятой колонной».

Идеология — это и символика: герб, флаг, гимн. К счастью, гимн у нас, пусть с изменёнными словами, советский. С гербом и флагом дело обстоит иначе. Не могу сказать, что я в восторге от двуглавого орла, но орлиные головы с возвращёнными не так давно коронами предпочтительнее голов, лишённых корон, — именно подобного вида курицеподобные птицы появились на гербе Временного правительства в феврале 1917 г. и ельцинского РФ образца 1992 г. Тогда же вернули триколор.

Что касается флага, то он должен символизировать мощь и историческую победительность. Он должен напоминать о победах и ни в коем случае не должен быть связан с поражениями и замаран предательством. Бело-сине-красный был флагом Временного правительства,

развалившего страну и по сути бросившего государственный суверенитет под ноги злейшего врага России — Великобритании. Под этим флагом власовцы, служившие Гитлеру, убивали своих же, русских, участвовали вместе с хорватами в карательных акциях против сербских партизан. Не случайно во время Парада Победы 25 июля 1941 года власовский триколор полетел к подножию Мавзолея вместе с флагами частей вермахта, СС и другими флагами побеждённого Советским Союзом врага.

А вот красный флаг — это флаг Победы, флаг восстановления исторической России в виде СССР. Этот флаг был над Рейхстагом. И ещё одна очень важная вещь: красный флаг был у Святослава. На нём были, правда, не звезда и серп и молот, а солнце! Мне не важно, что там будет, но флаг должен быть красным. Красный — значит красивый, это русский традиционный цвет победы.

И не стоит оглядываться на то, что скажут на Западе. Во-первых, это унижительно, равно как унижительно постоянные обсуждения, что сказал Трамп и т. п. Во-вторых, оглядываться бесполезно: там нас назначили не просто виновными, а жертвами, как сказал бы итальянский философ Д. Агамбен, у которых нет права даже на защитную речь. России и русским, судя по всему, уготовано «окончательное решение» нашего вопроса — и само по себе, и потому, что с его помощью хозяева мировой игры попытаются продлить жизнь (умирание) собственной системы и устранить русских как единственный народ, как единственную цивилизацию, которая способна противопоставить им собственный вариант будущего, причём не локально-региональный, как китайцы, индийцы или даже мусульмане, а универсально-мировой. Ясно, что носителя такой потенциальной угрозы попытаются убрать. Поэтому не надо оглядываться в западную сторону и бояться нарушить расставленные за последнюю четверть века вокруг нас флажки — «за флажки — жажда жизни сильнее!» (В. Высоцкий).

Власть в России должна чётко определиться с русским вопросом. Русский мир следует создавать не за рубежами РФ, не на территории бывшего СССР, а прежде всего в самой России. Проявляться это должно по-разному: и в фиксации статуса русских как государствообразующего народа, и в жёстком противодействии русофобии и разрушению русской культуры, и во многом другом. Иначе Русский мир — это фикция, бутафория, конъюнктурно-бюрократическая схема.

Юрий Трифонов в своём лучшем, на мой взгляд, романе «Старик» заметил, что «старость —

это время, когда нет времени». Уже нет. У капитализма, у капиталистического постЗапада нет времени. «Портрет Дориана Грея» стремительно разъезжается, и на месте образа бравого мужчины во цвете лет проступает что-то среднее между суперстарческим лицом столетнего Рокфеллера, физиономиями с полотен Босха или Грюневальда и безжалостно холодной мордой рептилии. И покупать дополнительное время своего существования это нечто, эта нежить собирается в том числе и за наш счёт. Сказал же Бжезинский, что мир XXI века будет построен на обломках России, за счёт России и в ущерб России. Как говаривал в аналогичных случаях Илья Муромец: «А не подавишься, Идолище поганое?»

Это во времена СССР «Идолище» носило маску борца за права человека, прежде всего в СССР, заступника диссидентов, сахаровых, солженицыных и пр. Но вот ушёл СССР, маски сброшены, и из-под них вылезло естество — лица Лжи и Зла, грубые, вывороченные. Вспомним Высоцкого:

*Ложь и зло — погляди,
Как их лица грубы!
И всегда позади
Вороньё и гробы.*

И оскал смерти. Действительно: Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Украина — смерть, гробы, вороньё. Со Злом и Ложью, точнее, их персонификаторами невозможно договариваться — Каддафи пытался. Возможны краткосрочные тактические перемирия или даже союзы с меньшим злом против большего (например, союз СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции) — не более того. При этом необходимо помнить, что «партнёры» постоянно готовы организовать «немыслимое» — как Черчилль, планировавший на 1 июля 1945 года удар по Советской армии силой немецких (главным образом) и англо-американских дивизий.

Ответ о том, какова её ориентация — традиционно русская или нетрадиционно прозападная — власти придётся давать в ближайшее время. К тому же потом и времени может не остаться. Промедление смерти подобно, как говаривал один классик, оказавшийся в острейшей ситуации сотню лет назад. И на двух стульях уже не усидеть: примеры Николая II и Горбачёва должны быть перед глазами, тем более что за три десятка лет стулья разъехались, да и западным хищникам только один стул нужен, второй им без надобности, того и гляди выбьют — так зачем его держать? Этим же сту-

лом — да и по супостату. Короче говоря, тянуть время и оттягивать выбор, решение больше не получится: обстоятельства не позволят, они явно сильнее такого намерения, если оно есть. Бессмысленно уклоняться от борьбы, когда она неизбежна. Никогда не забуду, как Ю. В. Андропов, став генсеком, с ходу заявил, что пусть империалисты нас не боятся — если они нас не тронут, то и мы их не тронем. Это как понимать? Нет, робкий и недальновидный генсек КПСС, империалисты должны нас бояться, только в этом случае они не посмеют нас тронуть.

Сегодня решение проблем РФ — создание не просто мобилизационной экономики, это вторично. Высокотехнологичную мобилизационную экономику в нынешних условиях может создать только общество с высокой социальной эффективностью, членам которого будет за что биться и что защищать. К сожалению, оснований для оптимизма становится всё меньше, особенно не радует социально-экономический курс правительства, логически развивающий ельцинскую линию на стагнацию экономики и ликвидацию социального государства, которое, кстати, у нас прописано в Конституции.

Вот несколько примеров совсем недавнего прошлого. Какое-то время назад правительство РФ обнародовало проект бюджета на ближайшие три года. По сути, это «типа план развития». Почему типа? Потому что реальное развитие не предполагается. За последние 9 лет экономика РФ, согласно официальной статистике, выросла аж на 1,7%. Ежегодный прирост 0,2%. В реальности, думаю, рост был отрицательным — вспомним подсчёты Ханина. И 0,2% — это уже статистическая погрешность. Может быть, плюс, а может, и минус. При такой «прыти» к 2020 году Россию по номинальному доходу на душу населения обгонит не только Китай, но также Индия и Турция. По сути, проект бюджета предполагает сохранение экономической стагнации. В первые десятилетия XXI века, как сообщает «Независимая газета» от 4 октября с.г., Россию по уровню зарплат обогнал Китай, а по потребительским расходам — Казахстан. При этом у нас стремительно нарастает бедность.

Олигархов и правительство, которое, по сути, выражает их интересы, стагнация не волнует, потому что стагнация — это и есть их средство решения проблем за счёт населения. Чем больше стагнирует экономика РФ, тем больше у них прибыли, поскольку, чтобы экономика не стагнировала, нужно произвести то, что называется очень просто — советизация экономики. Поэтому, естественно, стагнация их устраивает.

Согласно проекту, на социальную сферу средств в 2018 году будет выделено меньше, чем в 2017-м: 4,86 трлн вместо 5 трлн. И нам уже сказано, что в 2019 году будет ещё меньше, и будет самый жёсткий бюджет за все годы XXI века. То есть, ребята, затягивайте пояса, денег нет, но вы держитесь! Ясно: если сохранится данный курс, правительство будет увеличивать налоги и прибегать к более или менее скрытым формам экспроприации. Один из примеров — «дачная история», которая вызвала возмущение.

Богатых, олигархов, скорее всего, трогать не будут, о чём свидетельствует следующий факт. Правительство приняло беспрецедентное по наглости и цинизму решение: не переводить в юрисдикцию России те компании, банки и корпорации, которые относятся к системообразующим. Речь идёт о 199 юрлицах, которые дают 70% валового продукта России. Какое-то время назад президент сказал, что это безобразие, что девять десятых сделок проводятся вне правового поля России, всё нужно вернуть. Президент сказал одно, а правительство ему отвечает: не-а. И мотивирует это так: «Репатриация денег для российских компаний из офшоров создаст системный риск для отечественной экономики и ослабит конкурентные позиции крупного бизнеса в мировой экономике».

И это только на первый взгляд кажется бредом с точки зрения государственных интересов. А с точки зрения олигархического сегмента — самое оно. Это решение фиксирует дальнейшую офшоризацию того, что называют российской экономикой. Кстати, тут Федеральная налоговая служба РФ приняла решение исключить из чёрного списка офшоров Британские Виргинские острова. Почему? Оказывается, большая часть яхт наших олигархов приписана к Британским Виргинским островам. О яхтах позаботились! Олигархи сейчас будут делать всё, чтобы спрятать свои денежки, и понятно, почему. В конце августа прошлого года в США был принят закон об экономических санкциях, который прямо предписал финансовой разведке США собрать в течение шести месяцев полную информацию о лицах в окружении нашего президента. Речь идёт о счетах, офшорах, финансовых потоках, связях и т.д.

Отсчитываем шесть месяцев от августа 2017 года и получаем самое начало 2018 г. Это уже канун президентских выборов в РФ. То есть американцы, по сути, говорят: «С кем вы, мастера офшоров? Если вы с президентом Российской Федерации, то вы уже не мастера и не подмастерья, а пойдёте с протянутой рукой, а то и на цугундер». Когда-то хитрые западо-

иды заманили ворьё из РФ в свои банки, свои офшоры, убедив, что именно там можно разместить вклады. Это якобы безопасно, только скажи: «Крэкс, фэкс, пэкс!» — и международное право тебя защитит. То есть они исполнили воровато-богатеньким «буратинам» песню лисы Алисы и кота Базилио. Прочитирую:

*Не прячьте ваши денежки по банкам и углам,
Несите ваши денежки, иначе быть беде.*

И те понесли туда денежки.

*И в полночь ваши денежки заройте в землю там,
И в полночь ваши денежки заройте в землю где...
Не горы, не овраги и не лес,
Не океан без дна и берегов,
А поле, поле, поле, поле, поле чудес,
Поле чудес в стране дураков.*

Главное здесь — в стране дураков. И вот теперь эти лисы и котяры грозят, наплевав на обещанное «крэкс, фэкс, пэкс», отобрать ранее спрятанные на поле чудес золотые. Условия простые: «буратины» должны сдать «папу Карло». Сдадут — будет им хорошо, так, по крайней мере, обещают. Однако, как известно, *Roma trahit orbis non premia* — Рим предателям не платит.

И проект бюджета, и «дачная история» раскачивают ситуацию, создают нестабильность. С учётом Украины и американских игр в Сирии, я думаю, нас ждут неприятности в самое ближайшее время. А потому можно сказать словами всадника из «Сказки о военной тайне» Гайдара: «Пришла беда, напал на нас из-за чёрных гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять рвутся снаряды». То есть война движется к нашим границам, и в случае необходимости её нужно будет принять в лоб, это ясно. Однако в современном мире только сумасшедший осмелится совершить агрессию против государства с атомной бомбой и социально-эффективного сплочённого общества. Ведь расчёт у Запада, кстати, как и в июне 1941 года у Гитлера, не просто на блицкриг. Гитлер ожидал, что в Москве произойдёт переворот, в Москве будет раздраз — но этого не произошло. Вспомним, что Воланд был способен зацепить только тех, кто с гнильцой, и чтобы всё не закончилось так, как в истории о Мальчише-Кибальчише, чтобы в страхе бежал разбитый буржуин, надо как можно быстрее создавать социально-эффективное общество. Только оно может быть субъектом стратегического действия, субъектом нашей победы. Просто мобилизационной экономики, просто ядерного оружия

мало. Нужно социально-эффективное общество, нужно снижать уровень социального неравенства. Люди могут убивать за деньги, но умирать за деньги никто не будет. Умирают за близких, за Родину, за высшие идеалы. И за тех, у кого они есть. Какие идеалы у олигархов и их государства?

К сожалению, времени остаётся мало. В 1931 году Сталин сказал: «Если мы не пробежим за 10 лет то, что Запад пробежал за 100, нас сомнут». Я не уверен, что у нас есть и 10 лет. К счастью, есть наследие Сталина и Берии — это атомная бомба, но время тикает. Правда, оно тикает и под нашими, как говорят сейчас, партнёрами. И вопрос в том, кто упадёт первым. Собственно, мы это уже проходили. Во второй половине 1980-х вопрос стоял именно так: кто упадёт первым — СССР или США (а с ними Запад)? Причём по закрытым прогнозам — американским и нашим — упасть должны были

США. Однако североатлантическая элита переиграла позднесоветскую — тупую и жадную. СССР был разрушен, а постЗапад, капитализм в его финансово-криминальной форме, получил бонус: дополнительную четверть века жизни, хотя сама гибель системного антикапитализма была знаком на стене для капитализма как системы. Сегодня ситуация повторяется, только на кону уже разрушение РФ, намного более слабой, чем СССР даже образца 1991 года. Впрочем, и нынешний Запад во многом напоминает гнилую стену — ткни и развалится. Надо только знать, куда ткнуть и как — чтобы не рухнул обвалом, а рушился постепенно, но неотвратно, и чтобы было ему не до нас. Наконец, есть замечательный принцип дзюдо: использовать силу противника против него самого. Много чего есть. Но главное, что должно быть, — это воля. Воля жить, бороться и побеждать.

/ ЛИ Янь (перевод А.Д. Павловой)^{1/}

Знамя **марксизма- ленинизма не пало!**

Столетие Октябрьской революции неизбежно становится одной из важнейших тем социально-политических дискуссий в постсоветских странах. Как относятся к В. И. Ленину и Октябрьской революции сейчас? Как мы должны относиться к социалистическому делу, начатому В. И. Лениным? Каково историческое место В. И. Ленина и ленинизма? Это и старые, и новые вопросы.

В 1917 г. Великая Октябрьская революция в России свергла временное буржуазное правительство и создала первое в истории человечества социалистическое государство. Позже под руководством В. И. Ленина, И. В. Сталина новая, советская политическая власть смогла отбить наступление империализма и подавить контрреволюционные выступления. Советское государство смогло выжить в капиталистическом окружении, окрепнуть и за десять с небольшим лет прошло тот путь развития, на который капитализм потратил больше сотни лет, создало социалистическую промышленность и завоевало победу в Великой Отечественной войне, добившись восхищения и уважения во всём мире.

В процессе создания и управления большевистской партией, укрепления политической власти Советов и строительства социалистического общества В. И. Ленин провёл тщательный анализ пролетарской революции и путей строительства социализма. Он предложил «теорию империализма», определив, что из-за неравномерности развития империализма первоначально необходимо добиться победы социалистической революции в одной или нескольких странах. В строительстве социализма В. И. Ленин выдвинул в качестве основной задачи энергичное развитие производительных сил, предложил использовать государственный капитализм, товарно-денежные отношения. Это были те теоретические идеи и инновации, которые он привнёс в практическую реализацию идей марксизма в строительстве социализма в России.

В. И. Ленин предложил идею создания политической партии пролетариата нового типа, подчёркивая, что эта партия, вооружённая идеологией марксизма, должна стать руководящей силой диктатуры пролетариата в строительстве социализма и авангардом пролетариата. Он выдвинул инновационную идею о том, что страны

с отсталой экономикой могут преодолеть этап капитализма и перейти к социализму.

В. И. Ленин и большевистская партия, продолжая и развивая учение марксизма, сформировали основное содержание ленинизма. Позже марксизм-ленинизм стал идеологией, получившей широкое распространение по всему миру, а сам В. И. Ленин стал символом социалистической революции и советского социализма. Больше 60 лет после своей кончины он оставался активной и положительной фигурой в истории.

В период горбачёвских реформ под лозунгами «демократизации», «гласности» и раскрытия «белых пятен» истории в различных сферах общества развернулась критика И. В. Сталина, которая вскоре затронула В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского и других советских руководителей. Появились утверждения, что в начале 1917 года В. И. Ленин получил от правительства Германии значительную денежную помощь, что он был «немецким шпионом», посланным Германией заниматься подрывной деятельностью. Ссылаясь на слова Г. В. Плеханова, «русская история не смогла той муки, из которой будет со временем испечён пшеничный пирог социализма», многие стали пропагандировать идею, будто Октябрьская революция не соответствовала историческим законам развития. Некоторые люди стали обвинять Октябрьскую революцию в том, что за неё была заплачена ужасная цена и что поэтому её не стоило совершать и что, если рассматривать её с точки зрения человеческой цивилизации, то уплаченная цена намного превышает достигнутые благодаря ей улучшения жизни населения. Утверждалось, что В. И. Ленин не был «добрым человеком», а был «человеком, проявлявшим революционную жестокость». Фигура В. И. Ленина из вождя революции, основоположника социалистического государства превратилась в «шпиона» и «заговорщика».

Основная цель инициированной М. С. Горбачёвым критики руководителей КПСС, И. В. Сталина, В. И. Ленина и др. состояла в полном отрицании истории КПСС и СССР, отрицании социалистического строя. Результатами распространения этого исторического нигилизма стало грубое очернение образа руководителей КПСС, искажение истории Советского Союза и КПСС, появление хаоса в общественном сознании, дестабилизация страны, разгул националистического сепаратизма, а в результате — развал КПСС и распад СССР.

¹ Журнал «Свободная мысль», 2007, вып. 4. Статья автора ЛИ Янь — с. 29–36

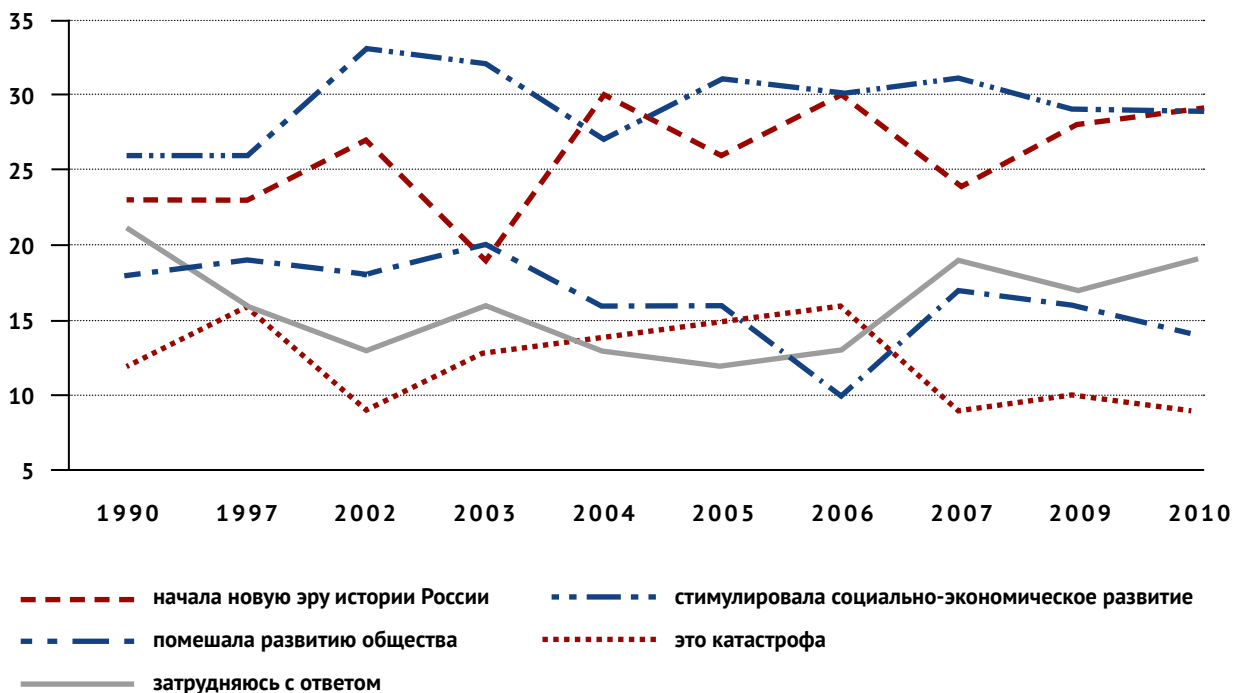

График 1.

«Что принесла Октябрьская революция российскому народу?»

II

В первое время после распада СССР в бывших советских республиках продолжилось отрицание В.И. Ленина, ленинизма и Октябрьской революции, новые государства всеми силами старались показать свой разрыв с КПСС и «Советской империей». В России процветало искажение советской истории, многочисленные выступления с отрицанием и критикой компартии и советского строя в различных СМИ и даже учебниках истории. Президент В. В. Путин так охарактеризовал эти годы: «В обществе — каша, и в головах у учителей — тоже каша».

Руководство России предприняло ряд мер в исследовании истории и в области идеологии, чтобы прекратить подобный хаос. Благодаря усилиям учёных российская историческая наука постепенно вернулась на путь уважения к фактам пропаганды патриотизма, отстаивания национальных интересов. Пройдя через распад государства, спад в экономике, народ начал вспоминать о государственной мощи и стабильности жизни в советский период. Поэтому «возвращение» В.И. Ленина стало общественным движением в России, что произошло в ряде факторов.

Первое. Главным образом это отразилось в выделении основы и очищении источников

в научной сфере. После распада СССР в историческом сообществе появились крупные серьёзные результаты исследования фигуры В.И. Ленина, предпосылок Октябрьской революции, выбора пути строительства советского социализма. Первоначально ошибки правительств М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина привели к серьёзному влиянию исследований учёных, придерживавшихся правых взглядов, — они пропагандировали восприятие Октябрьской революции как «государственного переворота», произведённого горсткой профессиональных революционеров во главе с В.И. Лениным, которые воспользовались нестабильной обстановкой, и оценки её как «не только трагедии в истории России, но и самой большой трагедии в истории человечества».

Конечно, были и учёные левой ориентации, которые говорили о том, что Октябрьская революция произошла не случайно и оказала огромное благотворное влияние и на Россию, и на всю человеческую цивилизацию. Но их голос был относительно слаб.

С наступлением нового тысячелетия вслед за обнародованием достоверных исторических фактов, а также благодаря правильному правительственному курсу отношение российского научного сообщества к В.И. Ленину и Октябрьской революции стало более разумным и справедливым. Бывший премьер-министр Е.М. Примаков отмечал, что в политических

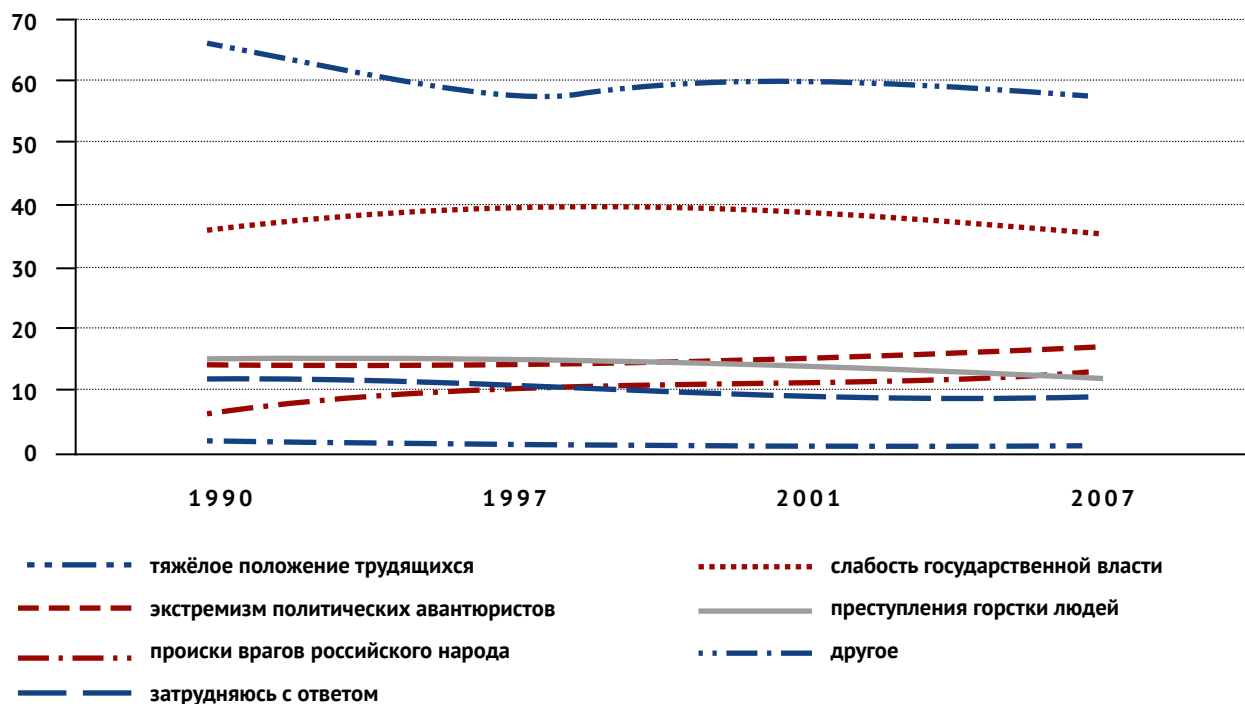

График 2.

«Какие причины, по Вашему мнению, привели к Октябрьской революции?» (в процентах)

публикациях Октябрьская революция 1917 года часто называется «государственным переворотом», но такой подход абсолютно неверен. История Октябрьской революции не может быть переписана. Она была прелюдией не только к строительству социализма, но и к появлению новой, сильной и передовой России.

Второе. Новое, повторное признание В.И. Ленина и Октябрьской революции можно увидеть не только в академических кругах, но и в массовых мероприятиях в честь их годовщины. Каждый год 21 января и 22 апреля, в день смерти и в день рождения В.И. Ленина, российские медиа публикуют статьи, посвящённые вождю Великого Октября. Каждый год 7 ноября во многих городах России проходят большие и малые митинги: народ массово отмечает этот «красный праздник». Масштаб и значение организуемых КПРФ в Москве и других областях и районах памятных мероприятий в честь победы Октябрьской революции с каждым годом возрастают. В другие памятные даты люди сами приходят на Красную площадь, возлагают венки к Мавзолею В.И. Ленина, выражая тем самым своё уважение. Со времени распада СССР некоторые партии и депутаты нередко выступают перед парламентом с предложением убрать тело В.И. Ленина с Красной площади, но КПРФ и народ раз за разом выступают против и дают отпор нападкам на В.И. Ленина.

Третье. Результаты исследований общественного мнения в определённой степени отражают настроения граждан России.

График 1 подтверждает позитивные оценки Октябрьской революции: она «начала новую эру истории России», «стимулировала социально-экономическое развитие», популярность которых намного превышает негативные оценки революции, особенно после наступления XXI века. Значение Октябрьской революции как стимула социального прогресса находит всё большее признание.

При выборе причин Октябрьской революции подавляющее большинство опрошенных назвало тяжёлое положение трудящихся и слабость государственной власти. Так называемый экстремизм политических авантюристов называют редко. Это говорит о том, что идея неизбежности Октябрьской революции также получает всё более широкое признание.

Таким образом, в России количество людей, положительно оценивающих В.И. Ленина и Октябрьскую революцию, растёт. И с приближением 100-летнего юбилея эта тенденция становится всё более отчётливой: в начале 2016 г. в опросе общественного мнения о самых великих руководителях России за последние 100 лет В.И. Ленин, И.В. Сталин и В.В. Путин заняли лидирующие позиции.

III

Хотя позитивная оценка В.И. Ленина и Октябрьской революции, а также И.В. Сталина современным российским обществом становится всё очевиднее, она ещё не стала общепринятой. Вслед за обнародованием исторических архивов, углублением исторических исследований в последние годы всё больше появляется материалов о «настоящем Ленине» и «подлинном облике Октябрьской революции». Помимо признания исторического места В.И. Ленина и революции в научный оборот вводятся новые исторические свидетельства, в том числе — и о негативных сторонах начального периода существования советской власти.

С 2016 года темы, связанные с российской историей, стали занимать всё большее место. Ответ В.В. Путина на форуме Общественного фронта об отношении к В.И. Ленину и истории СССР привлёк внимание ряда СМИ. Некоторые заголовки в стиле «Путин убил Ленина», «Путин опять осудил Ленина» преувеличили отрицательное отношение В.В. Путина к В.И. Ленину и СССР.

Во-первых, необходимо диалектически и исторически подходить к В.И. Ленину и к Октябрьской революции. После победы Октябрьской революции советская власть оказалась в опасном положении, столкнувшись с внешним империалистическим и внутренним контрреволюционным наступлением. В этот ключевой период между жизнью и смертью большевистская партия под управлением В.И. Ленина избрала жестокую стратегию и методы борьбы. Сам он не раз признавался, что у Советской России не было опыта и примера, на которые можно было бы ориентироваться, и ошибки были неизбежны: «Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Ещё бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом для всей мировой истории деле, как создание невиданного ещё *типа* государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далёкого от совершенства строя, применения к жизни советских принципов».

Поскольку В.И. Ленин признавал неизбежность ошибок, современные СМИ должны проявлять больше уважения к фактам. Нельзя забывать, что руководимая В.И. Лениным Октябрьская революция начала новый этап истории человечества, на обломках империализма построила абсолютно новое социалистическое

государство и добились блестящих результатов в строительстве. Это было великое новаторское дело. Конечно, признавая результаты, надо видеть и ошибки, необходимо всесторонне рассматривать историческую личность и её поступки с учётом условий того времени, проводить диалектический и исторический анализ — только тогда историческое исследование будет верным.

Во-вторых, нельзя требовать полного совершенства от исторической личности. Нельзя предъявлять требования к ней исходя из воззрений и представлений современности: её надо рассматривать и оценивать в контексте исторической обстановки, в котором она жила. Это один из основных принципов для оценки В.И. Ленина и его действий. В.И. Ленин — выдающийся политический деятель в истории России, мы относимся к нему как к великому человеку, но не можем требовать от него быть «совершенным, идеальным человеком». В мировой истории есть две «великие революции»: Великая французская и российская Октябрьская. Французскую революцию сопровождали террор, гражданская война, хаос в экономике, голод, а затем наполеоновские войны, но французские историки со временем назвали её Великой, что нашло признание во всём мире. Многие люди, и даже французские либеральные историки, оправдывали террор якобинцев, считая, что они, противостоя иностранной интервенции, защитили Францию. Хотя Наполеон, начав с побед, кончил поражением, что привело к оккупации Франции, — он по-прежнему считается великим политиком и полководцем, и никто не возлагает на него ответственности за неподдающийся оценке ущерб. Этот анализ будет полезен и для правильной оценки и понимания В.И. Ленина и Октябрьской революции.

В-третьих, необходимо объективно подходить к «критике Путиным Ленина». В.В. Путин — не учёный-историк: говоря его словами, история — «это дело историков-специалистов». Будучи политиком, В.В. Путин часто связывает свою точку зрения на вопросы истории с текущей ситуацией внутри и за пределами страны. Оценивая В.И. Ленина и высказывая своё отношение к распаду СССР, он подчёркивал: «Ленин выступил за то, чтобы СССР образовался на основе полного равноправия с правом выхода из Советского Союза — это и есть мина замедленного действия под зданием нашей государственности». Он также указал на недостатки начального периода правления советской власти и подхода Ленина к «единой

идеологии». Эти высказывания надо понимать в свете проблем, с которыми столкнулась Россия сегодня. С началом кризиса на Украине, из-за западных санкций, удешевления нефти российская экономика испытывает трудности, а российская внутренняя и внешняя политика находятся в сложном положении. Стабильность и единство государства стали важнейшими вопросами. В такой обстановке слова В.В. Путина о «мине замедленного действия» — это, в большей мере, отражение реалистичного подхода к сохранению национального единства. Эту же точку зрения он выразил на медиа-форуме «Правда и справедливость» в Санкт-Петербурге 7 апреля 2016 года, подчеркнув исключительную важность для современной России патриотизма и чувства национальной идентичности россиян.

С точки зрения долгосрочной перспективы В.И. Ленин был одним из важнейших политиков, повлиявших на исторический путь России, но его высказывания и действия тесно связаны с обстановкой внутри и за пределами страны в то время. Через 90 с лишним лет после кончины Ленина его оценка В.В. Путиным, важнейшей политической фигурой современной России, во многом связана с текущим положением дел. И критик, и участник событий ограничены историческим контекстом; мы же должны анализировать и осмысливать ситуацию более конкретно и исторично.

Победа Октябрьской революции начала новую эру в истории человечества, проложила победную дорогу для пролетарских революций, для национально-освободительных движений в колониях и полуколониях по всему миру. Ленинизм не только руководил советской социалистической революцией и строительством, но и вдохновил и стимулировал борьбу за освобождение угнетённых классов и угнетённых народов и за чуть более чем полвека добился признания социалистических государств и коммунистических партий.

Сегодня, несмотря на глубокие изменения в международной обстановке, В.И. Ленин и его учение имеют важное руководящее значение, ленинизм, как и раньше, является великим знаменем, которое направляет мировой социализм вперёд. Распад Советского Союза и серьёзные изменения в Восточной Европе — лишь зигзаг в процессе поиска пути мирового социализма, который вовсе не означает неопределённости перспектив мирового социализма. И хотя статуи В.И. Ленина в некоторых местах сброшены, начатое Лениным дело социализма продолжается. Настоящие коммунисты постоянно высоко держат знамя марксизма-ленинизма, преодолевают всевозможные трудности, черпают опыт из уроков истории, непрерывно способствуют продвижению вперёд дела коммунизма.

/ ЛИ Шэньмин (перевод В.Г. Бурова)¹/

Великий Октябрь – новая эра в истории человечества

Для возрождения идеи и движения мирового социализма чрезвычайно важное значение имеет обобщение опыта Октябрьской революции, ретроспективный взгляд на путь развития мирового социализма вместе с усвоением уроков гибели КПСС и Советского государства. Отмечая 100-летнюю годовщину Великого Октября, следует продвигать вперёд великое дело социализма с китайской спецификой, в особенности осуществляя дальнейшее укрепление всестороннего строгого управления партией, сохранение её авангардного характера и чистоты.

В течение вот уже ста лет не прекращаются споры о том, является ли Октябрьская революция очень хорошим или очень скверным делом. Пословица гласит: «Если везёт, тогда и Небо и Земля приходят на помощь, а когда судьба переменялась, тогда и герой несвободен». Когда социализм находился в расцвете, даже фашист Гитлер называл себя социалистом; когда же социализм переживает упадок, небольшая группа людей, преследующих свои злонамеренные цели, начинает клеветать на Октябрьскую революцию, сочинять всевозможные сказки о ней, атаковать её; подвергаясь их влиянию, увеличивается число людей, заблуждающихся относительно Октябрьской революции. Однако суть исторических фактов и научной истины невозможно изменить.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИМЕЛА ПОД СОБОЙ ПРАВИЛЬНУЮ ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ БАЗУ.

Одни говорят, что Октябрьская революция не соответствует изначальным принципам марксизма, другие утверждают, что она была случайным событием, «преждевременным родившимся ребёнком», не соответствующим закономерностям исторического развития, что и привело к гибели КПСС и Советского государства.

К. Маркс и Ф. Энгельс сделали вывод о неизбежности всеобщей исторической тенденции, ведущей к гибели буржуазии и, одновременно, победе пролетариата. Их указания на причины социалистической революции и неизбежную тенденцию истории были всеобщей истиной марксизма. Одновременно на основе анализа тогдашней обстановки они высказали пред-

положение относительно времени и места социалистической революции. Так, Ф. Энгельс в написанной им в конце октября — ноябре 1847 года статье «Принципы коммунизма» указывал: «Коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдёт одновременно во всех цивилизованных странах, т.е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии²».

Эта точка зрения основывалась на анализе развития тогдашнего мирового капитализма, главной особенностью которого была свободная конкуренция. «Принципы коммунизма» — первоначальный набросок тезисов, составленных Ф. Энгельсом по поручению Союза коммунистов. Сам Ф. Энгельс был недоволен ими и в декабре 1847 года — январе 1848-го заменил их составленным вместе с К. Марксом «Манифестом Коммунистической партии», в котором уже не использовалась формулировка «произойдёт одновременно». В 1850 году К. Маркс и Ф. Энгельс высказали предположение, что США в будущем может превратиться в самое крупное и экономически сильное государство капиталистического мира; они считали социалистическую революцию единственным способом для Европы избежать превращения в придаток США.

После поражения Парижской коммуны 1871 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, помимо энергичного создания условий для продвижения вперёд революции в развитых странах Запада, стали уделять внимание странам мира, расположенным на Востоке, особенно — России. Они считали, что в 80-х гг. XIX века Россия «уже представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе», и «раз уж дело дойдёт до революции в России — изменится лицо всей Европы»³.

Эпоха, в которой жил В.И. Ленин, отстоит от эпохи К. Маркса и Ф. Энгельса на столетия. Ленин унаследовал идеи Маркса и Энгельса о концентрации и монополии капитала и развил их в законченную теорию империализма.

В.И. Ленин подчёркивал, что после вступления капитализма в этап империализма произошло небывалое усиление неравномерности в экономическом и политическом развитии стран мира. Некоторые новые капиталистические страны совершили скачок в развитии, в результате изменилось соотношение сил между

¹ Журнал «Свободная мысль», 2007, вып. 4. Статья автора ЛИ Шеньмин — с. 9–20

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2, т. 4.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. изд. 2, т. 19.

капиталистическими странами, обострились противоречия и конфликты между великими державами. Развитие монополистического капитализма усилило противоречия не только внутри стран — между пролетариатом и буржуазией, но и в мировом масштабе — между промышленно развитыми и неразвитыми странами. Пролетариат и широкие трудящиеся массы отставших в экономическом и культурном отношении стран испытывали не только гнёт эксплуататоров своей собственной страны, но и гнёт буржуазии развитых капиталистических государств.

В результате некоторые отсталые в экономическом и культурном отношении страны стали узловым пунктом противоречий всей мировой капиталистической системы, и в них могла возникнуть революционная ситуация. Поэтому В. И. Ленин на основе анализа всё более ясно проявлявшегося закона неравномерности экономического и политического развития капитализма сделал вывод о том, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране»⁴.

Любой человек, любое политическое течение или классовая политическая партия не может творить революцию, опираясь только на свою «волю». Октябрьская революция не была навязана России Лениным и другими революционными вождями пролетариата, а явилась результатом развития в ней внутренних противоречий капитализма. Перед Октябрьской революцией реакционный гнёт господствующих классов России, исключительное усиление внутренних политических противоречий, обострение противоречий между империалистическими державами, взрыв Первой мировой войны создали в стране революционную ситуацию, о которой В. И. Ленин сказал: «Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого и когда *«верхи» не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить»⁵.

В результате именно в России, этом «слабом звене» мировой системы капиталистического господства, произошла и победила социалистическая революция.

Люди, которые говорят об измене Ленина идеям марксизма, о совместной победе социализма в развитых капиталистических странах, не только отвергают сам путь Октябрьской революции, но и делают это, чтобы отвергнуть

начинающие возрождаться идеи мирового социализма, отвергнуть осуществляемое нами великое дело социализма с китайской спецификой и распространить пропагандируемый ими демократический социализм.

В период «горбачёвской» перестройки Октябрьская революция стала объектом централизованного нападения исторических нигилистов. И в тогдашнем СССР, и в научных кругах нашей страны появились люди, которые стали пропагандировать случайность Октябрьской революции, её несоответствие законам исторического развития. Некоторые посчитали, что цена насилия в революции была очень велика, намного превышала достигнутые позитивные результаты. Появились даже утверждения о том, что Октябрьская социалистическая революция хуже Февральской, а Февральская революция уступает реформам премьер-министра Столыпина.

Каковы же факты на самом деле?

Реформы Столыпина, начавшиеся в 1906 году, преследовали цель в политическом отношении заменить феодальный монархический строй конституционным монархическим режимом, а в экономическом отношении заменить капиталистической собственностью собственность на землю феодальной аристократии и крупных помещиков, создать в деревне класс кулаков. Её принципиальная цель состояла в спасении интересов пришедшей в упадок крепостническо-дворцовой клики. Она могла способствовать лишь дальнейшему сохранению и укреплению интересов крупных помещиков, а также кулаков, что ещё больше обострило бы социальные противоречия. Поэтому в 1911 году Столыпин был убит в результате покушения, и его реформы были прекращены.

В феврале 1917 года буржуазно-демократическая революция свергла феодальный самодержавный строй. Главной движущей силой революции был рабочий класс. После революции возникло «двоевластие»: существовали и временное буржуазное правительство, и Советы рабочих и солдатских депутатов. Поскольку большинство в последних принадлежало социальным слоям — меньшевикам и социалистам-революционерам (эсерам), — политическая власть оказалась в руках буржуазии. Буржуазное временное правительство не смогло и не хотело удовлетворить самые насущные желания

⁴ В. И. Ленин. Собр. соч., т. 26.

⁵ В. И. Ленин. Собр. соч., т. 41.

широких народных масс: дать им мир и землю, и поэтому было «выброшено за борт».

Если бы после Февральской революции в России был создан конституционно-монархический строй и ответственный кабинет министров, в ней не смогло бы произойти самостоятельного развития капитализма, так как экономическое развитие России намного отставало от передовых капиталистических стран, а в мире уже закончился раздел колоний. Поэтому Россия могла стать лишь зависимой страной развитых капиталистических государств, а широкие народные массы должны были по-прежнему жить в условиях бедности и эксплуатации.

В. И. Ленин, с головой уйдя в изучение особенностей экономики и политики империализма, выдвинул «теорию победы социалистической революции в одной стране»,

по которой социализм может первоначально победить в слабом звене капиталистического мира, в нескольких или даже одной капиталистической стране. Этим он развил и обогатил марксизм. Именно направляемая этой научной теорией с учётом реальной ситуации в России Октябрьская революция и одержала победу. Поэтому Октябрьская революция никоим образом не является случайностью: это была социалистическая революция, которой были присущи глубокая историческая неизбежность и целесообразность. Она открыла новую эру в истории человечества, благодаря ей появилась первая государственная власть, руководимая неэксплуататорскими классами. По выдающемуся значению её нельзя сравнивать со столыпинской реформой и Февральской революцией. Сама природа Октябрьской

революции, в особенности известные всему миру достижения Советского Союза, а также его роль примера в деле мирового социализма красноречиво подтверждают это.

Некоторые люди нападают на Октябрьскую революцию за то, что в её ходе пришлось заплатить «тяжёлую цену»: мол, с позиции гуманизма её цена намного выше любых её достижений. В связи с этим в 2007 году в преддверии 90-й годовщины Октябрьской революции 17 представителей российской интеллигенции опубликовали открытое заявление, в котором говорили: «Не являясь сторонниками насилия, мы сознаём его неизбежность на определённой стадии исторического развития, связанного с наличием классовых и национальных антагонизмов. Да, революции во многом сопряжены с насилием, которое, например, наглядно проявилось в буржуазных революциях Нидерландов, Англии, Франции и т.д. Как известно, отказ от рабства в Америке сопровождался самой кровопролитной в XIX веке гражданской войной. В России закат феодализма также сопровождался вой-

нами и революциями». В Заявлении далее указывалось: «При этом подобные явления были вызваны к жизни не кознями политических интриганов, а кризисом предыдущей системы и невозможностью решить застарелые проблемы эволюционным путём»⁶.

Социальная практика — единственный критерий проверки истины. Практика уже подтвердила, что путь Октябрьской революции был правильным. Царская Россия была чрезвычайно отсталой аграрной страной, а социалистический Советский Союз быстро осуществил индустриализацию, коллективизацию, развил науку и культуру; во время Второй мировой войны он стал главной силой, разгромившей фашизм и спасшей европейскую цивилизацию, помог народам Востока разгромить японский милитаризм, вдохновлял и поддерживал социалистическое движение во всём мире, антиколониальное движение и все силы, боровшиеся за прогресс человечества. С 1950 по 1975 год национальное производство в Советском Союзе ежегодно росло в среднем на 4,8%, а в США

⁶ Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М. URSS. 2008.

в тот же период — только на 3,3%. Предпосылкой экономического развития было осуществление максимальной социальной справедливости.

Социалистический строй является совершенно новым строем в истории человечества. Поэтому на пути его познания и поисков неизбежны поражения и даже ошибки. Ленин говорил: «Мы совершили огромное количество глупостей, но наши глупости «дважды два — пять», но когда наши противники делают глупости, то у них выходит «дважды два — стеариновая свечка»^{7,8}».

Мы признаём ошибки КПСС, но в мире нет партий и мудрецов, которые бы не совершали ошибок. Мы против полного отрицания Сталина, но признаём, что сам Сталин и во времена Сталина были совершены глупости в стиле «дважды два — пять».

Совершённое группировкой Горбачёва — глупость в стиле «дважды два — стеариновая свечка». Их глупость — предательство коренных интересов народа; по своему характеру она совершенно отличается от ошибок Сталина. Коренная причина гибели КПСС и Советского государства связана не с Октябрьской революцией, а с тем, что начиная с Хрущёва и вплоть до Горбачёва осуществлялась измена марксизму, социализму и коренным интересам народных масс. С распада Советского Союза в 1991 году и до конца XX столетия общая стоимость производства в России по сравнению с 1990 годом упала на 52%, в то время как в период Отечественной войны, с 1941 по 1945 год, — только на 22%. Промышленное производство упало на 64,5%, производство сельхозпродукции — на 60,4%, произошла девальвация рубля, цены выросли в несколько тысяч раз. Распад СССР принёс громадные бедствия мировому социалистическому движению: из пятнадцати социалистических государств десять изменили свой характер или исчезли, и мировой социализм вступил в период небывалого спада.

Когда проводятся эксперименты в естественных науках, то появление новых вещей и явлений люди обычно сопровождают криками восторга. Первая электрическая лампа горела чуть больше 10 секунд, первый самолёт летал всего лишь одну минуту. Социалистический

Советский Союз просуществовал целых 74 года. Из-за его распада нельзя осуждать Октябрьскую революцию, которая открыла человечеству путь его новейшей истории.

ЧЕРЕЗ КЛЕВЕТУ И АТАКУ НА В.И. ЛЕНИНА НЕ УДАТСЯ ОТВЕРГНУТЬ ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

После Второй мировой началась холодная война. Центральное разведывательное управление США с воодушевлением выделяло средства для создания специального «Гарвардского проекта», цель которого состояла в разрушении сложившихся у советского народа чувств по отношению к В.И. Ленину, а также к И.В. Сталину⁹.

Когда к власти пришла группировка Н.С. Хрущёва, атаке подвергся Сталин, а при М.С. Горбачёве целью атак враждебных сил внутри и вне страны стал Ленин. Было сфабриковано множество измышлений, и их многократно «продавали». Одним из них было утверждение, что «Ленин является немецким шпионом». Стали утверждать, что Октябрьская революция была величайшим заговором, государственным переворотом, совершённым находившейся в Западной Европе горсткой заговорщиков и авантюристов, которых организовали и подстрекали немецкий шпион Ленин и «англо-американский» агент Троцкий. Отвечавший во времена Горбачёва за идеологическую работу А.Н. Яковлев заявил: «Октябрьская революция была акцией немецкого генерального штаба. Ленин в марте 1915 года получил 2 млн немецких марок, чтобы вести подрывную работу». Вплоть до 2009 г. в «Истории России XX века» под редакцией А.Б. Зубова, придерживающегося антисоветской, антикоммунистической позиции, подобные измышления приводились в качестве фактов¹⁰. Время от времени они появлялись и в Китае — в неофициальных изданиях.

Прежде всего, В.И. Ленин вернулся на родину отнюдь не по указанию немецкого правительства, а по решению ЦК партии большевиков. В изданной Госполитиздатом книге «Воспоминания о Ленине» его жены Н.К. Крупской говорится следующее: «В конце марта 1917 года

⁷ В.И. Ленин. Собр. соч., т. 45.

⁸ Биография Мао Цзэдуна в хронологической последовательности (1893-1949) т. 1. Мао Цзэдун няньпу, изд. Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2013 (на кит. яз.).

⁹ А.Б. Зубов (ред.). История России XX века (1894-1997). Изд. АСТ, 2008.

¹⁰ Там же.

ЦК через Ганецкого прислал телеграмму, где говорилось, что «Ульянов (Ленин) должен тотчас же приехать»¹¹. Это — неопровержимое доказательство.

Перед возвращением В.И. Ленин согласился на некоторые условия немецкого правительства, но это не означает, что он стал немецким шпионом. Тогда шла Первая мировая война, Германия и Россия воевали друг с другом. Немецкое правительство, разрешив проезд через Германию Ленину и ещё более 40 человекам, выдвинуло два условия: первое — развернуть в России «агитацию против войны»; второе — возвращавшиеся должны были добиваться освобождения одинакового количества интернированных австрийских или немецких военнопленных.

Однако выступление против войны всегда было стратегией и тактикой большевистской партии. В.И. Ленин и организаторы партии уже давно считали, что идёт несправедливая война, которую империалистические государства ведут между собой за гегемонию, и что она может принести народам России и Германии только страдания. Поэтому исходный пункт и цель «агитации против войны» у большевистской партии и немецкого правительства были различными.

Что касается «добиваться освобождения военнопленных», то в Соглашении двух сторон говорилось лишь о том, чтобы «добиваться освобождения», но отнюдь не о том, что это необходимо сделать.

Поэтому с тактической точки зрения оба эти условия можно было полностью принять.

Наконец, весь процесс переговоров и подписания Соглашения, а также условия пересечения границы были совершенно прозрачными. Свидетельством этого являлось совместное подписание Соглашения социал-демократами Швейцарии, Швеции, Польши, Франции, Германии, Норвегии. Во время нашего визита в Россию известный российский историк Рой Медведев сказал нам: «Ленин не брал деньги от немецкого правительства, это давно уже известный исторический факт, в кругах западных историков, в США, Франции есть специальные работы, доказывающие этот факт».

Распространяемая ложь, приготовленная со всей тщательностью, часто опирается на так называемые «доказательства». Каковы же существуют доказательства того, что «Ленин являлся немецким шпионом»?

Накануне Октябрьской революции Временное правительство арестовало ряд главных руководителей большевистской партии. Ряд газет, находившихся в услужении Временного правительства, стал всячески сгущать краски; так возникла ложь о том, что «Ленин является немецким шпионом». Ленин был чрезвычайно разгневан в связи с этим и хотел лично явиться в суд, чтобы разоблачить клевету. Однако в целях обеспечения безопасности вождя Центральный комитет партии большевиков категорически возразил против явки Ленина в суд и распорядился, чтобы он скрывался в местности рядом с финской границей и оттуда руководил подготовкой Октябрьской революции. Именно здесь Ленин написал знаменитую работу «Государство и революция».

Сразу после Октябрьской революции были сфабрикованы «документы Сиссона»¹² как главное доказательство того, что большевики продались за немецкое золото, чтобы выдать ордер на арест «немецкого шпиона» Ленина. Впоследствии известные российские и зарубежные историки провели большое количество детальных исследований этих «документов». Все исследователи: известные российские учёные Соболев и Старцев, настроенный антисоветски и антикоммунистически американский дипломат Джордж Кеннан и другие, — пришли к заключению, что этот документ от начала и до конца является фальшивкой (к примеру, некоторые его ключевые части, якобы принадлежащие немецкой разведке, напечатаны на машинке со старым русским шрифтом, т.е. сфабрикованы в России).

Опубликованное двумя изданиями в 2009 и 2012 гг. официальное учебное пособие «История России. 1900–1945» отвергло ложь о том, что «Ленин был немецким шпионом»¹³. Очевидно, что «эта ложь является выдуманным мифом, распространявшимся буржуазным Временным правительством и некоторыми реакционными газетами», «Ленин не совершал каких-либо действий, позорящих его имя»¹⁴.

¹¹ Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1989.

¹² История России. 1900–1945. Изд. Просвещение. М. 2009, 2012.

¹³ Там же.

¹⁴ У Эньюань. Правда о некоторых важных дискуссионных вопросах истории Советского Союза (Сулянь лиши ды цизг чжэньлунь цаодяньды чжэнсян). Изд. Шэкэ вэньсянь чубаньшэ. Пекин, 2013 (на кит. яз.).

РАЗМЫШЛЕНИЯ В РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СО ВСЕЙ СИЛОЙ ПОДТВЕРЖДАЮТ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С 1999 года в канун дня рождения В. И. Ленина в России уже в течение многих лет проводится опрос общественного мнения о его исторической роли. Результаты показывают, что её оценка стабильно повышается. В 1995 году в дни празднования 50-й годовщины победы в Великой Отечественной войне в рядах демонстрантов появились портреты И. В. Сталина.

В 2011 году, в двадцатую годовщину распада СССР, «Российская газета» опросила 254 человека из различных кругов общества. В 90% ответов на вопрос: «Что у Вас возникает в памяти, когда Вы говорите о Советском Союзе? Что Вы вспоминаете прежде всего, когда Вы видите сокращённое слово “СССР”?» — присутствовали восхваление и тёплые воспоминания. 64-летний пенсионер заявил: «Закрываю глаза и не смотрю на сегодняшнюю ситуацию, а с гордостью вспоминаю прошлое». 54-летняя экономист

сказала: «В то время я не боялась одна ночью ходить по улицам. Каждый человек был моим другом». 51-летний пенсионер отметил: «Тогда было мало таких счастливых, миролюбивых, добрых и человеческих государств. Оно подобно птице, которая улетела от нас, чтобы искать человека, который не продаётся».

Более 90% отвечавших на вопрос: «Какие изменения произошли в жизни людей в Содружестве Независимых Государств? Какие из них для Вас самые важные?» — чувствуют сожаление и горечь. 20-летний студент говорит: «Потеряна уверенность в будущем, все живут сегодняшним днём». 52-летняя бухгалтер отмечает: «Сегодня уже не используют патриотизм для воспитания молодёжи, деньги стали любимым божеством». 24-летний служащий подчёркивает: «В России издавна существовало слово «совет», которое заменили на заимствованный извне «демократический строй». В результате Россия уже не первое и не второе, ничего не осталось». 43-летний служащий говорит: «Я ничего не сделал, чтобы избежать предательства нашей страны, очень сожалею об этом».

В марте 2011 года была проведена оценка заслуг и ошибок десяти руководителей России XX века: последнего императора Николая II, премьер-министра Керенского, Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачёва, Ельцина, Медведева, Путина. Оценка проводилась по десяти критериям, связанным с их пребыванием у власти: общая обстановка в стране, численность населения, уровень жизни граждан, мощь государства, военная мощь, а также влияние в мире, включая идеологическое. В.И. Ленин, И.В. Сталин и В.В. Путин были оценены положительно, поставлены на первые места, а М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин заслужили отрицательную оценку по 9 критериям и заняли последние места.

Эмигрировавший в США и внесший большой вклад в распад СССР нобелевский лауреат А.И. Солженицын, вернувшись на родину и увидев трагическую картину ужасных условий жизни населения и развала экономики, испытал раскаяние. Он признал, что при написании

«Архипелага ГУЛАГ» число репрессированных было указано им неправильно: по его словам, часто преувеличено число взятых под стражу, ибо неизвестны данные архивов. Солженицын с глубоким сожалением признал: «Я нанёс ущерб своей Родине».

Президент В.В. Путин для описания распада СССР использовал слово «катастрофа». Он чётко выступает против исторического нигилизма, заявляя, что отрицание истории может привести к забвению предков. 25 января 2016 г. В.В. Путин во время интервью сказал, что по-прежнему хранит билет члена КПСС и что ему нравятся идеи социализма и коммунизма.

15 мая 2009 г. российский президент Дмитрий Медведев подписал Указ № 549 о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Было решено вести борьбу против тёмных замыслов и коварных планов, направленных на искажение истории. После этого был прояснён целый ряд исторических вопросов.

Так, в опубликованной издательством «Промсвещение» книге «История России (1900–1945)» написано, что Октябрьская революция заслуживает того, чтобы назвать её «великой русской революцией», по своему значению она намного превосходит революцию национального характера.

Во время моего посещения России в 2003 году мы с академиком М.Л. Титаренко беседовали всю ночь напролёт. Он искренне и с болью сказал: «Никто другой не отправил Советский Союз в морг, это сделали мы сами, советские люди; заплатив трагическую цену за собственную катастрофу, мы, россияне, должны стать Иисусом Христом и, обратившись к алтарю, заявить, что «демократизация» и «приватизация» являются тупиком, ведут к гибели. У западных держав отсутствуют добрые побуждения, нации других государств ни в коем случае не должны повторять наших ошибок». Эти слова бьют не в бровь, а в глаз.

Великий вождь китайского народа Мао Цзэдун ещё 1 декабря 1920 года в письме Цай Хэсэну и Сяо Цзышэну дал полностью положительную оценку Октябрьской революции: «Я смотрю на революцию русского образца, в каком бы критическом положении она ни находилась, у неё был план на случай непредвиденных обстоятельств, если были более лучшие методы, она не отбрасывала их, чтобы использовать. Она просто прибегала к методу насилия. В истории были или самодержцы, или империалисты, или милитаристы, они не дожидались, чтобы их кто-нибудь сверг или же сами решили закончить со своим правлением... Что касается абсолютного либерализма, анархизма, а также демократизма — они хорошо звучат в теории, но практически бесполезны»¹⁵.

30 июня 1949 года, накануне рождения нового Китая, Мао Цзэдун, обобщив 28-летний успешный опыт китайской революции в своей знаменитой статье «О демократической диктатуре народа», указал: «Китайцы нашли марксизм через русских. Перед Октябрьской революцией китайцы не знали Ленина, Сталина, а также Маркса и Энгельса, орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла передовой интеллигенции всего мира

и Китая превратить мировоззрение пролетариата в орудие изучения судьбы страны, нового осмысления собственных вопросов. Идти по пути русских — таков был вывод»¹⁶.

Вклад Октябрьской революции в мировую цивилизацию, в том числе в китайскую революцию, бессмертен. Коммунистическая партия Китая и китайский народ всегда будут помнить, что без руководства марксизма-ленинизма наша страна, возможно, по-прежнему блуждала бы в многострадальном старом Китае.

Несколько поколений китайских руководителей большое внимание уделяли извлечению трагических уроков из опыта других партий. Когда в 50-х гг. XX века Хрущёв полностью отверг Сталина, Мао Цзэдун проницательно много раз предупреждал, что это может привести СССР и советский народ к катастрофе. Генеральный секретарь Си Цзиньпин много раз использовал фразу «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм» и много раз напоминал, что КПК должна усвоить трагические уроки гибели КПСС и советского государства.

95 лет назад В.И. Ленин в статье, посвящённой 4-й годовщине Октябрьской революции, указал: она «начала новую эпоху всемирной истории», «чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России». Он подчеркнул: «Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца — вопрос несущественный. Существенно то, что лёд сломан, что путь открыт, дорога показана»¹⁷.

История убедительно подтверждает: Октябрьская революция открыла новую эру во всемирной истории, она — словно художественное полотно: чем дальше от нас, тем больше она вызывает благоговение, тем больше чувствуешь её величие.

Твёрдо отстаивая идеалы марксизма-ленинизма и коммунизма, идеи социализма с китайской спецификой, следуя по пути Октябрьской революции, необходимо неуклонно продвигать вперёд дело социализма с китайской спецификой, вносить вклад в совместное построение новой и более зрелой формы человеческой цивилизации.

¹⁵ Биография Мао Цзэдуна в хронологической последовательности (1893-1949), т. 1. Мао Цзэдун няньпу, изд. Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2013 (на кит. яз.).

¹⁶ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Мао Цзэдун сюаньцзи. Т. 4, с. 1470–1471 (на кит. яз.).

¹⁷ В.И. Ленин. Собр. соч., т. 44.

/ Андрей ОСТРОВСКИЙ /

Октябрьская революция и Китай

天津市革命工人代表会议筹备处

Сто лет назад в России произошла Октябрьская революция. Недавно в Пекине состоялся XIX съезд Коммунистической партии Китая (КПК). Между этими двумя событиями, отдалёнными между

собой во времени и в пространстве, существует прямая и весьма глубокая связь.

Если бы не Октябрьская революция в России, судьба Китая, да и всего мира, могла пойти совсем по другому

пути. Вряд ли раздираемые на части империалистическими хищниками и местными кланами, отсталостью, коррупцией и наркоманией остатки империи Цин получили бы шанс подойти к рубежу 2018 года в ста-

туса единого централизованного государства и «мастерской мира», космической и ракетно-ядерной державы с наибольшим населением и непрерывно растущей экономикой.

Еще в августе 1913 года будущий вождь Октябрьской революции публикует статью под названием «Отсталая Европа и передовая Азия», в которой характеризует Китайскую революцию 1912 года как начало пробуждения империалистических колоний: «Кто не знает, что Европа — передовая, Азия же отстала? Но в словах, взятых для заглавия настоящей статьи, есть горькая правда... В Азии везде растёт, ширится и крепнет могучее демократическое движение... Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни миллионов людей*. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию!.. А «передовая» Европа? Она грабит Китай и помогает врагам демократии, врагам свободы в Китае!.. Новый китайский заём заключён *против* китайской демократии: «Европа» за Юань Ши-кай, готовящего военную диктатуру. Почему она за него? По случаю выгодного дельца. Заём заключён на сумму около 250 миллионов рублей по курсу 84 за 100. Это значит: буржуа «Европы» *платят* китайцам 210 млн; а с публики они берут 225 млн рублей. Вот вам сразу, в несколько недель чистая прибыль в *15 миллионов рублей*!.. А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика, и большинство в парламенте *против* займа? О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве»! Тогда она двинет *пушки* и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юань Ши-каем! Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия *в союзе* со всеми силами реакции и средневековья в Китае».

Так оно и было. Китай в начале XX века рассматривался импери-

листами Запада и Востока как законная добыча и жертва. По итогам Версальского договора 1919 года, завершившего Первую мировую войну, Китайская республика во главе с легендарным Сунь Ятсеном так и не получила гарантий своего национального суверенитета (бывшие германские концессии в провинции Шаньдун были переданы Японии). В результате на юге Китая начались студенческие демонстрации, первая из которых прошла 4 мая 1919 года в Пекине, а затем — и забастовки рабочих. В результате власти Китайской республики отказались от подписания Версальского договора.

Почти сразу же после того, как до Китая дошли известия о победе в России Октябрьской революции, от имени парламента Южного Китая в начале 1918 года было направлено поздравление рабоче-крестьянскому Советскому правительству.

Движение «4 мая» создало базу для образования Коммунистической партии Китая, I съезд которой открылся 1 июня 1921 г. в Шанхае. Однако для продолжения работы 13 его делегатам, в числе которых находился Мао Цзэдун, пришлось перебраться в городок Цзясин близ Шанхая, а заключительные заседания проходили в джонке на озере Наньху, где и было провозглашено создание новой партии — КПК, базирующейся на принципах марксизма и поставившей своими целями социалистическую революцию с установлением диктатуры пролетариата и дальнейшим построением социалистического общества. Был избран руководящий орган КПК — Временное центральное бюро, куда вошли трое: Чэнь Дусю (секретарь), Чжан Готао (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропагандистскую работу). К концу того же 1921 года относится встреча Сунь Ятсена с представителем Коминтерна, нидерландским коммунистом и основателем Коммунистической партии Индонезии Хенком Сневлитом, сыгравшим важную роль и в создании КПК.

Через год на II съезде КПК было принято решение о вступлении в Коминтерн, функционирование КПК поддерживалось средствами Коминтерна (фактически — Советским Союзом). Было принято решение об участии КПК в Гоминьдане, согласно которому допускалось параллельное индивидуальное членство коммунистов в Гоминьдане при сохранении идейной, политической и организационной независимости КПК.

В 1923 г. КПК решила создать революционный единый фронт и помочь Сунь Ятсену реорганизовать Гоминьдан. В течение ряда последующих лет Коминтерн делал главную ставку не на КПК, а на Гоминьдан, представитель которого Чан Кайши во время визита с делегацией в Советскую Россию выступил с левых позиций на заседании президиума исполкома Коминтерна, что вызвало одобрение и доверие у руководства Коминтерна.

По приглашению Сунь Ятсена и правительства революционного Гоминьдана СССР в апреле 1924 года направил для создания военной школы делегацию под руководством генерала Павла Павлова, куда вошли 50 военных советников. Военная школа Вампу (Хуанпу) сыграла огромную роль в становлении новой китайской армии, поскольку давала не только военные, но и политические знания. КПК для работы в военной школе Хуанпу направила вернувшегося из Франции Чжоу Эньлая, который возглавил её политический отдел.

Однако после смерти Сунь Ятсена противоречия между КПК и Гоминьданом стали обостряться. 30 мая 1925 г. расправа над участниками демонстрации в Шанхае привела к тому, что КПК хотела выйти из Гоминьдана, однако это предложение генерального секретаря Чэнь Дусю тогда не было поддержано ВКП (б) и Коминтерном.

Дальнейшие действия КПК определялись на основе резолюции исполнительного комитета Коминтерна

на (ИККИ) «По вопросу о положении в Китае» от 1926 года. В ней практически не учитывалась китайская специфика: наличие в стране огромных масс крестьянства и почти полное отсутствие рабочего класса. В этих условиях установки на завоевание гегемонии пролетариата, аграрную революцию и некапиталистическую перспективу развития Китая выглядели утопией.

В апреле 1927 г., после успеха Северного похода, новый глава Гоминьдана Чан Кайши совершил контрреволюционный переворот, организовав расправу над революционерами, в том числе — коммунистами. КПК ушла в подполье, где в апреле-мае 1927 г. состоялся её V съезд. В августе 1927 г. под руководством Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Хэ Луна, Е Тина и Лю Бочэна в Наньчане было организовано вооружённое восстание. КПК взяла курс на аграрную революцию и организацию новых вооружённых восстаний. В сентябре 1927 г. на границе провинций Хунань и Цзянси под руководством Мао Цзэдуна было организовано восстание «осеннего урожая» и сформирована Красная армия, которая создала там революционную базу Цзинганшань. Против этой базы Гоминьдан предпринял три военных похода.

В то время как Гоминьдан боролся против КПК, в 1931 г. Япония захватила Северо-Восточный Китай, создав на оккупированной её войсками территории марионеточное государство Маньчжоу-го, не признанное Лигой Наций. В это время Чан Кайши уже при поддержке советников из Германии предпринял новую кампанию по окружению и подавлению Центральной революционной базы в Цзянси. В октябре 1934 г. Красная армия была вынуждена оставить Цзянси и совершить Великий поход длиной 12500 км по суровым в климатическом отношении районам страны, преследуемая противником по пятам. В результате численность Красной армии сократилась с 300 до 30 тыс., а КПК — с 300 до 40 тыс. человек. В январе 1935 г. КПК провела в Цзун

ньи (провинция Гуйчжоу) расширенное совещание политбюро ЦК КПК, на котором Мао Цзэдун впервые возглавил КПК и Красную армию Китая. В октябре 1935 г. Красная армия вышла в Северо-Западный Китай и создала там опорную революционную базу Шэньси-Ганьсу-Нинся со столицей в Яньане.

Поворотным пунктом в войне против Японии стали «сианьские события». В декабре 1936 г. Северо-Восточная армия под командованием Чжан Сюэляна и 17-я армия под командованием Ян Хучэна были направлены в Северо-Западный Китай, но под влиянием антияпонских настроений масс Чжан Сюэляна и Ян Хучэн приняли предложение КПК о едином антияпонском фронте и арестовали отказавшегося пойти на это Чан Кайши. В это время в Сиань прибыла делегация КПК во главе с Чжоу Эньлаем для проведения переговоров для урегулирования инцидента, в результате чего Чан Кайши был освобождён и вернулся в Нанкин. Так начался второй период сотрудничества между Гоминьданом и КПК, где примиряющим обе стороны фактором стала необходимость противостоять японской агрессии.

Летом 1937 г. японские войска предприняли военное вторжение во внутренние районы Китая. КПК выступила за единый антияпонский фронт, при этом Гоминьдан обеспечивал военные операции на основных фронтах, а КПК организовывала партизанские действия. Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма закончилась только в августе 1945 г., когда Советский Союз разгромил вооружённые силы Японии на территории Китая.

Несмотря на подписанное в Чунцине в октябре 1945 г. соглашение между КПК и Гоминьданом о предотвращении гражданской войны, в июле 1946 г. Гоминьдан при поддержке США и их союзников, начал военные действия против коммунистов, закрепившихся на севере страны и получавших всестороннюю

помощь от Советского Союза. КПК удалось привлечь на свою сторону крестьян благодаря лозунгу «каждому пахарю — своё поле», который неуклонно реализовывался на всех подконтрольных коммунистам территориях. Кроме того, на стороне КПК наряду с рабочими и крестьянами выступила средняя и мелкая буржуазия. Всё это, несмотря на поддержку со стороны США, Великобритании и Франции, ускорило политический и экономический крах Гоминьдана на территории континентального Китая. К концу 1949 г. под контроль правительства провозглашённой 1 октября 1949 г. в Пекине Китайской народной республики и его Народно-освободительной армии (НОАК) перешёл весь континентальный Китай за исключением Тибета, а Чан Кайши и его приспешники бежали на Тайвань, куда были перенесены все структуры власти Китайской Республики.

Советский Союз официально признал Китайскую Народную Республику на следующий день после её провозглашения и неизменно оказывал её правительству поддержку и помощь. Социально-экономические преобразования в КНР осуществлялись в основном по советскому образцу. В результате аграрной реформы было распределено более 46 млн га бывшей помещичьей земли, что привлекло на сторону КПК огромные массы безземельного и малоземельного крестьянства. В первые годы после образования КНР (1949—1952 гг.) основной задачей было восстановление разрушенного многолетними и непрерывными военными действиями народного хозяйства страны. В КНР была проведена национализация основных средств производства путём конфискации всего имущества компрадорской буржуазии (бюрократического капитала) и ликвидации в стране господства иностранного капитала. На базе имущества, конфискованного у бюрократического капитала, а также бывших предприятий японского капитала и предприятий, которыми

战无不胜的马克思列宁主义、毛泽东思想万岁!

владели военные преступники, был сформирован государственный сектор экономики.

Для осуществления генеральной линии КПК — опять-таки по советскому образцу и при помощи советских специалистов — был разработан первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР на 1953—1957 гг. При помощи СССР в Китае за эти годы было построено 156 крупных промышленных предприятий и множество других важнейших народнохозяйственных объектов, ставших фундаментом китайской экономики.

После XX съезда КПСС с «секретным» докладом Н. С. Хрущёва о сталинском «культе личности» дальнейшие исторические пути СССР и КНР на долгие годы разошлись, причём каждая из стран за эти годы испытала на своём пути немалые потрясения, а отношения между ними несколько раз оказывались на грани масштабной войны.

Однако после смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопину и его сторонникам удалось быстро консолидировать политическую власть в стране и завершить период «великих потрясений», отмеченных «большим скачком» и «культурной революцией». Огромную роль сыграли здесь достигнутые в конце 60-х — начале 70-х годов закрытые договорённости между США и КНР, в результате которых с октября 1971 года КНР была принята в ООН и заняла там место Китайской Республики — на правах постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом вето. Новая роль КНР как ещё одного союзника США в холодной войне против Советского Союза способствовала быстрому развитию китайской экономики, в «особые зоны» которой, к дешёвой энергии и еще более дешёвой рабочей силе, пошли мощные потоки западных инвестиций и технологий, что проходило в рамках принятого XII съездом КПК (сентябрь 1982 г.)

курса на «строительство социализма с китайской спецификой».

Сегодня, спустя 35 лет, результаты этого курса можно признать сверхуспешными: Китай вернул себе утраченное им после «опиумных войн» середины XIX века положение «первой экономики мира», добился для своего полуторамиллиардного населения уровня жизни выше среднемирового, продолжает динамичное развитие буквально во всех сферах жизни современного общества, а кое-где становится уже признанным лидером и успешно решает все связанные с этим проблемы.

Завершившийся недавно XIX съезд КПК подтвердил, что китайская компартия продолжает дело, начатое Октябрьской революцией 1917 года в России. Китай усвоил и творчески переработал весь опыт Советского Союза, его достижения и неудачи, чтобы строить успешную, современную и эффективную модель социалистического общества.

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Сложный Октябрь

НЕДОЛГИЙ СОВЕТСКИЙ ТРИУМФ

Октябрьская революция поражает своей двуклостью, в ней причудливым образом сочетались западничество и славянофильство. Большевики отвергли западную демократию во имя самобытных Советов, что и обеспечило их грандиозный успех. И в 1905-м, и в 1917 годах в основании Советов находилось представительство от предприятий. Здесь советский «парламентаризм» существенно отличался от парламентаризма «классического», западного, основанного на представительстве от партий и «общегражданских» территориальных округов.

Сторонники Советов, конечно, сами того не желая, сходились с монархистами, жёстко критикующими западный парламентаризм. Так, Л. А. Тихомиров, бывший народник, ставший убеждённым монархистом, жёстко критиковал систему «общегражданских округов». По его мнению, представительство должно было формироваться от социально-профессиональных обществ. Именно от них и нужно проводить выборы в истинную «Народную Думу». А работать она должна была на непостоянной основе, иначе представители оторвутся от своих социальных общин.

Что ж, большевики примерно так и сделали. В Конституции 1918 года было чётко прописано, что «основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)». На низовом уровне выборы в Совет происходили от предприятий, воинских частей и сельских общин. Потом уже выстраивалась система вышестоящих Советов и их съездов. Венчал же её Всероссийский съезд и Всероссийский центральный исполнительный комитет. Причём Совет народных комиссаров (правительство) считался всего лишь отделом ВЦИК. Более того, все парторганизации большевиков зависели от советских финансов. То есть на первых порах советское государство было

действительно советским и весьма самобытным, по крайней мере, в сравнении с западными «демократиями».

И не случайно, что за Советы крепко ухватилось русское общинное крестьянство. Правда, сделало оно это не сразу, а по старинной традиции, после некоторого размышления. Кстати, либеральное Временное правительство пыталось соблазнить крестьян бессловными «общегражданскими» земствами. Однако самому крестьянству подобные безликие учреждения были не нужны. А вот Советы им пришлось по нраву — сельские жители увидели в них новое издание столь привычных и родных крестьянских сходов (последние часто назывались именно «совета́ми»).

И крестьянство ухватилось за советскую организацию крепкой хваткой. До Октября 1917 года в губерниях Центральной России Советы имелись лишь в 16 волостях (из 1001). Но уже в марте следующего года они существовали в 965 волостях (96%). Тем самым русское крестьянство доказало, что оно не является какой-то аморфной массой, но представляет собой совокупность организованных общин, обладающих социальной и политической субъектностью. На первых порах крестьянские Советы (как и подавляющее большинство всех крестьян) относились к правительству большевиков довольно лояльно. Однако самих партийцев эта лояльность устраивала всё меньше. Дело в том, что большинство крестьянских депутатов не принадлежали ни к одной из партий. Сам принцип партийности, экспортированный с Запада, казался им глубоко чуждым, в отличие от самобытной советской организации, продолжавшей, на новом уровне, традицию сходов.

«В МОСКВУ, В МОСКВУ!»

Большевики весьма жёстко переломили западническую тенденцию, во многом именно заставив передать власть Советам, порвать с традицией западной демократии. И в этом

проявилось их своеобразное славянофильство. Сам Ильич поднимался до патристического пафоса, когда подчёркивал значение Советов и роль России в утверждении новой формы государственности, альтернативной западной демократии: *«Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передаётся вся государственная власть. Вот почему, как ни клеветают на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово “совет” стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся. И вот почему советская власть, каковы бы ни были преследования сторонников коммунизма в разных странах, неминуемо, неизбежно и в недалёком будущем победит во всём мире».* («Что такое советская власть»)

«Клеветают на Россию»... Такие слова были бы более уместными в устах какого-нибудь монархиста-консерватора, однако, как видим, их вполне мог употреблять и такой интернационалист, как Ленин. Кстати, весьма любопытно, что, придя к власти, Владимир Ильич неоднократно и жесточайшим образом критиковал «демократию вообще», которая была (да и продолжает быть) фетишем либералов всех мастей. В январе 1918 года (месяц, в который была разогнана Учредилка) он бичевал демократию так, что этому могли бы позавидовать многие «крайние» монархисты: *«Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Демократия — формальный парламентаризм, а на деле — беспрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнёт буржуазии над трудовым народом... В ответ на обвинение нас в том, что мы*

боремся против “социалистов”, мы можем сказать только, что в эпоху парламентаризма эти сторонники последнего больше уже ничего общего с социализмом не имеют, а загнили, устарели, отстали и перешили, в конце концов, на сторону буржуазии. “Социалисты”, которые кричали во время войны, вызванной империалистскими побуждениями международных грабителей, о “защите родины”, — это не социалисты, а прихвостни, прихлебатели буржуазии. Те, кто так много говорит о диктатуре демократии, — те бросают только бессмысленные, нелепые фразы, в которых нет ни экономического знания, ни политического понимания». («Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров на III Всероссийском Съезде Советов»)

Либеральная публика всех мастей (от кадетов до «умеренных социалистов») обрушилась на Ленина и большевиков за «монархизм». По мнению либералов, свергнутая монархия как бы реинкарнировалась в «комиссародержавие». Например, эсеровская газета «Друг народа» опубликовала воображаемую беседу Государя с Лениным, в которой последний был подан как «Николай III». А вот «хохма» из сатирического журнала «Бич»: «Б. царь упражняется в старом своём занятии — пишет без конца: «прочёл с удовольствием». Этой подписью испещрены поля всех газет, особенно «Правды»...». В оппозиционной прессе печатался «манифест» Государя, в котором он призывал голосовать за партию большевиков. (Любопытную подборку подобной сатиры привёл А.А. Майнсуриан в книге «Другой Ленин».)

Такое понимание большевизма было характерно и для просоветски настроенных масс. Весьма любопытную и показательную беседу описывает в своём петербургском дневнике З.Н. Гиппиус: «1917, ноября 18. Сегодня в <Петропавловской> крепости <И.И.> Манухин <деятель Красного Креста> при комиссаре-большевике Подвойском разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:

«А мы уж Царя хотим. Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали?

За четвёртый (большевицкий). Так как же?..

А так. Надоело уже всё это...

Солдат невинно подтвердил:

Конечно, мы Царя хотим...

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться, — солдат вдруг удивился с прежней невинностью:

А я думал, вы это одобрите».

Любопытно, что в ряде случаев красная пропаганда была основана на таком монархо-советизме. Так, один из вождей красных партизан Сибири Щетинкин выпускал «провокационные» воззвания, в которых ссылался на «волю» великого князя Николая Николаевича: «Пора покончить с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным, продолжавшими дело предателя Керенского... Во Владивосток приехал уже Великий Князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над Русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака. Призываю всех православных людей к оружию. За Царя и Советскую власть». Очевидно, что такие вот призывы находили весьма благоприятную почву. Многие действительно готовы были увидеть «в комиссарах — дурь самодержавья» (М.А. Волошин).

Переезд в Москву великолепно соответствовал этому парадоксальному, на первый взгляд, «монархо-советизму». Возвращая Руси её допетровскую столицу, большевики бессознательно воспроизвели архетипы Московского царства. И эта парадоксальность, конечно, не могла не поражать самих большевиков, особенно тех из них, кто был далёк от русской почвы. Вот что писал Л. Д. Троцкий: «Со своей средневековой стеной и бесчисленными золотёными куполами, Кремль, в качестве крепости революционной диктатуры, казался совершеннейшим парадоксом... Я не раз поглядывал искоса на царь-пушку и царь-колокол. Тяжёлое московское

варварство глядело из бреши колокола и из жерла пушки. Принц Гамлет повторил бы на этом месте: “порвалась связь времён, зачем же я связать её рождён”». («Моя жизнь»)

А вот что писала меньшевистская газета «Новая жизнь»: «Что такое Москва? — провинциальный город с двухмиллионным населением, живущий своей жизнью, куда явятся тысячи пришельцев из Петрограда, чтобы править не только Москвой, но и всей Россией... Всякий, кто знает Москву, с трудом представит себе сочетание Тверской и народного комиссара Троцкого, Спасских ворот, где снимают шапки, и Зиновьева, московское купечество и мещанство, насквозь пропитанное истинно русским духом, и интернационалистический Ц. И. К. Что из этого выйдет, скоро увидим».

Здесь происходила какая-то мистика. Переезд в Москву и разрывал «связь времён», и соединял их, бессознательно апеллируя к Московской Руси с её «антидемократическим» самодержавием и земским (советским!) самоуправлением. Сам Ленин, судя по всему, чувствовал всю мистичность происходящего — несмотря на свой рационалистически-атеистический склад ума. «Пролетарский поэт» Демьян Бедный вспоминает: «Все мы, переехавшие тогда из Петрограда в Москву, как-то сначала остро ощущали разлуку с этим городом, остро и даже болезненно, я насел на Владимира Ильича, как это мы покинули Петроград. А он мне на все мои вздохи и охи... прищуривши так один глаз, говорил всего одно слово:

— Москва...

И он мне так раз десять говорил:

— Москва... Москва... Москва...

Но всё с разными интонациями.

И к концу речи я тоже начал ощущать, а ведь, в самом деле, — Москва!».

Перенос сначала был встречен в штыки практически всем большевистским руководством, хотя в его пользу приводился «убойный» прагматический довод — город действительно находился в опасной близости от враждебных стран. Особенно на-

стойчиво сопротивлялся переезду Г. Е. Зиновьев, который в недалёком будущем станет председателем Коминтерна и одним из самых ярких проводников левацко-интернационалистической линии. Большевики упорно держались за «питерскую» идентичность, но в который раз Ленин сумел убедить всех в своей правоте.

Сам переезд мог бы стать сюжетом для многих приключенческих и детективных фильмов. Это было опасное путешествие: перенос столицы вообще пробуждает социально-политические стихии, обрекая его участников на роль эпических героев, участвующих в опасном путешествии. Было сделано всё для того, чтобы засекретить передвижение состава с Лениным и другими руководителями. (Распускался даже слух о том, что столицу переносят не в Москву, а в Нижний Новгород.) И тем не менее участники переезда столкнулись с реальной опасностью. На станции Малая Вишера (160 км от Петрограда)

их поезд попытались захватить великолепно вооружённые анархисты. Однако комиссар железнодорожного узла мобилизовал всех подчинённых на оборону поезда, а охранявшие его латышские стрелки выкатили пулемёты на платформу. Нападавшие были деморализованы и позволили себя разоружить.

В Москве центральные власти ждали без особого восторга, мягко говоря. И никакой торжественной встречи им не организовали. Во-первых, там уже был свой Московский областной совнарком, претендующий на роль как минимум автономного правительства. В подчинении МОСНК входили 14 губерний Центральной России, то есть его власть распространялась далеко за пределы Москвы и её окрестностей. Во-вторых, московское руководство стояло на платформе «левых коммунистов», к которым принадлежали такие виднейшие большевики, как Ф. Э. Дзержинский и Н. И. Бухарин. «Левые» выступали

за ускоренную коммунистическую реорганизацию, в частности — за немедленную отмену денег. При этом они настаивали на децентрализации управления и категорически отрицали возможность сотрудничества с «буржуазными специалистами».

В Москве Ленин немедленно начинает схватку за массы, отбивая их у «левых». Историк Д. О. Чураков пишет: «11 марта 1918 г. поезд с членами Советского правительства прибывает в Москву. На следующий день Ленин осматривает Кремль и помещения, в которых предстояло разместить Советское правительство. По его распоряжению над Кремлём поднимается Красное знамя Советской России. Москва становится столицей русского государства. В этот же день, несмотря на трудный переезд и заботы по устройству правительства на новом месте, Ленин сразу же начинает выступать на митингах с разъяснением своей позиции по Брестскому миру. О размахе предпринятых

Лениным усилий свидетельствует, например, масштаб организуемых с его участием пропагандистских мероприятий. Только на одном из первых митингов, состоявшемся в манеже бывшего Александровского училища, присутствовало не менее 10 тысяч человек». («Эхо Брестского затишья. К вопросу о III кризисе советского правительства»)

Ленину удалось победить «левых коммунистов», хотя сам МОСНК он смог распустить только летом 1918 года. И это была очень важная победа. Красные «государственники» поставили заслон наиболее космополитическим и нигилистическим силам в партии большевиков. А кроме того, удар был нанесён по удельным сепаратистам, которые подняли голову не только на национальных «окраинах», но и в самой Великороссии. И здесь опять-таки был реализован старомосковский архетип.

В ПЛЕНУ ПАРТИЙНОСТИ

Однако при всём при том большевики так и не смогли изжить своего западничества, которое было следствием вестернизации всех российских элит — консервативных, либеральных и социалистических. Над Советами была поставлена Партия — сугубо западный институт. Тем самым, как представлялось большевикам, оптимизировалось государственное управление, что было особенно важным в условиях нарастающих социально-политических противоречий, вылившихся в Гражданскую войну. И конечно, это дало мобилизующий эффект. Но в то же самое время становление партийной диктатуры указанные противоречия усиливало, причём не только по линии «элиты-массы». Глубокий раскол стал пролегать уже в самих массах.

Наиболее острая ситуация сложилась на селе, хотя произошло это не сразу. Поначалу центральная власть не только не подавляла местные крестьянские общества, но, напротив, всячески побуждала их крепить самоуправление — конечно, на советской основе. «В многочисленных воззваниях и обращениях к населению большевистские лидеры постоянно подчёркивали: «Советы — это организация полной свободы народа», «Учиться управлять надо всему народу», «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством!», «Ваши Советы — отныне органы государственной власти», — пишет историк В. М. Андреев. А Совнарком в своём обращении 15 ноября 1917 г. почти умолял рабочих и крестьян: «Не ожидайте, товарищи, предписаний сверху, сами берите власть в свои руки, сами осуществляйте свою власть». («Поли-

тическая трансформация крестьянских Советов в 1918 году»)

Именно эта беспартийность Советов, соответствовавшая природе русской соборности, и не устраивала большевиков, чья партия стала претендовать на роль монополюющей силы, безраздельно главенствующей в обществе. Такая эволюция была вполне логичной. Дело в том, что наличие общенациональной политической структуры предполагает и наличие мощного, разветвлённого аппарата. Это «малые пространства» — разнообразные общины — могут позволить себе обойтись без него. Причём оптимальная модель взаимодействия здесь предполагает горизонтальную, сетевую кооперацию. Но партия — это аналог госбюрократии, тем более что уже с 1918 года она стала усиленно срачиваться со столь же стремительно укреплявшимся новым партийным аппаратом. Партийно-государственная бюрократия становилась мощной олигархией, претендовавшей на контроль над всеми ресурсами.

Вот, например, отчёт секретаря Степашинской сельской коммунки (Московская губерния) на Волоколамской партийной конференции: «Ячейка была создана в июле 1918 года для реорганизации Совета, так как население деревни кулацкое, с которым надо бороться... Сейчас Советы на полной высоте. В Совете все коммунисты». В том же духе выдержан и отчёт бронницких (та же губерния) партийцев: «Принимаются все меры к удалению из волостных Советов беспартийного элемента и замены их коммунистами». Технологии тут были незамысловатыми: «При перевыборах волсоветов под руководством волячек из 16 в семи волостях проведены свои люди, в других прошли 1—2 коммуниста, а в остальных сочувствующие... негодный элемент по предложению волячек из волсоветов выкидывается, и кооптируются коммунисты».

Параллельно большевики насаждали в деревнях печально известные комбеды, опиравшиеся на самый низовой элемент. В определённый

момент Ленин даже надеялся поменять ими советскую организацию. Так, на совещании комбедов центральных губерний он заявил: «Мы сольём комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами». Ленин утверждал: «Крестьянам нужны не права на землю, им нужны Советы батрацких депутатов».

И здесь, как это ни покажется парадоксальным, вождя большевиков Ленина нужно поставить на одну доску с П. А. Столыпиным. Обе эти вроде бы полярные фигуры проводили один и тот же курс, направленный на раскол сельского мира. Если Ленин выступал за диктатуру бедняков, то Столыпин ратовал за диктатуру кулаков. Большинство крестьян отрицательно относились к выходу из общины, резонно полагая, что это нарушает её право на собственность. Практика осуществления реформы показала, что крестьянство, в своей массе, было настроено против выдела из общины. Вольно-экономическое общество провело, выражаясь по-современному, социологический опрос, в ходе которого 89% опрошенных земледельцев выразили своё отрицательное отношение к столыпинским затеям.

Но вестернизаторам, как это очень часто у нас бывает, не было дела до мнения большинства. Тогдашняя бюрократия во многих случаях выгоняла крестьян из общины насильно. Чиновники запугивали сельские сходы, земские начальники отменяли решения самих сходов, полиция заставляла их участников давать согласие на высылку противников выдела. Но даже и эти меры привели к тому, что из общины вышло всего 22%. Из них половина разорилась, будучи не в состоянии хозяйствовать в одиночку, без общинной помощи. И эти разорившиеся пополнили ряды сельской и городской бедноты. Понятно, что отношение к вышедшим по своей воле у крестьян было резко негативным — им портили жизнь как могли. Держались они лишь на «штыках». А после Февраля 1917 года в общину

моментально вернулись все вышедшие из неё крестьяне.

Тут надо отметить, что крестьяне отвергали столыпинщину ещё и потому, что считали землю действительно общей — потому как Божьей. И это никакая не славянофильско-народническая выдумка, об этом свидетельствуют многие факты. «Все природные богатства считались даром Божиим, который не может находиться в чьей-либо личной собственности, — пишет историк С. Н. Тутолмин. — С. Т. Семёнов передаёт свой разговор с мужиками по поводу воровства помещичьего леса: «Он не чужой, а Божий, — говорили мне. — Хлеб с поля грех брать, потому его сеяли, над ним трудились, а над лесом кто трудился?.. Так думало большинство, уверенное, что на его стороне правда». Эти ментальные установки должны были оправдать стремление крестьян к захвату помещичьих земель. Любопытно, что и в 1917 г. эти убеждения не претерпели изменения. На первом крестьянском съезде в Кургане, проходившем 8–9 апреля 1917 г., крестьяне рассуждали буквально следующее: *«Бог сотворил человека, землю, воздух, воду. Есть и такие предметы, которые творит человек, — пусть же эти предметы ему и принадлежат. Те же предметы, которые сотворены Богом, не могут принадлежать одному лицу. Таким предметом является земля. Стоимость всякого предмета определяется суммой затраченного на него труда. Стоимость земли определить нельзя — никто в неё не вкладывал ни денег, ни труда, тем не менее земля сделалась предметом торга»* («Русские крестьяне и власть в канун 1917 года»).

Между прочим, именно эти взгляды нашли своё отражение в «Законе о социализации земли», принятом 27 января (9 февраля) 1918 года. Там декларировался отказ от любой собственности на землю, сама же она объявлялась общенародным достоянием. (Правда, уже через год большевики дали этому сугубо этатистскую трактовку, но тут уже отдельная история.) Вообще это

принцип христианского, православного социализма. Всё есть творение Божье, и является собственностью одного лишь Творца. Община же есть конкретное социальное выражение данного принципа. Здесь всё есть собственность всех (и никого отдельно), однако что-то может и должно находиться именно в пользовании отдельных лиц и семей (диалектическое сочетание общего и частного, целого и части). Отсюда и воля русских крестьян к земле в плане пользования.

Столыпин и Ленин своими западными экспериментами раскололи русский сельский мир, который мог бы (за исключением ростовщиков и люмпенов) выступать как единое, органическое, соборное целое. (Стоит вспомнить, что К. Маркс считал русскую общину базовой ячейкой русского социализма, как и артель.) При этом, что характерно, ни тот, ни другой либералами не являлись. Столыпин был приверженцем самодержавия, Ленин — «комиссародержавия». Тем не менее оба они были пронизаны западными влияниями, что следует считать результатом всеобщей вестернизации. Ставка на меньшинство в ущерб большинству — сугубо западное явление, в корне противоречащее русской соборности. И крестьянство решительно отвергло диктатуру меньшинства, встретив комбеды в штыки. В конечном итоге большевики вынуждены были их ликвидировать, провозгласив смычку с середняком. Однако осадок, как говорится, остался, по русской общине был нанесён мощный удар.

В конечном итоге западная партийность победила русскую советскость. Партийно-государственные структуры подмяли под себя как Советы, так и рабочие организации (фабзавкомы, профсоюзы и т.д.). В самих Советах главенствовали исполкомы, а иногда и просто отдельные их члены. Произошла своеобразная «вертикальная централизация», в результате которой отделы исполкомов переставали подчиняться Советам и создавали свою ведомственную иерархию. Коммунисты постоянно

наращивали своё присутствие в Советах, вытесняя оттуда другие социалистические течения. Велась плотная «работа» с беспартийными, которые проходили через жёсткий отборочный партийный фильтр. А бывало и так, что за беспартийных выдавали вполне себе партийных большевиков.

При этом надо отметить, что оппозиционные социалистические партии, жёстко критиковавшие большевиков, сами навязывали рабочим всё ту же партийность. В июле 1918 года в Москве прошёл рабочий съезд, который намечался не только как антибольшевистский, но и беспартийный, по преимуществу выражающий интересы внепартийного большинства. Однако получилась очередная партийная лавочка: «Всего удалось установить партийную принадлежность 27 участников съезда, партийную принадлежность ещё четверых точно определить не удалось (из них двое — предположительно социал-демократы), — сообщает Д. О. Чураков. — Из тех, чья партийность установлена, больше всего, как и следовало ожидать, оказалось меньшевиков — 21 человек. Эсеры имели на съезде 6 представителей, Бунд — трёх, Латвийская социал-демократическая партия и Единая рабочая партия — по одному представителю. Ни одного большевика, левого эсера или анархиста на съезде не было. Беспартийными из участников съезда с полной уверенностью можно назвать лишь пятерых». («Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России»)

РОССИЙСКИЙ ЯНУС

Октябрьская революция продемонстрировала двойственность, которая была отражением состояния российского общества. Последнее, с одной стороны, отвергало классический западный путь развития, а с другой — было подвергнуто мощной вестернизации. Ленин и большевики удержали Россию от пути в пропасть западной демократии, чьи технологии просто не работают у нас в стране и чьё вне-

дрение чревато распадом. Кроме того, они провозгласили Советскую власть, представив народу самобытную организацию, восходящую своими корнями к вечевым собраниям, земским советам, казачьим кругам и т.д.

Парадокс, но это сделали не правые консерваторы-монархисты, постоянно рассуждающие о самобытности, а «левые» интернационалисты. (Впрочем, история любит парадоксы.) Советской власти, по большому счёту, так и не было, была партократия, которая всё же зависела во многом от народа — в силу своих идеологических установок и деятельности отдельных функционеров типа И. В. Сталина. Номенклатура превратилась в олигархию, которая претендовала на монопольное распоряжение ресурсами. И, как всякая олигархия, она в итоге склонилась именно к капитализму — строю, наиболее пригодному для элитария. Предательство СССР закладывалось у самых его истоков.

Большевистский Октябрь был слишком буржуазным, хотя и выступал под антикапиталистическими лозунгами. В конечном итоге он завершился созданием госкапиталистического СССР, в котором роль коллективного капиталиста выполняла бюрократия. Этому Октябрю противостоял Октябрь народнический — левоэсеровский, эсеровско-максималистский и анархистский. При этом оба Октября были едины против праволиберального Февраля (кадетско-белогвардейского) и Февраля леволиберального (меньшевики, правые эсеры). То есть существовал, если так можно выразиться, как бы объединённый Октябрь, внутри которого боролись две тенденции — государственно-капиталистическая (полусоциалистическая) и народно-социалистическая (общинная). Последняя была ближе к народной стихии, но у неё был и свой огромный минус — недооценка значения государственно-политических механизмов.

По сути, данные тенденции выражали два мощных начала русской

жизни — государственное и общинное. Эти два начала и переплетаются друг с другом, и противостоят друг другу, причём порой очень сложно отличить, где кончается одно и начинается другое. Победило начало государственное, что было обусловлено реалиями воюющей (с 1914 года) страны: война требует сильного государства.

Общинное начало было жёстко включено в государственную ткань, оказав на неё определённое влияние. Оно, в частности, выразилось в феномене бюрократического патернализма, который искренне заботится о людях, конечно, понимая эту заботу по-своему. Это существенно отличается от бюрократизма, рассматривающего всё внешнее лишь как объект рационализации и оптимизации. Тем не менее данный патернализм сочетался с госкапитализмом, что и вылилось в установление классического капитализма с сильными элементами бюрократи-

ческого полукапитализма (или полу-социализма).

Государственное начало в России всегда более западное, не случайно государство так жёстко проводило различные вестернизации. Это обусловлено тем, что государство всегда теснее общается с другими государствами, нежели народ. А русское государство теснейшим образом (в том числе и в военном плане) общалось с государствами Запада, часто превосходившими его в технико-экономическом плане. Отсюда и «облучённость» многими западными смыслами.

Большевики, как и большинство русских идейно-политических «функционеров» («активистов»), были западниками, но их радикализм побуждал жёстко критиковать классический капитализм и обращаться к западным же его критикам. Они взяли на вооружение экономический этатизм Маркса, в результате чего ими был построен западни-

ческий, во многом, госкапитализм, в то же время сильно отличающийся от классической западной модели. Здесь западничество и совпадало с Западом, и одновременно отталкивалось от него. Сам этатизм большевиков побуждал их внедрять в России западные технологии, рационализированные и упрощённые. Так ими насаждалась сугубо западная партийность, но в формате однопартийности.

Усилению «красного этатизма» способствовала мощь русской государственной традиции. Сама же она «парадоксальным» образом и западная, и анти (не) западная, ибо русское государство, незападное по сути, но теснейшим образом взаимодействует с Западом. И это придаёт всему русскому историческому процессу мощную специфику, требующую тщательного исследования. Перед нами некий метаполитический Янус, пронизанный разными уровнями, смыслами и тенденциями.

/ Валерий КОРОВИН /

Русская революция: идеализм против модерна

История нашего государства минувших ста лет стала наглядной демонстрацией того утверждения, что не существует никакой «объективной мерки», — как любили выражаться советские авторы¹, — в оценке исторического развития. И наше отношение к событиям так называемой «Русской революции» 1917 года в различные периоды является явным свидетельством того, что нет и не может быть никакой единой для всех объективной истории. От абсолютного восхищения и даже некоторого «обожевствления» Октября, от нейтрально-положительных оценок предшествующего ему Февраля мы скакнули к полному неприятию, отрицанию и даже открытой неприязни: кто Октябрьских, кто Февральских событий этого рокового для России года. Всё это лишний раз подтверждает гипотезу о том, что история — это всегда интерпретации и оценки, совершенно различное восприятие и оценка одних и тех же событий; что нет также и никакого непредвзятого исторического «факта». Ведь само понятие *факт* — от латинского *facio*: делать, совершать, из чего и происходит *factum*, — есть некое свершившееся деяние, некое *делание*, которое само по себе является субъективной категорией, так как любое делание совершается кем-то, тем, кто *сделал*. В некоторых языках, например во французском, это понятие вообще определяется как *изложение обстоятельств дела*². От того, кто излагает исторические события, во многом зависит отношение общества к этим событиям. Не менее важен контекст, в котором происходило это событие: кто делал, какие мысли у него были, какие цели он преследовал в тот момент и чего

на самом деле он добился? А дальше — как это оценили его современники, и как это оценили спустя годы или даже столетия его потомки. Всё это заставляет склоняться к той версии, что история — это всё же интерпретация, и разные эпохи оценивают одни и те же события по-разному.

Линейный взгляд на историю, вытекающий из прогрессистского подхода в целом, видит развитие человеческой истории от тёмных времён к «просвещённым», от худшей жизни к лучшей — правда, только исключительно в материалистическом измерении.

Традиционалистский взгляд видит историю человечества обратным образом, как движение от *Золотого века*, от всей полноты знания и приближённости к Богу — к апостасии и вырождению, отклонению от традиции, когда Творец и творение отчуждаются друг от друга. Традиция ставит в основу Дух, а не материю, а состояние человечества оценивает по тому, какую роль Дух играет на том или ином этапе.

Эти два линейных подхода к оценке истории, во всём противоречащие друг другу, порождают миф, возникший в стане прогрессистов, о противостоянии материально-технического прогресса и *Традиции*. Возник он именно по той причине, что *прогрессизм*, как парадигма, — всецело строится на отрицании *Традиции*³.

Сегодня, когда тоталитарное давление прогрессизма отмирает, уходя в небытие вместе с парадигмой модерна, его породившей, а Традиция возвращается на своё законное место, мы имеем возможность непредвзятой оценки исторических событий, применяя для их оценки как оба метода по отдельности, так и сочетая их.

Взять, например, события революции 1917 года. В советской истории их оценка носила исключительно положительный характер: Февраль оценивался положительно, т. к. он был этапом к Октябрьской революции. Октябрь — ещё более положительно, т. к. он установил власть марксистов-большевиков, переведя общество к следующей с точки зрения марксизма исторической формации. В либеральный период развития нашего общества и государства всё это: и Февраль, и Октябрь — оценивалось исключительно отрицательно, как негативное явление, не вдаваясь в детали о том, что февраль-то как раз был революцией либеральной. Но тот, *русский либерализм*, что был в начале XX столетия, и нынешний западнический либерализм — это, как говорится, «две большие разницы».

Сегодня же мы свободны рассуждать об этих событиях вне рамок как марксистского, так и либерального парадигмального подхода, потому что мы, с точки зрения линейного восприятия истории модерном, *преодолели* и тот, и другой периоды. Однако можно пойти ещё дальше и вообще выйти за рамки модерна, который, как утверждают некоторые философы, в принципе завершился как историческая парадигма. А собственно, и Февральская, и Октябрьская революции были порождены именно модернистским порывом элит, которые следовали за развитием западного общества. Которое, в свою очередь, установило модерн в качестве базовой парадигмы, с его безусловным позитивизмом, прогрессизмом и материализмом — исключительно западного цивилизационного опыта.

¹ Рубцов А., Разумов А. Политическое завещание В.И. Ленина. // М.: Московский рабочий, 1989. С. 10.

² Подробнее см. Дугин А.Г. История — это всегда субъективная интерпретация. // Электронный ресурс — <https://www.youtube.com/watch?v=eTeCZO5hA1I>

³ Термин «Традиция» мы понимаем в смысле сверхчеловеческого знания, данного людям в период их изначального райского состояния и передаваемого из поколения в поколение через структуру сакральных институтов, в частности религии. Подробнее см. работы Р. Генона, Ю. Эволи, Ф. Шуона и др. (Александр Дугин «Конец пролетарской эры». // Советская литература, № 1, 1991.)

ВЕЯНИЯ ИЗ ЕВРОПЫ

Те события, которые происходили в России в 1917 году, были во многом калькой с тех событий, которые происходили в Европе. Но там они имели более протяжённую историческую реализацию. Например, в Европе распад традиционных империй и становление буржуазных государств занял порядка двух-трёх столетий, с Вестфальской системы 1648 года, с момента прекращения Тридцатилетней войны до финального распада империй Европы в результате Первой мировой войны. То есть процессы социально-политической модернизации Европы, переход её от традиционного общества к парадигме модерна занял века. У нас же это прошло несколько скомканно, спешно уложено в несколько месяцев, поэтому и дало такие неустойчивые результаты.

В итоге модерн всерьёз не закрепился ни в нашем обществе, ни в нашем государстве, ни в нашем сознании. За одно столетие мы проскакали всё то, на что Запад положил несколько веков, да ещё и нарушив всякую линейную последовательность. Именно поэтому модерн для нас так и не стал абсолютной ценностью, как в Европе и на Западе в целом, завершившись вместе с модерном на Западе, одновременно будучи так и не реализованным до логического конца. В результате мы свободны мыслить, оценивая итоги «русской революции», не в материалистических и позитивистских категориях, а используя категории метафизические. Именно метафизика и русский идеализм, русский эсхатологизм стали факторами, которые сделали революцию 1917 года успешной, ибо народы России как раз не мыслили в категориях модерна, вообще ничего об этом не знали, не изучали европейские философские позитивистские концепции, а искали правды и справедливости.

Русский народ, представляющий собой основу российской государственности, — народ-идеалист, по-

борник справедливости и правды. То же свойственно и большинству других народов России. И именно всё это они желали видеть в Русской революции, особенно в Октябре 1917 года, который очень ловко сыграл на чаяниях в основном русского консервативного, православного на тот момент большинства. И сегодня мы восстанавливаемся именно в таком качестве, как русское консервативное православное большинство. Поэтому-то и стоит смотреть на события минувшего столетия онтологически. И, конечно, оценочно — потому что мы, как субъекты истории, можем оценивать события только сквозь свою ценностную призму.

Для прикладных и созидательных выводов из истории Русской революции необходимо отбросить всё негативное, что было в ней с точки зрения как раз консервативного русского большинства, с точки зрения онтологии русского бытия. А всё негативное, как показала история столет, было связано как раз с концептом модерна, разрушавшего традиционные устои. У красных это была левая политическая составляющая: полное разрушение традиционного уклада, раскрепощение общества, его атомизация вслед за Западом, перевод в дискретное состояние, превращение в рассыпное множество. Эта левая политическая компонента, бьющая и по российской государственности, и по консервативной, сплочённой, общинной русской идентичности, стала фактором раздора, который лёг в основу последовавшей Гражданской войны. А вот *левая экономическая составляющая*, социализм — была воспринята позитивно, как движение к справедливому обществу равного доступа к материальным благам.

То же самое касается белой стороны. В ней совершенно гармоничным и естественным было стремление к сохранению традиции русского бытия, уклада, консервативных ценностей, православия, религии. И совершенно отторгалась массами правая экономическая составляю-

щая: рынок, абсолютизация частной собственности, несправедливость распределения, ориентация на Запад, чем грешила романовская элита в целом, двигавшаяся по пути модернизации вместе с вестернизацией, с заимствованием западной системы ценностей начиная с момента раскола русской церкви XVII века.

КАПЛЯ ЛИБЕРАЛИЗМА, УБИВШАЯ ЛОШАДЬ ИМПЕРИИ

Февральская революция была революцией буржуазной, революцией либеральной, но отношение к ней в советский период было нейтрально-положительным. Что, впрочем, вполне укладывалось в марксистскую логику. В соответствии с ней после феодального периода должен наступать буржуазный. После буржуазного — социалистический, а после социалистического — коммунистический. Это — линейный взгляд на историю, при котором каждый последующий период отменяет предыдущий, но без одного не может наступить другой. Смена же исторических формаций, одна за другой, — есть путь прогресса, развития, движения к лучшему обществу, и обратного движения быть не может. Поэтому с точки зрения марксизма Февраль вполне логично предвосхищал Октябрь. После романовского — феодального, в марксистских терминах, хотя, конечно, феодальным он не был, — периода Российской империи в результате Февральской революции наступил буржуазный период. Который, правда, длился всего несколько месяцев. Но ничего страшного, потому что, с одной стороны, формальная последовательность этапов была соблюдена, а с другой — хорошо, что длился он недолго, и сразу за ним последовала Социалистическая революция, после которой и наступил социалистический период, предстоящий завершающему историю коммунизму.

Но поскольку либерализм в целом крайне разрушителен для Рос-

сии, по онтологическим причинам, то Февраль и последовавший за ним буржуазный период действительно развалил Россию. Ибо даже капля либерализма разрушает российскую государственность, русскую цивилизацию, традицию, убивая «лошадь» Российской империи. Та самая капля либерализма, которую мы употребили в феврале 1917 года, нас действительно чуть не убила — дезинтегрировала страну, ввергла её в хаос, в междоусобицу, привела к распаду экономической системы. Что в результате Октября и преодолели большевики, получив в наследство от буржуазного периода разрушенную страну, раздираемую внутренними противоречиями, а также абсолютно недееспособную, не функционирующую, раздроблен-

ную систему власти. Останки романовской Империи были приведены в порядок, впрочем, не на основе марксистских принципов и «политического завещания» Ленина, но на совершенно иной основе, а именно — евразийской геополитики и имперской национал-большевистской сталинистской модели, ключ к которой, к сожалению, так и не был подобран его слабоумными последователями.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

Несмотря на то что большевики изначально идеологически опирались именно на прогрессизм, лежащий, в свою очередь, в основе марксизма, с точки зрения геополитики Ок-

тябрьская революция в своей реализации, безусловно, и это не подвергается никакому сомнению, стояла на евразийских позициях. Если использовать геополитические категории, то Октябрь выражал собой чаянья и некую квинтэссенцию развития *цивилизации суши*. В то время как оппоненты Октябрьской революции, в том числе и белое движение, опирающееся на элементы традиции и выступившее в дальнейшем в ходе Гражданской войны против Красного проекта, парадоксальным образом стояло на позициях геополитического атлантизма — поддерживалось Антантой, англичанами, американцами и другими атлантистскими силами. В этом смысле геополитический маркер стал решающим.

Конечно, партия большевиков, стоявшая за Октябрь, и Красный проект, реализуемый после, имели под собой континентальную геополитическую основу. И это в значительной степени сказалось на том, что Советский проект в дальнейшем реализовался именно как имперский и континентальный, в геополитических терминах, освободившись от космополитических вкраплений классического марксизма, интернационального по своей сути, и исторически представленных *троцкизмом*. Победивший же в ходе внутреннего политического противостояния *сталинизм* окончательно закрепил евразийский, континентальный и во многом имперский вектор развития, вычистив все остатки чистого марксизма, интернационализма и космополитизма, вытекавшие из классовой, а не геополитической логики.

МАРКСИЗМ VS НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ

Собственно, диссонанс практики геополитического и идеологии марксистского — то есть классового в своей основе — подходов и стал основной причиной падения коммунистической системы в постсталинский период. И здесь следует обратить особое внимание на гипотезу, которая заключается в том, что *Сталин не был марксистом*.

Формально, конечно, Сталин считался марксистом, так как институционально принадлежал к марксистской партии, возглавлял одну из её руководящих структур. Впоследствии он даже стал одним из главных теоретиков советского марксизма, написав ряд работ по данной тематике, развивая в них идеи т. н. «ленинизма» — версии марксизма, уже изряд-

но адаптированной под российские политические реалии.

Но изучать предмет и быть носителем изучаемых идей, разделять их и тем более исповедовать — это всё же разные вещи. Подлинные взгляды самого Сталина, его отношение к Октябрю, «ленинской гвардии», идеям самого Ленина, к его подходам к строительству Советского государства, изложенным в т. н. «политическом завещании», были, что достоверно обнаружено отстранённым взглядом на советскую историю, далеко не марксистскими. Напротив, всё, что выходило за рамки марксистской теории и переходило в разряд практики, имело прикладное значение — было либо совсем не марксистским, либо адаптированным настолько, что выявить в этом составляющие марксизма было очень сложно.

Но кем же был Сталин по своим взглядам, какие идеи он разделял внутренне, чему симпатизировал, что в конечном итоге реализовал? Глядя на историю советского периода, есть все основания заявлять о том, что идеологически, по своим взглядам, если подбирать точную формулировку всего комплекса реализованных идей, Сталин был *национал-большевиком*. Конечно, номинально он не отказывался от марксистской догматики и от марксистского учения в его ленинистском изложении. Но это было необходимо для сохранения преемственности политической власти, в конце концов для легитимации своего пребывания на вершине партийной иерархии в партии, созданной Лениным.

Сам Ленин, как известно, уже значительно адаптировал марксизм под российскую действительность — в частности, заменил пролетарский класс пролетарской партией, добавил к рабочим крестьян и сделал ставку на некий «бланкистский заговор», а не на массовое восстание, которое с точки зрения классического марксизма было невозможно без пролетарского класса. Это, конечно, издержки любой идеи, которая всегда искажается реальностью. Но Ленин сделал самое главное — открыл возможность творческого переосмысления марксизма, взятого не в качестве догмы, а в качестве живой идеи, применимой для идеологического конструирования в условиях имеющихся реалий.

Сталин пошёл ещё дальше, развивая уже идеи самого ленинизма, переосмысливая их и продолжая творчески конструировать идеологическую модель с учётом происходящих изменений, Сталин привёл их к национал-большевизму. К тому же именно Сталину пришлось реализовать на практике ленинский тезис о построении социализма в *отдельно взятой стране*, который уже сам

по себе категорически противоречит марксистским догмам, на что Сталину и указывал Троцкий. Ленин выдвинул его как один из теоретических тезисов, Сталин же реализовал его на практике, проводя соответствующие теоретические преобразования под поставленную задачу.

Для Сталина государство было ценностью. А марксизм видел только классы: класс труда и класс капитала, — он был интернационален и смотрел поверх границ национальных государств, не обращая внимания на государства в принципе, на национальные интересы, а оперировал только с понятием «класс». Обращаясь только к пролетариям — вне зависимости от того, в каком государстве они находились.

По факту Сталин реализовал не вполне марксистскую формулу, выраженную в синтезе левой, социалистической экономики, что, безусловно, было взято из марксизма и ленинизма, и правой политики, то есть политики государственнической, державной, ставящей в основу ценность государства, что совсем не является левым тезисом и противоречит классическому марксизму. Таким образом, Сталин на практике реализовал чаянья евразийцев, сменовеховцев и национал-большевиков, находившихся в тот момент в эмиграции и принявших Русскую революцию именно в сталинской версии. А не в ленинском, и тем более не в троцкистском изложении. При этом номинальная идеологическая модель и политическая логика заставили советскую систему расправиться с евразийцами и национал-большевиками в ходе операции «Трест», невзирая на то, что сам Сталин думал по поводу данных взглядов. Но это — уже издержки политической реализации.

Интересно в данной связи исследование такого автора, как Борис Илизаров, который анализирует личную библиотеку Сталина и обращает

внимание на то, что Сталин очень «активно» читал, делая большое количество подчёркиваний, выделений, записей на полях. Тексты книг, которые он прочитывал, были буквально испещрены пометами. В этом смысле интересен анализ личного сталинского экземпляра «Капитала» Карла Маркса. Там исчеркано и выделено только предисловие и послесловие, а середина абсолютно чистая, из чего автор делает вывод, что Маркса Сталин не прочёл, а прочёл лишь трактовки советских учёных.

Вот что пишет Илизаров в своей книге «Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К истории сталинизма»: «Человек «огромной теоретической мощи», как говорилось о Сталине в официальной биографии, так и не смог освоить целиком в течение всей своей длинной жизни главную книгу марксизма — «Капитал». <...> судя по пометам, есть веские основания полагать, что он так и не продвинулся в освоении этого труда далее нескольких, главным образом вводных и заключительных, разделов»⁴.

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

Таким образом, Сталин строил национал-большевистское государство, не отказываясь формально от марксизма и ленинизма. Но знал об этом только он один. Проблемы начались тогда, когда к власти пришла следующая генерация политиков. Развенчав «сталинизм», под которым, по сути, скрывался национал-большевизм, на основе которого и было создано советское государство, они не смогли с этим государством управиться. Вернувшись к ленинским принципам построения государства, они не сразу обнаружили полное несоответствие теоретических выкладок фактическому положению дел. Не мудрено,

⁴ Илизаров Б.С. Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, учёного. М.: АСТ, 2015. С. 119.

ведь Сталин полностью дезавуировал так называемое «Политическое завещание», то есть цикл статей Ленина, написанных незадолго до смерти и посвящённых государственному строительству. На это особо обращают внимание советские исследователи времён перестройки. Так, авторы брошюры, посвящённой политическому завещанию Ленина, изданной в 1989 году, в разгар перестройки, критикуют Сталина именно за то, что он уж слишком вольно перетолковал «политическое завещание». Основная идея исследования состоит в том, что, как считают авторы, Сталин брал какой-либо ленинский тезис, вырывал его из контекста и делал из него совершенно противоположный вывод.

Пришедшие на смену Сталину не понимали сути того государства, которое им досталось и которым они начали управлять, основываясь на принципах марксизма-ленинизма. Что и привело к расшатыванию всей государственной системы. В первую очередь — при Хрущёве, с его абсолютно вульгарным пониманием коммунистической идеи, в её исключительно доктринёрском, экономикоцентричном видении. Коммунизм, по Хрущёву, — это механическое складывание темпов роста экономики в прямую линию, идущую вперёд и вверх. Из чего делался вывод, что, когда подушевой советский ВВП, учитывая тенденцию, превысит американский, а это выпало на 1980 год, — тогда и наступит коммунизм. То есть материальная избыточность, по Хрущёву, и должна была стать точкой достижения коммунизма. После же 1980 года прогнозы были скорректированы, и далее говорилось только о скором создании материально-технической базы для построения коммунизма. Но после того как и эта задача была провалена, о построении коммунизма уже никто не вспоминал.

Причиной такого несоответствия результата заявленным целям видится то, что когда последователи Сталина взяли ленинские инструкции и стали по ним развивать советскую государственность, то сразу пошли серьёзные сбои. Просто потому, что государственность была построена на одних основах, а именно — на национал-большевистских принципах, но инструкция у новых руководителей была «от другого государства», которое при Сталине построено не было. Это была исключительно марксистско-ленинская инструкция, и всякий выпускник Института марксизма-ленинизма, выходя из его стен после окончания учёбы, испытывал состояние когнитивного диссонанса, когда сопоставлял теорию и действительность. Вот это состояние несоответствия сталинского государства марксистско-ленинским теоретическим выкладкам, которые якобы лежали в основе государственного строительства, и привело к расшатыванию системы при Хрущёве, к дисбалансу функционирования государственной машины, экономики, но в первую очередь — к движению в концептуальный тупик самой идеологической модели.

После смещения Хрущёва, который таким образом чуть не угробил государству к началу 1960-х, вся эта возникшая дисфункция была заморожена Брежневым ещё на 18 лет. Ну а дальше, после небольшого периода идеологических поисков, пришёл Горбачёв, который опять «вернулся к ленинским принципам». Многие помнят мантру горбачёвской перестройки: «Нужно вернуться к ленинским принципам». «Ленинское завещание» — это поистине тексты ключевого значения для понимания всего ленинского теоретико-политического наследия <...> того, что происходит сейчас. И даже того, что <...> никак не может произойти, несмотря на вполне искренние по-

пытки возвращения к «ленинским заветам», «ленинской линии», «ленинским нормам», — писали перестроечные авторы⁵.

Сама перестройка и была возвращением к «ленинским принципам», к политическому завещанию Ленина, что в конце концов окончательно угробило советскую государственность. Которая на самом деле не была марксистской, поэтому марксизм-ленинизм в нём «не работал», но была национал-большевистской, что отличалось ещё подлинным марксистом Троцким: «сталинизм — это предательство, термидорианское отрицание большевизма»⁶.

Если мы выбросим все позитивистские и прогрессистские факторы модерна из Красного проекта, а это политические компоненты, и так же отбросим негативные модернистские составляющие из проекта «белого», а это рыночная экономика, озападнивание нашего общества, — то у нас останется левая экономика, социалистические принципы справедливости и правая политика — ценность государства, общинность нашего сознания, консервативные и религиозные ценности. Всё это во многом было реализовано уже в сталинскую эпоху и описано в идеологии национал-большевизма евразийцами, сменовеховцами, Устряловым, Савицким, белой эмиграцией, находящейся в Европе, но принявшей в конце концов революцию именно в сталинской версии, распознав в новом советском государстве черты традиционной русской Империи.

Сегодня именно эта лево-правая (левая — экономически, правая — политически) идеологическая модель национал-большевизма может стать примиряющей в цивилизационном плане. Как и те традиционные консервативные ценности, которые были присущи нашему государству до революции и которые возрождаются сегодня.

⁵ Рубцов А., Разумов А. Политическое завещание В.И. Ленина. // М.: Московский рабочий, 1989. С. 8.

⁶ Указ. соч. С. 6.

ЕДИНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ

Сегодня у нас, безусловно, должна быть единая оценочная интерпретационная модель оценки событий Октября, которую мы выбираем в качестве базовой и основной для того, чтобы избежать именно идеологических оценок, что были свойственны XX столетию и привели к конфликту. И здесь следует обратить внимание на то, что именно модерн породил три политические теории — это либерализм, марксизм и фашизм. Все эти три идеологии являются конфликтными. Марксизм основан на конфликте двух классов: труда и капитала, — и он является идеологией уничтожения, то есть подавления одного класса другим; в основе либерализма лежит атомизированный индивид со своими корыстными, личными устремлениями к наживе и комфорту, и всех остальных он воспринимает конфликтно, как конкурентов; в основе фашизма лежит нация, или раса по Гумпловичу, которая должна доминировать, если мы говорим об идеологии национал-социализма, над другими народами, расами или государствами, отстаивая свои исторические ценностные интересы. То есть конфликтность заложена в трёх идеологиях модерна. И если мы принимаем в качестве гипотезы то, что модерн преодолен, то есть мы завершили этот конфликтный этап развития человеческой истории и перешли в новый этап — бесконфликтный, обобщающий, укрупнённый, то такой подход можно определить как цивилизационный.

Мы вошли в мир больших цивилизационных блоков, по крайней мере их становления. А значит, мы должны смотреть на свою историю в рамках всего её масштаба, в рамках тысячелетия. Смотреть на неё в рамках Евразийского континента, в центре которого лежит Россия — государство-цивилизация. Смотреть на неё глазами русского народа, или русского консервативного большинства и тех народов, которые

примкнули к нему для созидания этой континентальной цивилизации, с её устремлением к правде и справедливости.

Такая интерпретационная матрица и должна быть взята за основу оценки как всей нашей истории, так и столетнего периода русской революции. Тогда, безусловно, все эти конфликтные сценарии и модели, с помощью которых наше общество всё ещё можно погрузить в состояние внутреннего противоречия и хаоса, будут нивелированы, за-

тёрты, заретушированы масштабом нашего государства. Необъятностью нашей цивилизации, широтой наших взглядов, русского человека как «всечеловека», как его определял Достоевский, и всей русской истории как масштабного непрерываемого, связанного в эпохах процесса. Именно такой интегральный взгляд, единая бесконфликтная цивилизационная матрица нашей истории и должны стать основой нашего будущего, вынесенного из уроков прошлого.

/ Игорь ШУМЕЙКО /

Парадоксы революций и монархии

Сложно спорить с советскими историками, включавшими три русские революции: 1905 года, Февральскую и Октябрьскую, — в «единый революционный процесс». В каком-то (гегелевском) смысле и вся мировая история — единый процесс. Но своеобразие начала XX века — в том, что, имея безусловным ориентиром Великую французскую революцию, сделав «Марсельезу» своим главным гимном, три русские революции словно «дорастали» по масштабу и формату до «Великого образца».

Первая Революция 1905 года ещё во многом — русский бунт, *бессмысленный* и т.д. Сродни «Медному», «Соляному». «Военное измерение»: восстание на броненосце «Потемкин», крейсере «Очаков», в Свеаборге, — схожи с архетипом русского бунта — «Стрелецким». В общем, 1905 год ещё XVII век (*бунташный*).

Вторая, Февральская, революция во многих чертах заговор. Полагаю, Февраль-1917 весьма похож ещё и на ответ любителям модной ныне «альтернативной истории»: «*А если б восстание декабристов удалось*» Вот вам: удалось.

Только третья, Октябрьская, сквозь родовые черты российских бунтов, заговоров доросла до образца, формата Великой французской. Потому и стала фактором всемирной истории — в отличие от сугубо внутрироссийских потрясений первых двух.

Самая ненавистная из трех революций сегодня — Февральская. «Гнусный заговор, государственная измена накануне победы в Первой мировой войне».

Совсем не поклонник Николая II, я неоднократно поддерживал доводы антифевралистов в книгах, ТВ-дебатах, на конференциях. Одно моё развёрнутое интервью подверглось критике именно по пункту «накануне победы в Первой мировой войне»:

— Как — «почти выигранная»?! Столько поражений, немцы в феврале 1917-го стояли под Ригой, взяли Польшу, Литву, часть Украины, Белоруссии!

Пришлось, отвлекаясь от главной цели (сопоставления Февральской революции с «цветно-болотными»), объяснять:

— Немцы и капитулировали в ноябре 1918-го, стоя недалеко от Парижа (ближе чем к Питеру в начале 1917 г.), владея Бельгией, частью Франции... Одна из презираемых вами фактурных подробностей в том и состояла, что Антанта — это геополитические стайеры, их ресурсная база — весь мир. А «центральные державы» — спринтеры, их ресурсы — пол-Европы. Не-разгром в первый год уже

гарантировал победу стайерам. И Черчилль не врал, сравнивая Россию образца 1917 года с кораблём, прошедшим бурный океан и затонувшим у самого порта назначения.

Две трети 2017 года прошли в спорах: что случилось в 1917-м? Газеты, радио, телеканалы, отслеживая по неделям события, проводили диспуты по «Февральскому заговору», отречению царя, приезду Ленина, июльским событиям, августовской «корниловщине» и так далее...

Сегодня из всех точек зрения на русские революции, возможных версий самая громко озвученная — монархическая. Дошло до все-российской акции «Прости нас, государь!», постановки вопроса о восстановлении монархии в России. Идеализация Николая II дошла до небес и... полного тупика. Фокус, незамечаемый парадокс: *чем лучше царь — тем хуже народ*, его свергший или не поддерживавший. Продолжайте развивать эту линию — и вы, из сугубо патриотических побуждений (!), сведёте русский народ к... *иудеям, распявшим Христа*.

Юбилей дал допинг и популярной спортивно-исторической дисциплине: «Доказывание не-отречения Николая II».

Причем документальные, текстологические исследования, факты собраны самые добротные. Все варианты Манифеста об отречении изучены, привлечено внимание к казусам: подписи царя, барона Фридерикса сделаны карандашом, затем обведены чернилами!

Кем обведены?! Документа фактически нет!.. Отречения не было!..

Историк Мультиатули **прав**, аттестуя февралистов Родзянко, Гучкова etc. как негодяев и государственных преступников. Столь же достоверна версия: заговорщики хотели добиться отречения в пользу Алексея. Вокруг невинного царя-отрока страна сплотилась бы, как в 1613 году вокруг юного Михаила. Очень убедительно, даже возраст первого Романова и цесаревича Алексея почти совпадает. Но царь обманул их ожидания, отрекшись в пользу Михаила.

И *никто* из десятков участников дебатов 2017 года не задался простейшим вопросом! Если было не отречение, а подлое изменническое свержение, то почему Гучков, Алексеев, Рузский, Госдума... все «свергатели» обратились, в полном соответствии с Манифестом, «которого не было», — именно к Михаилу? Послушно исполнив волю царя Николая.

Понимаете, факт свержения предполагает лишение власти, права распоряжаться. Можно

«отречься в пользу кого-то», но «свергнуться в пользу...» Юридический, смысловой абсурд.

«Свергатели», с планом возведения Алексея, якобы применили в какой-то форме насилие над царем, НО... едут не в Царское к Алексею, а — строго по воле царя — к Михаилу. Одна эта картина обесмысливает «дискурсы» 2017 года.

Насчет Родзянковского и Николаевского вариантов Манифеста, карандашных подписей, тех действительно несолидных бумажек... — абсолютно согласен с обвинениями нынешних монархистов. Только замечу странную схожесть рисунка Судьбы.

Беловежские соглашения были обсуждены в пьяной бане, записаны в предбаннике, размножены *на факсе* (!), подписаны на *термобумаге*, на какой в ларьках чеки выдают. (Кстати, заглянуть бы: термобумага за 26 лет вряд ли сохранила те строчки.) И много еще было документированных дикостей, беловежских «неправомочностей». Значит:

Карандашная подпись, март-1917: «Отречения царя не было»!

Факсовые копии, декабрь-1991: «Распада СССР не было»!

О, сколько нам открытий... Карл XII и Мамай — не подписали Протоколов о результатах соответственно Полтавы и Куликова.

Сегодняшняя «Игра в Царя» превращает конкретного Николая Романова: монарха, а затем частное лицо — в нечто бесформенное, растяжимое под любые нужды. «Прицелкнуть» кого-то сегодня? Если либералов — достают куклу в короне: «Смотрите! Это *они* его свергли в феврале 1917-го!» Если коммунистов — уже без короны, в скромной гимнастёрке: «Смотрите! Это *они* его расстреляли в 1918-м!»

Эта «Игра» обесмысливает и столетие советско-российской истории, когда события, вплоть до Победы 1945 года, рассматривают сквозь «очки 17.07.1918»: что там еще эти царевубийцы вытворили? Какую-то войну выиграли? Лишь бы замести следы! Отвлечь внимание от Главного События, уйти от ответственности!

Вспомним недавнее 400-летие дома Романовых. Весь 2013 год Александру Федоровну и Николая обсуждали примерно как... Аллу Пугачёву и Максима Галкина. С той же интенсивностью (и на том же уровне).

На обложку моей книги 2013 года о причинах гибели Империи издательство (очень солидное) поставило картинки: всё то же несчастное семейство и... Распутин: «Это — без обсуждений: нам продавать тираж!» И были по-своему правы: продали же! Представляю

разочарование тех, кто вдруг купил её из-за обложки! Там и Распутин-то упоминается всего один раз, мельком...

А ведь был юбилей — династии! Михаил, Алексей, Пётр I, Елизавета, Екатерина II, Павел, Александр I, Александр II, Александр III — все побоку! Николай с семьёй «закрыли тему»!

Да, миф о Распутине — инструмент дискредитации царя. Тут уж либералы и газетчики постарались! Долгожданная свобода Февраля-1917 для них означала возможность опубликовать свои «исследования», в т. ч. о «необычном члене Григория Распутина и некоей бородавке на оном, доставлявшей...»

Да, приближенные не раз клеветали царю на Распутина, но каков был его ответ? «Это, господа, моя частная жизнь».

Предложу, может быть, неожиданную параллель. Знаменитая фраза: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений». Цезарь подал на развод, хотя его жену Помпею только подозревали. Логика была: «Жена Цезаря должна быть вне ДАЖЕ подозрений!»

Понятно, в российском случае речь не о разводе, но... несколько действий в ущерб своей частной жизни царь мог бы предпринять! Случайна параллель с Цезарем? Так вспомните: от чьего ФИО происходит сам титул «Царь»? Цезари — «архетип» европейских монархов — навсегда задали стандарт. Недаром придворные летописцы Ивана Грозного выводили его род от «Пруса, родного брата римского кесаря Августа I». «Частная жизнь царя» — фикция! Равно симптоматична последняя фраза Николая в момент отречения и за сына Алексея: «Думаю, господа, вы поймёте чувства отца». Николай, похоже, хотел быть «царём с 9.00 до 18.00, с перерывом на обед».

Откроем наудачу книгу «Николай II» А. Боханова: «Государь не имел к этому (*Кровавому воскресенью*. — И. Ш.) никакого отношения, его вообще в Петербурге не было. Что касается личности Государя — ну, он не мог отвечать за всё...» Но это же — подрыв логики, самой идеи САМОдержавия! А если поменять топографию? Питер на Тбилиси, Вильнюс, добавить «я был не в курсе, регламент, консенсус»? — выйдет газета «Правда» периода руления ею А. Яковлевым.

Морально царь был выше своих февральских оппонентов, но... идеальным семьянином был и Горбачёв. В отличие от «отцов-основателей» империй, Петра I и Сталина.

Иоанн Кронштадтский о Николае: «Нам дан царь благочестивой жизни». Это Слово

сегодня разменивают на пятаки политические оценок, но, если вдуматься, — сказано **максимум**, что можно было сказать хорошего о Николае, не покрывив душой (святой и не мог покривить). Благочестива *жизнь*, о политике: ни слова! Прекрасный муж, отец, дядя, племянник, кузен.

Канонизация мучеников — вне обсуждения. Но попытки рисовать на одном челе и мученический венец, и корону подрывают ощущение реальности. Будто можно всем враз зажмуриться (игра) и попытаться забыть элементарную хронологию. Из которой следует: *Царь не был мучеником, мученик не был царём* (почти полтора года как) ...

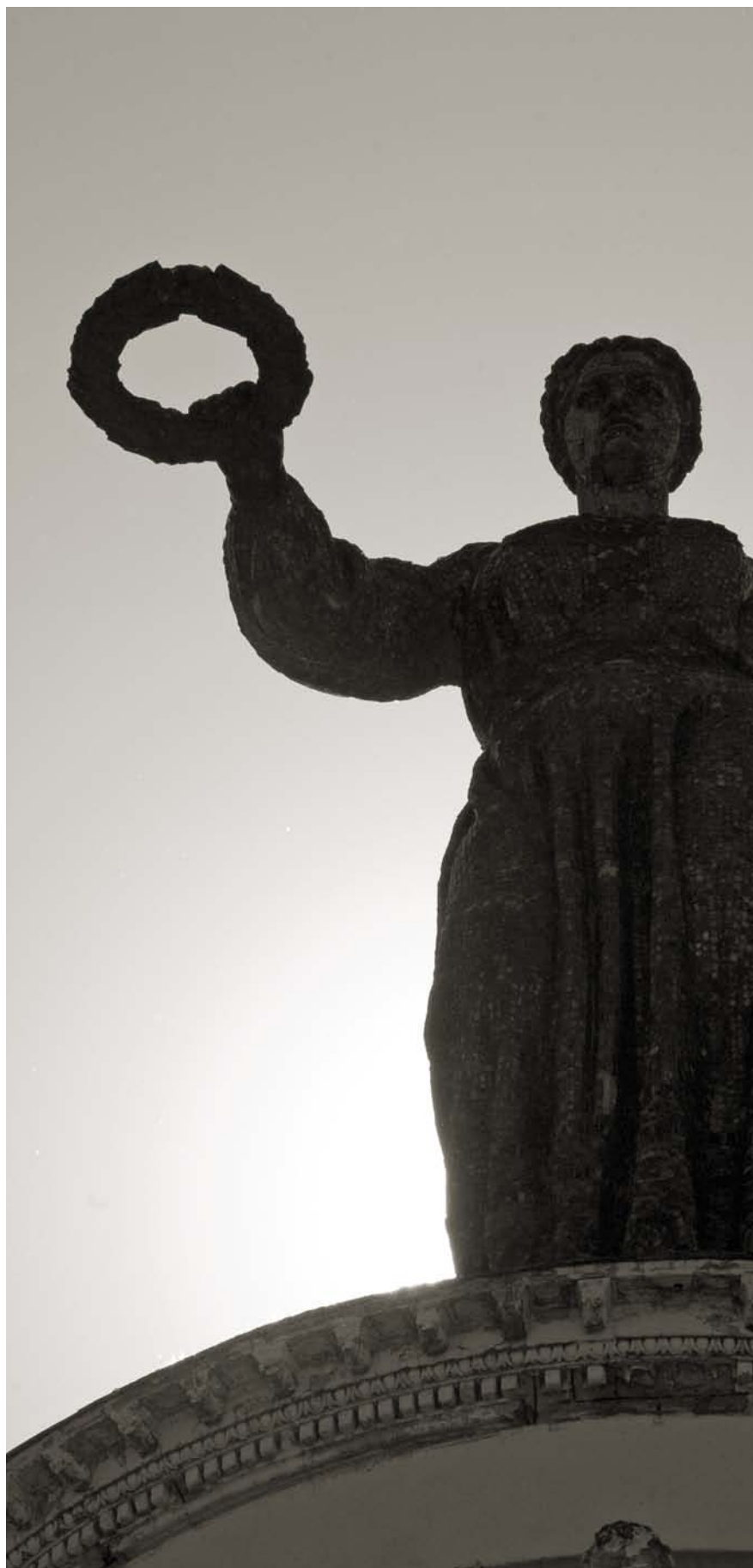
Но о чём мы сейчас! Всё заслонено могучей рекламной кампанией фильма о балерине. Апогей: 17 июля 2017 года, газета «Известия», статья (на полную полосу!): «*Я страстно полюбил (платонически) маленькую К.*» (заглавие такое). Там автор доказывает: «*Из скупых упоминаний в дневнике Николая, что они "хорошо посидели и повозились", абсолютно не следует, что они слились в сексуальном экстазе.*» И добросовестно цитирует все употребления Николаем слова «*повозились*». Да, это не означало секс!

То есть столетие гибели династии отмечено рассказом о похождениях скандальной балерины («типа Волочковой» — пояснили бы мои студенты).

Нужно «реабилитировать святого»? Вот и главный провал! Если признать, что канонизирован страстотерпец, *когда-то бывший* царём, — не нужно лезть во все предшествующие годы, доказывать отсутствие Ходынки, Кровавого воскресенья, той же балерины.

Даю пример (поразительно, никто из участников «околониколаевских баталий» о нём не вспомнил): святой равноапостольный князь Владимир! Вся Русь, все 1000 лет прекрасно знала и знает: у него были сотни наложниц, взяв Полоцк, он убил родителей Рогнеды, её саму изнасиловал («поаял», как писали тогдашние более правдивые летописцы). Рогнеда, желая отомстить, пыталась убить Владимира, но вновь чуть не погибла от его руки...

И что, это подтачивает образ святого? Наоборот — подчёркивает Чудо обращения! Услужливые монархисты, возьмись они доказать, что родители Рогнеды сами себя убили, а с гаремными девушками у Владимира были *платонические* отношения... сослужили бы скверную службу памяти равноапостольного князя.

Как и нынешние попытки «освятить задним числом» злосчастную политику Николая, «натянуть нити» и на 1911 год (сдача Столыпина), и на 1903-й (сдача лучшего отцовского министра Витте), и на «безобразовщину» (поджог фиделя Русско-японской войны), и на 1896 год (поход на бал к французам в день Ходынки), и даже, получается, на годы юношеских игр.

Канонизация — не присвоение очередного воинского звания и не требует выправления всего предыдущего послужного списка!

Истинное величие Николая: он, *отрекшийся под давлением* февральских заговорщиков, искренне переживал за Россию. Ни грана людовиковского «После нас хоть потоп!». Его молитва была: «Господи, спаси и умири Россию!» И каково бы ему увидеть, как через сто лет споры вокруг его памяти ведут туда же, куда и споры о нём, живом?!

В новой книге «*Крушение Империи. Новый взгляд*» я подробнее рассматривал самые дальние, глубинные причины 1917 года: «бактерийную» работу интеллигенции, фатальное безземелье в России.

Трудно поверить? Ведь одна шестая (до 1917-го — даже более) часть суши, как могло не хватать земли?! Ещё при Павле I был вычислен рубеж устойчивого производства в России: 15 десятин земли на двор. К 1877 году треть дворов имели менее 8 десятин. К 1905 году таких стало уже 50%. Падало поголовье лошадей, элементарно распаивались выпасы, а это — удар по всей *дотракторной* механизации (конные жатки, веялки), ещё один полузабытый фактор падения производительности труда. Самокритично вспомним анекдот: «Самое быстрое сельхозпроизводство — китайцы времён «культурной революции»: утром картофель посадили, вечером выкопали, *очень куцать* хоцся. Мы тоже шли к абсурду, к ситуации шеститысячелетней давности — ДО одомашнивания лошади! Пасти негде, всё распахали: «кушать хочется!»

Армию в 1917-м сильнее всех «Правд» развалил народный телеграф: «Началось! Вы — в окопах, а там помещичью землю делят!» Бунин в «Окаянных днях» жаловался: «Народ в 160 миллионов, владевший шестой частью земного шара, сказочно-богатой... (убедили), что единственное спасение — отнять у тысячи помещиков десятины, которые и так таяли в их руках».

Ладно, орловский помещик Бунин — «лицо заинтересованное», возьмём материалы XV съезда ВКП(б): «Крупнейшей отрицательной

чертой современной деревни, выражающей её историческое прошлое и остатки общей отсталости страны, является «аграрное перенаселение».

Это — конец 1927 года. Позади Первая мировая, Гражданская, эпидемии, эмиграции, мор... потеряны 9–17 (спорно) миллионов крестьян, помещичья земля разделена до миллиметра... Это и пришлось решать «коллективизацией», главный демографический результат которой: переселение многих, тоже не считанных миллионов в города и места... для коих у нас много названий, эвфемизмов.

«Ленин — обманщик, обещал крестьянам землю»? Вот свидетельство Витте (первый русский предсовмина). В 1905 году, считая, что крестьянство — оплот самодержавия, царь избирательными законами стремился дать им как можно большее представительство в Думе, и... крестьянство в значительном числе явилось, но, как выяснилось, имеет одну лишь программу: дополнительный надел землёю. Правительство отказало — и крестьянство пошло за теми, которые сказали: «Первое дело: мы вам дадим землю, да в придаток ещё свободу», то есть за кадетами (Милюков, Гессен) и трудовиками.

То есть крестьянами начали манипулировать либералы. У кадетов, конечно, и полмысли не было: где взять ту, обещанную крестьянам землю, но интрига завертелась, «думская работа закипела».

Но когда захлестнулась та «петля»? Население России: 1724-й — 13 млн; 1744-й — 18,2; 1795-й — 37,2; 1857-й — 59,2; начало XX века — 150 млн. Десятикратный рост населения при почти той же урожайности. Но... не пересягнем поспешно через ступеньку «1795 год».

Давняя мода: додумывать философские глубины Павла. «Русский Гамлет», «жил, опережая время»... достижения Екатерины «*времен очаковских и покоренья Крыма*» — поверхностны, интеллектуалы, начиная с Чацкого, должны смеяться над ними.

Парадокс, скрытый за яркими султанчиками, флагами, крестиками сражений на картах. Те же славные фамилии: Суворов, Кутузов, Багратион, Милорадович... — но какова разница! Войны Екатерины — последние, прибавлявшие земли русским крестьянам: Ставрополье, Кубань, Новороссия...

У её несчастных сына и обоих внуков: только за Мальтийский орден, Священный союз, одалживания евромонархам по 200 000 солдатиков в русской форме — поиграть...

Государство после «Манифеста о вольности дворянской» (1762 год, Петр III) перестало быть общенародным. Ранее: равенство в службе. Дворяне платили «налог крови» (французское словцо). В Судебниках 1497 и 1550 годов были статьи *о воспрепятствовании служилым (помещикам) отдаваться в холопы, чтоб избежать государственной службы*.

1762–1861 годы, государство — сугубо дворянское... Но в России порой кажется, что главная сила — это сила инерции! Войны Екатерины оставались *национальными*: крестьянин впервые поселился там, где ранее на протяжении столетий бывал только с верёвкой на шее (крымско-татарский полон). Тот период можно сравнить с мобилизацией первых пятилеток: тоже принудительный заём, тоже у крестьянства.

Но после 1796 года: 1) настал черёд и проигранным войнам, 2) войны, даже выигранные, теперь приносили только проблемы: Польша, Финляндия, «Священный союз»...

Столетия в госаппарате России не было не то что министерства — даже *одного чиновника* для рассмотрения внутрикрестьянских вопросов. Жалобы на помещиков — да, но получи в Петербурге претензию, иск крестьянина к крестьянину по переделу земли долей налоговых выплат... удивились бы, как письму с Марса. Всё решала община, солидарно обеспечивая рекрутов, налоги... Удивительная «организация», которой, в сущности, не было. Собирались в феврале возле церкви, считали, сколько у кого родилось, переделывали землю, распределяя доли налога. В их головах и душах — всё «ведомство»! Освобождавшее правительство от управления 90% населения, развязывая им руки для... Чего? Вот с этим дела пошли печально.

«Крестьяне, добрый наш народ, да получают мзду свою от Бога» — одну строку они получили в Манифесте по случаю победы над Наполеоном. По сути, глумливую, ибо «от Бога» (во всяком случае, Его помазанника) — лишь военные поселения, а все царские любезности, преференции, большая часть царского времени, внимания достались полякам, Европе...

Кажется, парадокс? Ну как крестьяне могли повлиять (забастовки? «перекрытия трасс»? восстания?) на внешнюю политику Александра, Николая, Нессельроде?! Да они вообще о ней не слыхали! Но неумолима «инвариантность» внутренней и внешней политики. Обманув крестьян — обманулись и сами, получив за 60 лет своей еврожандармской службы Крымскую войну.

Но, может быть, после 1795 года и не было объективных возможностей, новых земель? Тут-то и сгодится ещё один тезис моей книги: «ДвуАлександрие» — нарочито неуклюжее подражание термину «Междоцарствие».

Выпячивание малосущественных деталей, 150-летнее противопоставление: *реформ* Александра II и *контрреформ* Александра III — уже просто оскорбляют здравый смысл. «Наука» на уровне народно-шутливой классификации «лысых и нелысых генсеков».

Главное разделение по принципу «занимались Россией — занимались чёрт те чем (например, «Священным союзом)», — объединяет двух Александров: Освободителя и Миротворца!

Например, историю сравнивают с дорогой («исторический путь»). Ладно, представим на этом пути громадную Историческую Яму: чтобы объехать, надо сначала повернуть влево (реформы), а затем, чтобы остаться на дороге, — вправо (контрреформы).

Или еще уподобляют государство — организму... Ладно. В теле страны громадная опасная опухоль: один разрезал-удалил — другой зашил. Тогда смена министров (аргумент противопоставления двух Александров) Лорис-Меликова, Милютин — Игнатьевым, Ванновским суть не более чем откладывание скальпеля и взятие хирургической иглы. Напомню про Милютин, военного министра Александра II, творца первой послекрепостнической, послерекрутской армии. Да, в 1881 году он был заменен на Ванновского, но «в память заслуг» в 1898 году он, уже много лет отставной, произведён (уникальный случай!) в генерал-фельдмаршалы, стал *последним фельдмаршалом* России.

«Фокус», обратный деяниям обоих несчастных внуков Екатерины, возвращение элементарной внутренней справедливости вернуло смысл и внешней политике. Айгунский, Пекинский договоры 1858–1860 гг. дали России Приамурье, Приморье. Важно: Китай передал России территории без какого-либо конфликта. Причина? «НАТО XIX века», Англия и Франция громят Китай, захватывая столицы. «Опиумные войны» (в современных натовских терминах — операция «Чай в обмен на опиум»), вывозят и шёлк, и фарфор (многие сокровища их музеев — *того* происхождения). Потому богдыхан и был рад явлению России на Дальний Восток. И его расчёт, по большому счёту, оправдался: даже проиграв Русско-японскую, даже учинив у себя Гражданскую, Россия зацепилась, осталась на Дальнем

Востоке, успев прийти на помощь Китаю, Корею. И по факту... самой себе XX и последующих веков.

Вслед за казаками (в т. ч. — моими черниговскими предками) в Сибирь, на Дальний Восток пошли крестьяне, «сравливая пар» в перегретой деревне. Но — поздно, недостаточно...

На заседании «Исторического клуба» Сергей Бабурин задал мне итоговый вопрос: «Так октябрь 1917-го, со всеми эксцессами, — был спасением России?» Кратко: ВСЕХ эксцессов 1917-го оказалось недостаточно, понадобились «эксцессы» первых пятилеток, чтоб привести страну в соответствие XX веку, борьбе за *лебенсraum* (жизненное пространство).

Прежняя модель: дворяне дадут офицеров, крестьяне — солдат, а три тысячи туляков наделают им шпак да ружей... — еще сидела в менталитете, структуре общества. А теперь половина нации должна *пахать* (уже — в кавычках!) в городах, на рудниках, электростанциях, шахтах, в конструкторских бюро, чтобы *вооружённая нация* могла отстоять своё «жизненное пространство».

В города, на заводы, стройки и в институты, академии, рабфаки, военные училища... в органы НКВД (чтоб заодно поквитаться с комиссарами «ленинской гвардии», которые и *эти* сверхусилия могли бросить в топку Интернационала) — были изгнаны миллионы крестьян. Точное их число, подобно потерям Второй мировой, по-моему, никогда не подсчитают, потому что оно вообще не в сфере действия арифметики, но — философии («Что есть *потери*?»)

Для подобного жёсткого решения большевикам и нужен был запас авторитета, какого и близко не было у царских правительств. А этот авторитет рождался не каким-то там «управленческим искусством» (смешно), а просто «тупо», из уверенности крестьян, что уж это правительство — точно «НЕ помещицье»!

За пунктом «Земля» у меня следовал второй: «Интеллигенция». В главе «Война и мир. Земля и воля», возвращая читателя в нервный, взвинченный 1861 год, фиксирую удивительное «литературно-историческое эхо».

В одни и те же дни февраля 1861 года: Александр II подписывает исторический Манифест, Лев Толстой пишет первые главы «Войны и мира», а революционеры Обручев, Слепцов и Василий Курочкин (известный в ту пору поэт) — создают организацию «Земля и воля» и одноимённую газету...

Так почти синхронно вышли в мир великий русский роман и не менее известный бренд: «русский революционер».

За «землёй» в Манифесте Курочкина беспечно шло... «право наций на самоопределение» (ядерный фугас под весь XX век)! Моя версия этого «скачка в пунктах» — психологическая: «Ага, не умели справедливо поделить земельные наделы — значит, и карты мира, Земли вы поделили несправедливо!»

Весь анализ пункта «Интеллигенция» не воспроизвести, ограничусь двумя простыми констатациями. Века крестьяне и казаки *расширенно воспроизводили* себя, поставя всё те же по качеству, но в больших количествах хлеб и рекрутов. «Расширенное воспроизводство» интеллигенции (учителя, врачи, священники, чиновники) влекло за собой совершенно новые риски. Само явление большой популяции образованных людей

вызвало неизвестные ранее интеллектуальные эпидемии. Университеты, семинарии стали рассадниками радикалов, вульгарных материалистов, террористов.

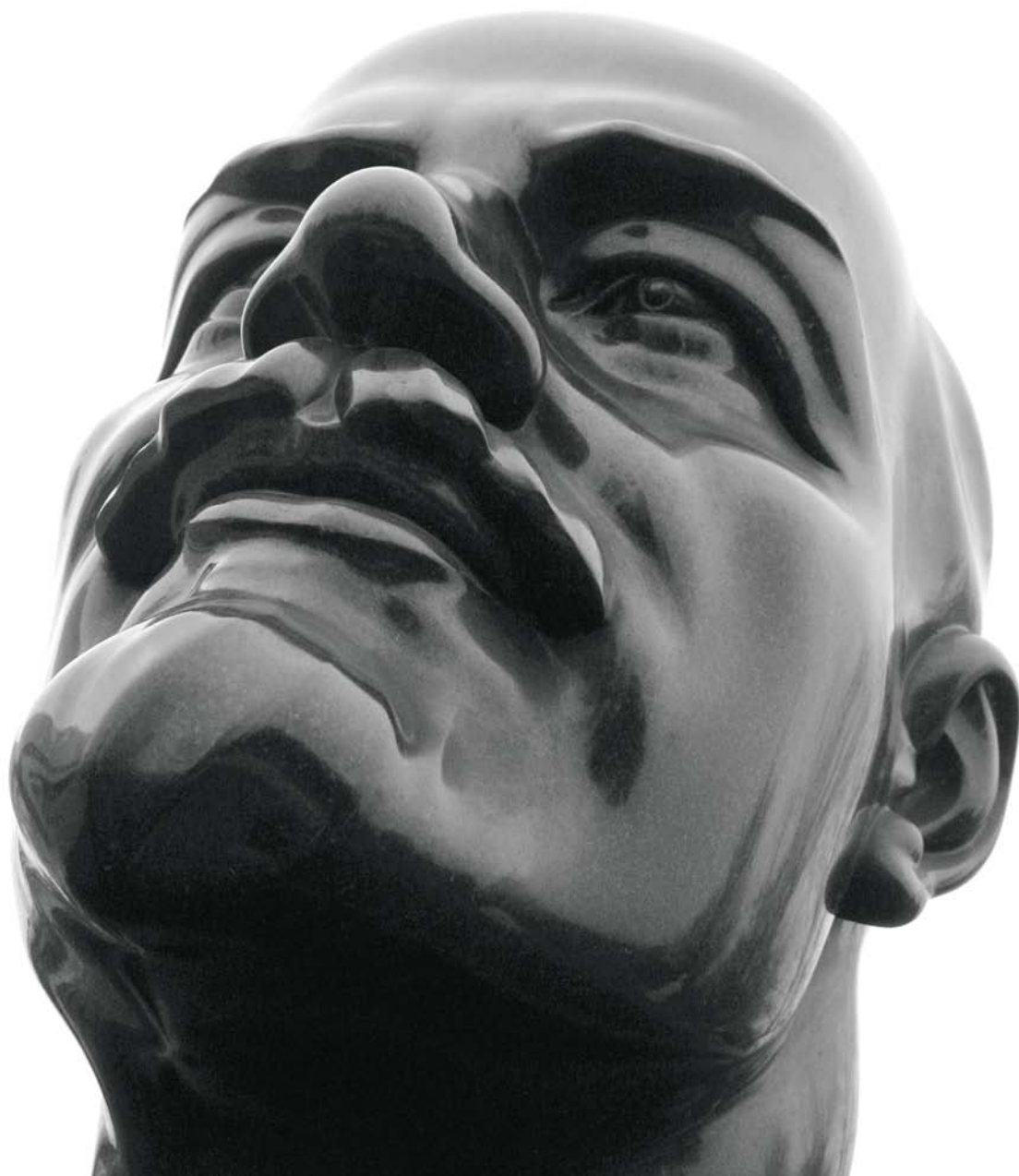
Славянофилы не поняли значение первой, петровской модернизации, вместе с «западниками» не смогли и близко подойти к проблеме общины. Книги, теоретические работы, «хождение в народ»: всё, чего достигли, — помогли разжечь конфликты. Грустный парадокс: десятки тысяч книг, статей, университетских диссертаций в конечном итоге выполнили лишь ту функцию, что и «прелестные письма» атаманов: «Пали усадьбы! Вешай помещика! К топору!»

Вдумайтесь. Десять университетов, сотни журналов, «философских кружков», «литературных салонов», и... *два пьяных дьячка* в обозе атамана Стеньки Разина или Васьки Уса — результат один!

Ленин и революция

*С известным итальянским публицистом
и общественным деятелем Джульетто КЬЕЗОЙ беседует
пресс-секретарь Изборского клуба Екатерина ГЛУШИК*

Господин Къеза, Великая Октябрьская социалистическая революция, 100-летний юбилей которой отметил мир, невозможна без фигуры Владимира Ильича Ленина. А что, на ваш взгляд, сделал Ленин главное в свершении революции? Почему другим политическим деятелям революция не удалась?

— Владимир Ильич Ленин сыграл ведущую роль в свершении Великой Октябрьской социалистической революции, потому что именно он понял не просто важность, а необходимость партии как организационной структуры, как инструмента в подготовке и осуществлении революции. Это его великое прозрение: без партии революция невозможна. И, безусловно, партия должна была соответствовать идеям и устремлениям, задачам того времени. И он занимался строительством партии, продумывал её структуру. Это была именно его идея.

Сама идея такой партии, партийной структуры родилась, когда, возможно, первый раз в истории народные массы могли играть ключевую роль в изменении ситуации в стране, могли изменить строй. Именно Ленин создал структуру, которая, по существу, изменила мир. Конечно, есть разница, например, между китайской революцией и вьетнамской или кубинской. Тем не менее все они стали возможны потому, что существовала революционная партия — организационная и идеологическая сила. При этом структура партии держала идеологию, и в то же время идеология питала структуру партии. Именно партия была фундаментальным инструментом свершения революции. Без партии революция была бы невозможна — ничего не смогли бы сделать отдельные революционеры, сколь бы пламенны, умны и самоотверженны они ни были.

Партия Ленина отличалась от других: социал-демократов, эсеров, от предшествующих революционных партий в других странах, — тем, что у неё была идеология и чёткая структура. Можно вспомнить, что были ещё и Советы. И создание Советов — очень правильный, необходимый шаг. Но если бы не было партии, Советы не могли бы совершить революцию. И именно Ленин сформулировал идею партии как руководящей силы, как инструмента, который позволит совершить революцию.

А создание нового общества, которое стало возможно в результате революции, — это, несмотря на все противоречия, безусловно, успешный эксперимент.

Советский Союз просуществовал более 60 лет, но, когда его не стало, не стало и партии — той

партии, которая была построена и действовала именно под те задачи.

Партия создала свою культуру — структурную и организационную. Такую культуру, в недрах которой учили, как взаимодействовать с людьми, как, каким языком, с ними говорить, какие мероприятия проводить. Это была партийная работа. Ей учили! А с исчезновением партийной структуры исчезло и это всё — словно организм остался без скелета.

— А есть ли у компартий — европейских, в том числе, — будущее?

— Надо учитывать, что у нового поколения — свой опыт. В отношении партии это опыт негативный. Этому поколению никто не объяснил, какую роль играет партия, для чего она нужна. И сегодня молодые люди в России, в Европе считают, что партия — это плохо, партия не нужна. Подменой этому были движения «Оккупай Уолл-стрит», разного рода пацифистские движения. Но все эти эксперименты с подменой партии движениями оказались несостоятельными. Можно вспомнить ключевой момент — 1968 год, революция в университетах Европы. Казалось, что оттуда могут прийти глубокие изменения. Это начало было бурным, массовым. В нём участвовали миллионы людей: не только студенты, но и рабочие. Однако ничего серьёзного, судьбоносного не вышло. Без организации всё рухнуло! Это ещё одно подтверждение, что без организационной структуры ничего реального не происходит, без организации все эти движения эфемерны, они могут просуществовать даже несколько лет, но потом умирают.

Можно ли повторить историю? Я считаю, что невозможно. Не только потому, что та партия рухнула вместе со страной (я имею в виду события 25-летней давности), не потому, что после этого не существовало никакого центра, способного возратить её. В принципе, если бы существовали силы, способные формировать нечто похожее, возрождение было бы вероятно. Но не было такого движения. И сам факт, что это движение не родилось, не сформировалось и не преобразовалось из прежнего, означает, что идею уже нельзя было повторить. И люди понимали это. Даже те коммунисты, которые считали, что надо продолжать дело Ленина, осознавали, что повторить дело Ленина невозможно. По той простой причине, что в это время противники компартии, Советского Союза, уничтожили саму почву, фундамент. Ведь что было почвой компартии? Рабочий класс. Рабочий класс был! И базой формирования партии был

именно рабочий класс. А когда рабочий класс исчез (не потому что не стало рабочих, они есть, но они не чувствуют, не осознают себя рабочим классом, монолитом), то и база формирования компартии исчезла.

Нельзя сказать, что это произошло одновременно, это происходило постепенно.

И в то же самое время произошло изменение структуры капитализма. Сначала он строился по формуле: товар–деньги–товар. Потом формула изменилась: деньги–товар–деньги. Потом товары исчезли, и их место заняли деньги: деньги–деньги–деньги. Деньги производят деньги. Произошло фактически превращение капитализма на 100% в финансовую структуру.

С этого момента влияние рабочего класса на все процессы в обществе, и его психология изменились. Сами заводы исчезли, они были разрушены. Рабочие перестали быть подавляющим большинством и стали меньшинством. А потом исчезли как класс. Это исчезновение привело и к психологическому изменению людей. Восторжествовал индивидуализм! Люди стали все сами по себе, каждый отдельно. Экстремальный индивидуализм капитализма одержал полную победу.

А без организации, без постоянного, структурированного движения, со своим уставом и кадрами, очень трудно совершить преобразования, особенно революционные. Люди попросту не знают друг друга, не знают друг о друге. К примеру, когда был завод, люди знали о существовании других — таких же, как они сами, — людей, постоянно взаимодействовали между собой, это был их коллективистский опыт. А сейчас такого опыта нет. Потому что произошло изменение структуры общества, а это неизбежно влечёт изменение системы формирования людей. Посмотрите: система средств массовой информации вычёркивает все встречи между людьми. Эти встречи заменены встречей между техникой и человеком: человек перед телевизором, компьютер и пользователь... И техника, её влияние на человека, очень сильны.

А все левые силы, поскольку не поняли суть этого изменения, продолжали повторять идеи, которые уже не могли существовать, а уж сегодня — тем более. Сегодня мы переживаем четвёртую индустриальную революцию. Хотя, точнее сказать, это не индустриальная революция, а четвёртая структурная революция общества. Потому что в современном мире сформировались общества, где доминируют деньги. Только деньги! Капитал, но исключительно в виде денег: деньги как суть жизни.

Поэтому у миллиардов людей в корне изменилось поведение, их видение мира. Конечно, речь не идёт о хозяевах вселенной — те живут так, как им надо и хочется.

Говорят, что произошедшее привело к исчезновению идеологии. Нет, это не исчезновение идеологии, а формирование новой идеологии. А новая идеология называется деньги. Деньги, только деньги! Всё — ради денег! И конкуренция — ради денег. Сотрудничество было вычеркнуто. Солидарность вычеркнута полностью. И даже наш обыденный словарь изменён, изменены значения слов. Слово «демократия» не имеет того смысла, который имело прежде. Даже во времена Ленина идея демократии была привлекательной, это же большевизм: большинство должно решать. Это и есть форма демократии.

Либеральная демократия тоже существовала, но имела другое значение, другое наполнение и понимание.

Сейчас демократии на Западе нет. Она существует только как церемония, форма. Посмотрите на последние выборы в Америке, во Франции. Что во всём этом можно понять простому человеку? Как сделать выбор? Ведь люди идут голосовать уже зомбированными, они реальности не знают — по существу, ими манипулируют. Поэтому формировать сейчас партию ленинского типа невозможно ни субъективно, ни объективно. Надо найти что-то другое. Надо сформировать другую мощную культуру.

— Но как это делать?

— Это как раз вопрос. Ведь тогдашнюю идеологию нельзя повторить. Люди тебя просто не поймут! Когда говорят лидеры левых сил, они повторяют те же мысли, что были раньше. Но кто слушает, и кто понимает всё это? Новое поколение даже этого языка не знает, на котором они говорят. Означает ли это, что всё мёртво, что изменения — в том числе, революционные — невозможны? Думаю, нет. Потому что нынешний кризис общества очень глубок, и требуется новая теория.

Прежнюю теорию вырабатывала партия, её формулировал Ленин. А сейчас эта теория не действует. Потому что структура общества (я размышляю в духе марксизма) сама давала определённую форму ответа. Но когда изменилась структура общества, эта политическая партийная форма под давлением противника стала нежизнеспособной. Чтобы начинать заново, нужно создать новую теорию развития человечества. А для новой теории развития

человечества требуется очень большой интеллектуальный скачок.

Маркс и Ленин строили свои суждения на базе критики структуры капиталистического общества, изучали капиталистическое общество. Они видели, что по объективным причинам после капитализма будет начало социалистической революции, а потом — коммунизм. Но эта схема была связана с теми, прошлыми условиями, в которых они сами жили. А сейчас капитализм уже не тот, что был во времена Маркса и Ленина. Структура общества совершенно другая. И теперь надо понять, почему предвидения марксизма не сбылись. Что касается всех революций, которые состоялись, то они были революциями в разных стадиях общества неразвитого капитализма, когда капитализм ещё не развился достаточно. Была единственная попытка революция в обществе развитого капитализма — это германская революция 1918 года. Она не получилась.

Видимо, Ленин с его видением опередил время. И выиграл. И Мао Цзэдун тоже выиграл. И Фидель Кастро. А сейчас повторить их успехи невозможно, потому что для этого нет людей — люди совершенно другие, психология другая. Вот что является тормозом.

И это ограничение было ключевым моментом стратегического поражения. Структура общества уже совершенно иная: прибыль получается не в результате работы людей, а из банковских операций, из финансовых спекуляций, через спекулятивные движения капитала. И для получения прибыли человек не нужен, он совершенно излишен. Более того, в течение ближайших 20–30 лет произойдёт полная роботизация. Миллиард 300 миллионов человек станут фактически лишними. Если не начнется глобальная война, если общество продолжить функционировать более-менее в прежнем режиме, произойдёт стремительная роботизация, которая будет исходить из технологической революции.

Это совершенно другая глава истории человечества, и она требует нового осмысления, новой стратегии. Нужна новая теория общества, но этой теории пока нет ни у кого. Никто её не сформулировал даже в своих отдельных сферах, в своих областях: не имеют финансисты, не имеют коммунисты, не имеют социал-демократы. Поэтому общество живёт без стратегии. Нет никаких критериев, никакой теории революции, то есть теории изменения общества.

Надо отметить, что если бы не было Маркса, его теории, Ленин не смог бы придумать эти изменения общества. Маркс был не политический деятель, он — теоретик. Как и Энгельс. Сейчас

такую теорию, не может создать один человек — нужна целая группа. Нужны исследовательские институты, нужна команда людей с новым видением кризиса общества, с пониманием того, что основной социальный конфликт сейчас другого типа: между природой и человеком. Без всего этого сейчас нельзя совершать изменения и даже рассчитывать на них. Что касается столкновения между природой и человеком, то нужно осознать: это смертельная схватка.

Классовая борьба была не смертельной. Была борьба одной части общества с другой — выиграл капитализм. Но это была борьба не насмерть. А сейчас — более опасная борьба. Человечество не может выжить в том мире, где победил капитализм. Роза Люксембург говорила: «Или социализм, или варварство». А сейчас: «Или жизнь, или смерть» — вот новое видение. На базе этого понимания можно создать новую партию.

Думаю, когда эта теория будет разработана, возникнет необходимость и в партии. Нужны будут слова, язык, идеи, на базе которых надо будет формировать новое поколение «революционеров», которые будут не революционеры, а просто спасатели. Я предлагаю вместо слова «революционер» — «спасатель».

/ Наталья ЛАКТИОНОВА /

Либеральный проект и драма русской истории

Одна из узловых тем истории XX века — Октябрьская революция, но без изучения февральского переворота её понять невозможно. К сожалению, не прекращаются попытки покрыть все деяния Февраля Октябрем. Единый культурно-исторический стандарт, по которому должна формироваться учебная литература по истории, объединяет Февраль и Октябрь вме-

сте с Гражданской войной в единую Российскую революцию, по аналогии с Великой французской революцией (куда уж нам без европейских подобию). Именно такая всеохватная «революция» как раз и позволяет утопить негативные деяния Февраля в Октябре, списав на последний всё зло Февраля и сделав большевиков ответственными за слом империи. В то же время разрушительные

для империи импульсы исходили как раз от Февраля.

Позволим небольшое отступление. Мне давно хотелось задать вопрос в произвольной уличной толпе: «А кто арестовал царскую семью?» В ответе сомнений не было. За меня это сделали организаторы мультимедийной выставки из цикла «Моя история. 1914–1945. От великих потрясений к Великой Победе» в октябре

2015 г. (курируемой тогда ещё архимандритом Тихоном Шевкуновым). В рамках выставки был продемонстрирован ролик с тем самым так и не заданным мною вопросом первому встречному. И действительно, люди давали предполагаемый ответ — почти все считали, что арестовали семью императора коммунисты или большевики. Кто такие февраллисты в большинстве своём наши соотечественники, живущие в необременённое качественным образованием время, практически не знают. А те, кто решил спросить, — знали. И спасибо на том, что уже оформилась серьёзная потребность разобраться в ключевых событиях прошлого. И ещё: следует иметь в виду совокупную позицию церкви в лице ее предстоятеля. Вопросу «единства» нашей истории, включая советский период как целостный этап развития страны, была посвящена речь Святейшего Патриарха Московского Кирилла на открытии 11 ноября 2014 года Всемирного русского народного собора — ежегодного большого представительного форума. Приведём отдельные выдержки из неё: «Сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории... Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего, кроме гонений на церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого — лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость. На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Чёрно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искажённую и разорванную картину истории, распадающейся

на отдельные куски подобно разбитому зеркалу. Нельзя повторять ошибки тех, кто, по меткому выражению Александра Зиновьева, «целился¹ в коммунизм, а попал в Россию»².

В качестве преамбулы отметим следующее: Сергей Кара-Мурза, ссылаясь на Станислава Говорухина, описывающего «Россию, которую мы потеряли» и при этом проклинающего большевиков, а не истинных разрушителей страны, напомнил ему и миллионам тех, кого он ввёл в заблуждение, важнейшие исторические факты. Цитирую: «...слом жизнеустройства России и её государственности произошёл в *феврале* 1917 г. Царя свергали либералы и стоящие за ними массоны-западники, а не большевики... Февральская революция — *революция западников*, и главный её смысл был в расчистке поля для финансово-торгового капитала. Это была первая «революция чубайсов и гайдаров»... Большевики, как вскоре показала сама жизнь, выступили как реставраторы убитой Февралём Российской империи — хотя и под другой оболочкой... Это в разные сроки было признано противниками большевиков, включая В. Шульгина и даже А. Деникина»³.

В постсоветской России, являющейся по сути, как и новые евразийские государства, обломком (правда, большим) единой державы, для поддержания инерции распада и разрыва с «проклятым коммунистическим прошлым» немалыми усилиями СМИ, экспертов и, к сожалению, немалой части научного сообщества был сформирован, а во многом — позаимствован из арсенала советоведческих институтов Запада, работавших против СССР, сконструированный миф о том, что большевистская революция уничтожила Российскую

империю, разрушив все основы государственности, и привела Россию к цивилизационной катастрофе. Эта очень уязвимая позиция опровергается массой серьёзной литературы⁴, однако продолжает искусственно поддерживаться финансовыми и даже бюджетными проектами — дорогостоящими, далёкими от исторической правды фильмами с омерзительными коммунистами, заказной литературой и бесконечными выступлениями самоуверенных людей, плохо знающих историю, но искренне не ведающих об этом благодаря твёрдо усвоенным перестроечным мифам. Однако мы всё меньше хотим быть Украиной и Прибалтикой с их программами десоветизации. И привычная демонизация советского периода всё более отступает на периферию сознания наших соотечественников. Если употребить современный сленг — становится не модным (простите) трендом.

В рамках небольшой статьи трудно обозначить множественные аспекты событий, ведущих к трагической развязке крушения Империи. Остановимся лишь на некоторых из них.

Несмотря на заинтересованность в ослаблении и колонизации России внешних сил, важнейшее значение имела организация сил внутренних. Самодержавие мешало свободно обогащению крупного капитала. И закономерно, что пришествие капитализма в Россию закончилось Февралём. И это было торжество либерального проекта. Но за Февралём был Октябрь, как ни парадоксально, преодолевший иноземный капитализм — это порождение протестантской этики, чужеродной и неприемлемой для России.

Исследователь С. Рыбас подробно описывает «экономическое основание» для «великих потрясений»,

¹ У А. Зиновьева — «целились».

² Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытие XVIII Всемирного русского собора // <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> Официальный сайт Московского патриархата. 11 ноября 2014 г.

³ С. Кара-Мурза. Советская цивилизация (в двух книгах). Книга первая. М., 2001, с.213.

⁴ См, например, исследования С.Н. Базанова, Е.Г. Гимпельсона, Ю. Емельянова, В.Я. Гросула, А.Т. Дробана, Ю.Н. Жукова, А.Г. Кавтарадзе, С.Г. Кара-Мурзы, В.В. Кожина, М.А. Молодцыгина, С.Т. Минакова, И.И. Минца, О.Г. Назарова, И. И. Стрекалова, Л. И. Ольштынского, Н.Н. Яковлева, и др.

приводя свидетельства «о финансировании всеобщей забастовки крупным капиталом». В тот период «процесс смены управленческой модели перешёл в экстремальный режим. Банкиры, нефтепромышленники, металлурги, текстильщики и все прочие обладатели реальных финансовых средств участвовали в политической жизни»⁵.

У находящегося в тот период за пределами России В.И. Ленина всё без обиняков названо своими именами: «...связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путём...организации заговора против Николая Романова. Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчёркивает немецкая»⁶.

Наиболее мощными экономико-политическими группировками были октябристы и кадеты. Несколько в стороне от них находились «прогрессисты», за которыми стояли выдающиеся крупные московские промышленники. Такие как П.П. Рябушинский и А.И. Коновалов⁷. Свои резоны в заговоре против самодержца видели военные, генералитет. Большая роль в февральских событиях отводилась действующим втайне как вне, так и внутри страны масонским организациям, поставившим под своё влияние практически все заметные политические структуры кануна Февраля. Были и нити, которые тянулись к финансово-промышленным и политическим группам Запада, заинтересованного как в продолжении войны русскими

руками, так и в бесконтрольном доступе к богатейшим ресурсам страны, и, разумеется, в ослаблении или даже политическом уничтожении геополитического соперника — России. Наличествовали и другие силы, критически взвешивающие на самодержавную власть в России. Все это — опоры Февраля. В целом можно говорить о либеральном проекте для Российской империи. На исходе XX века он вновь сработает, но уже в России-СССР. Итак, мы уже можем вывести одну из закономерностей прошлого столетия — пришествие носителей либерализма к власти всегда связано с глубокими разрушительными процессами для русской государственности. Все это проверено, что называется, эмпирически.

Итак, развитие капитализма в России не в последнюю очередь спровоцировало первую русскую революцию 1905 года, плодами которой стали Манифест 17 октября с его вождельными свободами и созыв Государственной думы, резко активизировавших деятельность прозападных либеральных сил в обществе. В России спешно стали создаваться инструменты влияния. В связи с чем остановимся на масонском колорите Февраля. Тайные пружины были. Самой влиятельной оказалась организованная в России масонская ложа (под названием «Великий Восток народов России», по аналогии со стоящей над ней масонской организацией «Великий Восток Франции»). Она поставила изрядную долю руководителей в срочно создаваемые структуры как в центре, так и на местах.

Известный исследователь российского масонства В.С. Брачев в своём обобщающем труде по истории тай-

ных организаций в России⁸ подчёркивает, что тема российского масонства начала XX века нашла своё отражение ещё в первой половине 1970-х гг. с выходом массовым тиражом в издательстве «Молодая гвардия» книги историка-американиста Н.Н. Яковлева «1 августа 1914 года», где наиболее интересными страницами стали те, которые были посвящены роли масонов в событиях «победоносного» Февраля 1917 г. Н.Н. Яковлев не только показал реальность самого факта существования думского масонства в России, но и впервые в советской историографии чётко определил его роль и место в политической борьбе предреволюционных лет. Масонство, пришёл к выводу учёный, играло роль «теневого штаба» либеральной буржуазии в борьбе за власть и фактически являлось руководящим центром в подготовке Февральской революции в России⁹. То есть трактовка означенных событий в России отнюдь не была в советский период крайне одномерной.

Рассмотрим поближе трагические перипетии Февраля. Итак, 25 февраля (10 марта) 1917 г. Высочайшим указом деятельность IV Государственной думы была приостановлена. И вскоре появились органы февралюв, олицетворяющие собой власть. Отметим, что император так и не сумел вернуться в Петроград. Единственно легитимная власть фактически была блокирована в Пскове.

Сложились устойчивые стереотипы, когда в массовом сознании любое упоминание Советов как органов власти автоматически увязывается с большевиками, и в этом отнюдь не повинна советская историография¹⁰. В то же время сегодня известно не-

⁵ Рыбас С. Заговор верхов. М. Молодая гвардия, 2016, с. 174.

⁶ Ленин В.И. Письма издадека. Письмо 1. // ПСС, Изд. 5, Политиздат, М., 1969, т. 31, с. 15.

⁷ См. подробнее: Рыбас С. Заговор верхов. С. 174–175.

⁸ Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. С-Петербург, изд. «Стомма», 2000.

⁹ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 4, 18, 230–234.

¹⁰ Отметим, что в советской учебной литературе сугубо подчёркивался период эсеро-меньшевистского главенства в Советах после Февральской революции. // См., например: История СССР в двух частях. Часть 2. М., «Высшая школа», 1982. С. 7.

мало исследований, где подчёркивается, что так называемое «двоевластие» Февраля было весьма относительным. И здесь — внимание! И во Временном правительстве, и в эсеро-меньшевистском Петросовете у руководства стояли люди «одной команды»¹¹. Чтобы привлечь простой народ — солдат, рабочих, крестьян, которые не поняли бы, что от Февраля выиграли верхи, в один день было создано два органа власти — Временное правительство и Петросовет. Из 11 членов Временного правительства первого состава 9 (участие П.Н. Милюкова не доказано) были масонами¹². В общей сложности на постах министров побывало за почти восемь месяцев существования Временного правительства 29 человек, и 23 из них принадлежали масонству. Схожая ситуация была и в Петросовете. Из трёх руководителей Петросовета все были масонами (председатель — Н.С. Чхеидзе, заместители — А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев). Они представляли разные партии — кадетов, меньшевиков, эсеров, а их принадлежность к масонству была надпартийной, объединяющей.

Много стенаний было по поводу разрушения армии пропагандой большевиков. Однако вернемся в реалии прошлого: главным и сокрушительным основанием для уничтожения армии — оплота любой государственности — стал «Приказ № 1» ЦИК Петроградского совета рабочих депутатов от 2 (15) марта 1917 г. Фактически в армии уничтожался основополагающий принцип единоначалия. Остальное было лишь делом времени. Существенная деталь: до осени 2017 г. влияние большевиков в Петросовете было ничтожно малым.

Характерно, что приказ № 1 был напечатан, по свидетельству современников, огромным тиражом в 9 млн экземпляров — и все это накрыло уже и без того взбудораженную армию. Отметим негативную реакцию на этот приказ (с его появлением в утренних газетах) председателя Военной комиссии Временного комитета А.И. Гучкова, который в тот же день, когда был обнародован этот документ, назвал его «немыслимым» и тогда же отправился в Псков, где разыгралась драма фактически принудительного отречения Николая II от престола.

Таким образом, события разворачивались молниеносно, как по сценарию, практически в одно и то же время. Исполнители, казалось, были разные, но все эти события фактически являлись звеньями одной цепи. В Пскове армия лишалась своего главнокомандующего, а Приказ № 1 закономерно продолжал заданный вектор.

Первоначально предназначенный Петроградскому гарнизону, этот приказ быстро распространился и в армии. Уже существовавшее брожение в войсковых соединениях получило легитимное подкрепление, что привело к резкому падению дисциплины и боеспособности русской армии — дезертирство с фронта, уже дававшее о себе знать, вскоре стало массовым. И это в условиях тяжелейшей мировой войны, основную тяжесть которой практически несла на себе Россия. Всё это означало крушение институтов власти и пролог к анархии. Напомним, что, как только А.Ф. Керенский был утверждён военным министром, — буквально на четвёртый день своего пребывания в этом качестве он фактически подтвердил приказ Петросовета, издав

¹¹ См.: Самсонов А. Как февралисты уничтожили армию. // Военное обозрение. 14 марта 2017 г.

¹² Что касается А.И. Гучкова, то, по мнению Нины Берберовой, в 1918 г. он «отдалился от масонства окончательно, вслед за ним — и генерал Алексеев. Над ними был произведён специальный обряд исключения». // См.: Берберова Н. Люди и ложи. Русское масонство XX века.

так называемую «декларацию прав солдата». Позднее А. И. Деникин заявил: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно...»¹³.

В Первую мировую войну Россия оказалась в компании своего старого и коварного врага — Англии. Союз с Германией для Российской империи был бы куда более естественным. Но вожди Антанты и их известная колонна внутри страны делали всё, чтобы Россия не пошла на сепаратный мир с Германией. В прессе и позднее — со стороны новых властей постоянно муссировалась тема верности союзническому долгу, что было необходимо Западу, в то время как фронт практически разваливался.

Приведём высказывания В. И. Ленина по этому поводу. «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого ...)

с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона»¹⁴.

Парадоксально, но многие из политических и общественных деятелей того времени прогрессистско-либерального толка мнили себя спасителями Отечества. Тем более что с Запада в прорубленную петровскую форточку давно и небезуспешно дули «ветры перемен», принося иноземные вирусы вековой традиционной России. Открывшиеся шлюзы либеральных реформ разрушали весь уклад русского жизнеустройства. И в начале XX века российская интеллигенция (термин «интеллигенция» появляется в 50-х гг. XIX в.), совсем недавно осознавшая себя как особый социальный субъект, получила, наконец, вожденный парламент, сильно ограниченный монаршей волей, но, в свою очередь, потеснивший и императорскую власть в России. Итак, страну наводнили либеральные и революционные прогрессисты — все ратовали за радикальную переделку через реформы или полное переустройство

общества. Именно поэтому февральские события в большинстве своём в столице Российской империи были встречены с ликованием.

Симптоматично, что министр внутренних дел, «пламенный реакционер» Николай Маклаков, после своей отставки ещё в 1915 г. (на которую Николай II пошёл под влиянием общественных настроений), в письме к И. Щегловитову прозорливо отреагировал на происходящее: «Вместо самодержавия воцаряется — олигархия»¹⁵. Добавим: под камуфляжем демократии.

Император ещё был действующим главой государства, но въезд в Петроград для него уже был недоступен. Новой власти — Временному правительству стали массово присягать воинские чины. Вот характерная картинка того времени, свидетельствующая о степени вовлечённости персон самого высокого уровня в процесс всеохватной жажды перемен: «Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II великого князя Кирилла Владимировича, который с красным бантом на груди привёл находившийся под его командованием гвардейский

¹³ Цит. по кн. Кожинов В. В. Россия: век XX (1901–1939 гг.), М., Алгоритм, 2001, с. 141.

¹⁴ Ленин В. И. Письма издалика. Письмо 1. // ПСС, М., Политиздат, 1969, т. 31, с. 16.

¹⁵ Цит. по: Гойда Ф. Пламенный реакционер Николай Маклаков. // Родина, 2012, № 7, с. 112–115.

экипаж и встал на сторону победителей»¹⁶. И далее: «Со всех концов города стали привозить арестованных царёвых слуг, и наиболее заметных»¹⁷ помещали в министерском павильоне Таврического дворца. К вечеру 1 марта здесь находился цвет сановной иерархии ...»¹⁸.

Характерно, что люди, в том числе и правой ориентации, служившие опорой трона и не проявившие ярко выраженного стремления к переменам, предварительно подвергались арестам. Многие из них были названы «черносотенцами»¹⁹ — это «Союз Михаила-Архангела» и прочие организации, которые уже давно и небезуспешно демонизировались либеральной прессой и так называемой публикой. Итак, идёт поляризация, в том числе и высших сановников: всё расколото. Одни примыкают к революции (видимо, вполне искренне, оставим пока за скобками нравственный аспект и родственные связи), другие, склонные к поддержке императора, — срочно изолируются.

Ещё ранее в событийном хаосе наступившего XX века с церковного амвона на всю страну звучал предупредительный глас знаменитого пастыря отца Иоанна Кронштадтского, прозревающего грядущие потрясения. Как известно, отец Иоанн Кронштадтский открыто выступил против новых веяний в защиту веры и престола. Став почётным членом «Союза русского народа», он торжественно благословил его знамёна. Пламенную проповедь слышали, к отцу Иоанну тянулись огромные массы простых людей, но не те, кто собирался творить историю по своему разумению. Заражённое бациллой либерализма

русское общество в массе своей не способно было воспринять святость. Называвшие себя светскими журналисты, писатели чиновники, интеллигенция, представители высшего света не только не слушали, но позволяли себе шельмовать горящего пламенем веры угодника Божия. «...его выставляли посмешищем... писали специальные пьесы, в которых все понимали, что это про него, и он, таким образом, был подвергав на смехам и напасть. Одним словом, видели в нём большую опасность, и он нёс крест такого массового поношения накануне революций. Это не было удивительным в тогдашней больной и готовой к трагедии России»²⁰. Свой крест порицания со стороны значительной части общества несла и царская семья.

Как видим, к принуждению самодержца к отречению от власти большевики отношения не имели. Широко известное «Кругом измена, и трусость, и обман» касалось других адресатов.

Вот впечатления современников по поводу событий того времени. Слово Василию Розанову: «Даже «Новое время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего»²¹. И даже если сделать скидку на эмоциональное потрясение известного философа, ставшего свидетелем разрушения собственной страны, в целом его свидетельство крайне знаменательно.

Страна была готова к распаду, центробежные силы внутри империи получили беспрецедентные возможности, что было следствием именно февральского переворота и резким ослаблением российской государственности. Инерция, заданная Февралём = в плане дезорганизации империи, продолжалась, естественно, и после Октября. Масонским представителям-февралистам и их попутчикам удалось быстро раскатать и разрушить основы российской государственности, остальные восемь месяцев своего пребывания у власти они её только последовательно теряли. Широко известно, что большевики просто подхватили эту власть из роняющих её незаконных и презренных рук.

Потом, позднее, кто-то из действующих лиц, вовлечённых в водоворот той грандиозной драмы, будет высказывать сожаления о прошедшем. Однако роль безответственных временщиков ими уже была сыграна. Покаяния и сожаления более чем уместны. Воздержимся, однако, от осуждения известных фигурантов, творивших русскую историю столетней давности. Они воспринимали её в контексте своего времени. И многие из них, одурманенные «ветрами перемен», видели лучшую долю для страны на путях западноевропейских демократий. Но для России это была чужеродная модель, повлекшая за собой катастрофические последствия — разрушение государственности и дезинтеграцию империи. Драма русской истории на этом не закончилась. Тем не менее задача восстановления страны и укрепления её государственности была решена, но уже другими силами.

¹⁶ История России. XX век. Под. ред. д.и.н. В.П. Дмитренко. ИРИ РАН, М., 1996. с. 136.

¹⁷ Были арестованы: бывшие премьеры И.Л. Горемыкин и Б.В. Штюрмер, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер и др.

¹⁸ История России. XX век. Под. ред. д.и.н. В.П. Дмитренко, с. 136.

¹⁹ Одним из первых объективно исследовал «черносотенство» как важный аспект общественного движения консервативного направления начала XX в. В.В. Кожинов. (См. его книгу: Россия: век XX (1901–1939 гг.) С. 19–48.)

²⁰ Протоиерей Андрей Ткачёв. Отец Иоанн Кронштадтский. // <http://radonezh.ru/analytics/otets-ioann-kronshtadtsky-126544.html> 02/02/2015

²¹ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. // <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>

Великий Октябрь и Россия: деконструкция мифов

*Доклад группы экспертов
под руководством Александра НАГОРНОГО*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В Изборском клубе на протяжении всего 2017 года проходило широкое и фундаментальное обсуждение всего спектра проблем: идеологических, политических, экономических, культурных, — связанных со столетием двух русских революций, необратимо изменивших исторические судьбы нашей страны и всего мира.

Материалы, посвящённые этой тематике: статьи, круглые столы, беседы, выступления участников и привлечённых экспертов Изборского клуба, — большей частью публиковались на страницах нашего журнала, в газете «Завтра», на сайтах izborsk-klub.ru, zavtra.ru, dentv.ru и в других средствах массовой информации.

Основной целью проделанной работы было восстановление как можно более близкой к реальности траектории движения нашей страны до и после двойной «точки бифуркации» 1917 года, поскольку этот ключевой вопрос одновременно рассматривается в нашем обществе в «оптике» сразу трёх идеологий: либеральной, коммунистической и консервативно-православной, — каждая из которых по-своему мифологизирует данную траекторию, в значительной мере искажая «выбор следующего шага».

Следует заметить, что сама по себе мифологизация истории не несёт в себе какой-либо имманентной негативной сущности, Любой вариант исторического сознания представляет собой цепь или сеть событий, выделенных обществом из потока доступных для него фактов и документов общественной жизни. История — лишь модель, лишь образ прошлого, а потому всегда — только приближение к истине, а неизбежный отрыв такого исторического образа от реальности несёт в себе возможность искажения последней, в том числе искажения системного, мифологизированного, которое становится неизбежным

при наличии в обществе определённых господствующих или стремящихся к господству, скажем так, сил. Такая мифологизация склонна не только замалчивать, исключать из своей «картины прошлого» те события, которые не укладываются в неё. Одновременно наблюдается раздувание, преувеличение других, соответствующих «правильной истории» фактов, которые в прошлом могли даже не существовать или существовать в ином качестве. Когда эти псевдофакты в качестве структурообразующих элементов включаются в различные формы политического сознания, они обретают статус мифологем, своеобразных «фразеологизмов мышления», поскольку в превращённом виде отражают свойственную данным силам систему ценностей.

Сделать точную поправку на эти искажения, эти aberrации заведомо не представляется возможным, поскольку «никто не свободен от общества в котором живёт». Но свести искажения хотя бы к такому минимуму, который не препятствует более адекватному восприятию реальности и дальнейшему движению вперёд — вполне достижимая цель.

С этой точки зрения ситуацию с пониманием революций 1917 года, прежде всего — с пониманием Октябрьской революции, в современном российском обществе трудно назвать приемлемой. Русский мир, русская цивилизация как «большая система» в своём развитии, очевидно, снова приближается к «точке бифуркации», что ярко проявляется в резком расширении «пространства смыслов», связанных с пониманием и оценкой её исторического пути за последние сто лет, — вплоть до опасности внутреннего разрыва данного пространства. Что, разумеется, сразу же будет спроецировано во все остальные цивилизационные пространства, прежде всего — в политическое.

С учётом того, что противостояние по линии Запад — Россия сейчас достигло уровня, даже превышающе-

го максимумы холодной войны, и всё указывает на дальнейшее обострение данного противостояния в перспективе ближайших 5–10 лет, подобный разрыв, несомненно, является одной из главных задач «коллективного Запада» во главе с США, делающего ставку на окончательную фрагментацию и последующее уничтожение русской государственности.

В данной связи особый интерес представляет демонстративный и публичный отказ действующей российской «вертикали власти» от какого-либо празднования 100-летнего юбилея Октябрьской революции 1917 года. Манифестацией данной позиции можно считать известную фразу Дмитрия Пескова, пресс-секретаря президента России: «А в связи с чем это нужно праздновать? Объясните мне». Дело здесь не в том, что лично Дмитрий Сергеевич благополучно «забыл» всё, чему учился в школе и в Институте стран Азии и Африки при МГУ, — это как раз попытка действующей «властной вертикали» лишний раз не «разжигать диалог» между «красными» и «белыми» путём максимально возможного изъятия из медиа-пространства самого предмета дискуссии. Видимо, в Кремле это сочли лучшей из доступных накануне грядущих президентских выборов стратегией.

Но в самый канун 100-летия Великого Октября из уст популярного телеведущего Владимира Соловьёва на всю страну прозвучало сравнение исторических событий в России вековой давности с английской Войной Роз (War of the Roses), начавшейся практически сразу после поражения в Столетней войне с Францией (1453) и длившейся целых тридцать лет, с 1455 по 1485 год. В рамках сделанного Владимиром Рудольфовичем сравнения дату 4 ноября, видимо, предлагается считать одним из «белых» символов, аналогичным Белой Розе (кстати, белая роза — «цветок Богородицы») Йорков, а дату 7 ноября — одним из «красных» символов, аналогичным Алой Розе Ланкастеров.

Данная политико-историческая матрица (в математическом, а не кинематографическом изводе данного понятия) интересна, прежде всего, набором своих скрытых смыслов, поскольку в ней подспудно-аксиоматически постулируется не только практически полутысячелетнее историческое «отставание» России от Англии, но ещё и факт длящейся «гражданской войны» в нашей стране, её «верхушечно-феодальный» характер, а также предполагаемый (или даже предусмотренный) финал — в конце концов «конфликт семнадцатого года» должен быть исчерпан после того, как власть в российском «локусе» перейдёт в руки некоего «красно-белого» аналога династии Тюдоров,

То есть в одном-единственном образном сравнении, «вброшенном» словно бы невзначай в российское коммуникативное пространство, содержится целая идейно-политическая концепция, «шифрующая» и задающая развитие дальнейших событий. Более того, она указывает и на «первообраз», на «архетип» данной ситуации — то есть на Великобританию, владеющую исторически проверенным рецептом выхода из ситуаций такого рода.

На фоне того запредельного успеха, который за последние годы получило на мировом «рынке образов» политическое фэнтези «Игра престолов», имеющее в своей основе и актуализирующее всё ту же архетипичную для коллективного бессознательного не только Англии, но и всей западной цивилизации матрицу War of the Roses, можно сказать, что России предлагают включиться в игру по этим правилам. И это предложение — из серии тех, от которых «нельзя отказаться». Во всяком случае, отказаться «просто так», без использования «добраго слова и пистолета». Одновременно эта ситуация — косвенное, но достаточно сильное свидетельство того, что до сих пор Россия была «не в игре», или, вернее, играла и продолжает играть в некие другие

игры: осознанно или неосознанно (традиционно, «по инерции»), — другой вопрос.

Тем более что дата 4 ноября неизбежно рассматривается «в связке и противовесе» с отмечавшимся при советской власти на протяжении более чем полувека «красным» праздником 7 ноября, то в год столетия Великой Октябрьской социалистической революции их «незримая битва» проходила с особой, даже нарочитой ожесточённостью. «Линия фронта» здесь достаточно давно проведена и достаточно хорошо известна. Но, что весьма показательно, бои здесь не ведутся постоянно: они то затихают, то вспыхивают вновь. И это указывает не на корневой, естественный и стихийный, а, наоборот, на весьма управляемый, «масочный» характер данного конфликта, за которым стоят весьма определённые интересы различных сил: как внутри, так и за пределами современного российского общества, которые в обозначенной выше схеме «мифологем» можно обозначить как «либеральные». Внутрirosсийский конфликт «красных» и «белых» — прежде всего в их интересах. Но, даже если бы это было не так, в любом случае отсюда абсолютно необходимым представляется проведение адекватного комплекса операций по смысловой и символической деконструкции данной «игровой матрицы», которую можно начать с указанных выше дат, почти полностью совпадающих в пространстве ежегодного календарного цикла: сначала — 7 ноября как более близкой по времени даты, затем — 4 ноября, после этого — актуального пространства их взаимодействия между собой, и, наконец, тех «окон возможностей» и «окон угроз», с которыми русской цивилизации и государству Российскому придётся столкнуться как в случае «включения» (put-in) в эту «игру престолов», так и в случае выключения (put-off) из неё. Без этого создать эффективную «контрматрицу» собственных действий представляется

затруднительным или даже абсолютно невозможным, что хорошо описано классиком отечественной литературы Н. В. Гоголем в повести «Пропавшая грамота». Имеется в виду сцена карточной игры героя-казака с нечистой силой — после того как он уже дважды остался в дураках и проигрывал в третий, решающий раз: «Пошёл, уже так, не глядя, простою шестёркою; ведьма приняла. «Вот тебе на! это что? э, э, верно, что-нибудь да не так!» Вот, дед карты потихоньку под стол — и перекрестил; глядь — у него на руках туз, король, валет козырей; а он вместо шестёрки спустил кралю. «Ну, дурень же я был! дурень же я был! Король козырей! Что! приняла? а? Кошечье отродье!.. А туза не хочешь? Туз! валет!..» Гром пошёл по пеклу; на ведьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, — шапка бух деду прямёхонько в лицо».

Трудно сказать, предусматривал ли Гоголь какие-то аналогии между шапкой своего героя с зашитым туда письмом гетмана к царице и «шапкой Мономаха» как символом высшей суверенной власти над Русью (понятие «Русь» будет рассмотрено ниже) — скорее всего, нет, но гений потому и гений, что способен воспринимать и обозначать законы, действующие во всей нашей весьма многомерной реальности.

В данном случае процесс деконструкции созданной «нечистой силой» мнимой реальности был чрезвычайно прост и понятен: игроку оказалось достаточно перекрестить карты в своей руке. С «картами», сданными нам на руки за последние 500 лет под видом отечественной и мировой истории, всё по определению будет не настолько просто.

**«АЛАЯ РОЗА» 7 НОЯБРЯ,
ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: НЕ СМЕРТЬ,
А СПАСЕНИЕ**

Любая «знаковая» дата включает в себе сразу три слоя смыслов:

внешний формальный, внутренний формальный и внутренний содержательный.

Празднование 7 ноября (25 октября по юлианскому календарю) как Дня Великой Октябрьской социалистической революции впервые официально было установлено постановлением президиума (верховного органа государственной власти в перерывах между съездами Советов и сессиями его Центрального исполнительного комитета) ЦИК СССР от 26 октября 1927 года «О праздничных днях, посвященных годовщине октябрьской революции, и об особых днях отдыха», в котором говорилось:

«Учитывая потребность трудящихся Союза ССР в наиболее полном ознаменовании дней годовщины октябрьской революции и связанных с нею достижений на пути социалистического строительства — Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

1. Годовщина октябрьской революции ежегодно, начиная с 1927 года, празднуется в течение двух дней — 7 и 8 ноября.

Производство работ в эти праздничные дни воспрещается на всей территории Союза ССР (за исключением тех общественно-необходимых предприятий и учреждений, в которых работа должна производиться непрерывно).

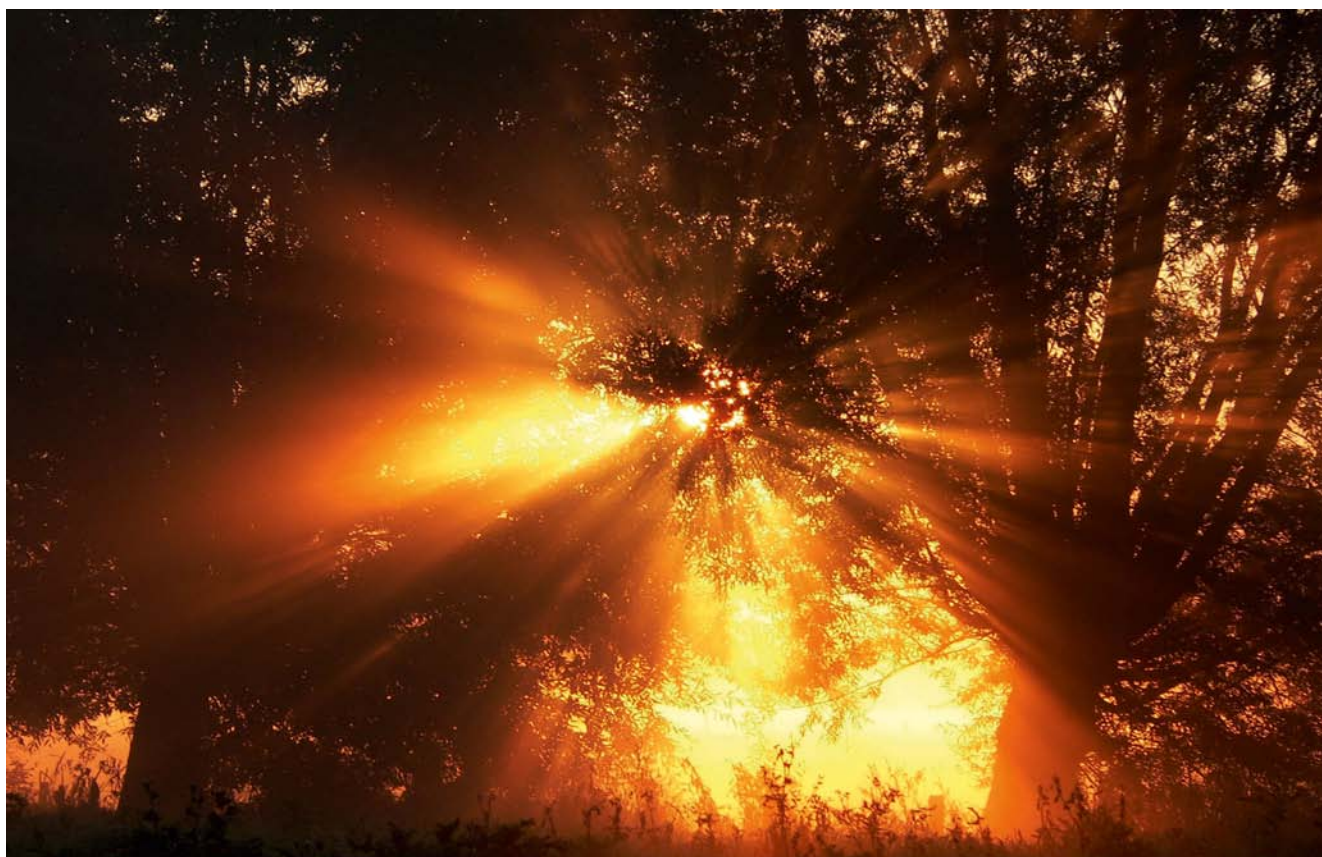
2. Особые дни отдыха устанавливаются, начиная с 1928 года, в числе семи в год, в порядке, определяемом кодексами законов о труде союзных республик.

3. Центральным исполнительным комитетам союзных республик предлагается согласовать законодательство союзных республик с настоящим постановлением».

Как можно видеть, ни Великой, ни социалистической, ни даже Октябрьской с большой буквы в данном документе события тогда десятилетней давности не именуются. До того празднование 7 ноября ежегодно осуществлялось, можно сказать, явочным порядком и стихийно «красной», революционной частью тогдашнего населения страны — разумеется, при поддержке органов центральной и местной советской власти, а также организаций Коммунистической партии. Более того,

долгое время события, приведшие к свержению Временного правительства и установлению в стране власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, публично именовались — даже лидерами новой власти — «октябрьским переворотом» и «октябрьским восстанием».

Отмечается, что с середины 1920-х до середины 1930-х годов наиболее употребительным стал термин «Октябрьская революция», хотя и он утвердился не сразу. Например, речь М.И. Калинина на торжественном заседании 6 ноября 1926 года называлась «К IX годовщине советской власти». Но уже в 1927 году доклад Н.И. Бухарина именовался «10-я годовщина Октябрьской революции», в 1928 году доклад А.В. Луначарского — «12-я годовщина Октябрьской революции», доклад В.М. Молотова в 1931 году — «Октябрьская революция и борьба за социализм», его же в 1933 году — «К годовщине Октябрьской революции». Термин же «Великая Октябрьская социалистическая революция» впервые публично прозвучал в речи Ярославского в январе 1935 года на VII Всесоюзном съезде Советов — правда, в форме «Великой

социалистической Октябрьской революции». Окончательное же и привычное для нас название «Великая Октябрьская социалистическая революция» данное историческое событие приобрело только на страницах «Краткого курса истории ВКП (б)», опубликованного в 1938 году.

Таким образом, понадобился 21 год, чтобы сформировать более-менее устойчивый образ данного события и, соответственно, его «имя». Даже в Конституции СССР 1936 года («сталинской») про Октябрьскую революцию 1917 года не говорится ни слова, хотя уже Конституция СССР 1977 года («брежневская») открывается словами: «Великая Октябрьская социалистическая революция, совершённая рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты

революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма».

Уже отсюда понятно, что «мифологизация» даты 7 ноября с течением исторического времени в отечественном (советском) обществе только нарастала, пока не достигла критической массы и не превратилась — на уровне государственной власти — в свою полную противоположность.

Наиболее «фундированную» либерально-прозападную версию по данному поводу высказала доктор политических наук, руководитель Центра россияведения ИНИОН РАН Ирина Глебова в статье «Выбор России. В октябре 1917-го Россия проиграла своё будущее», опубликованной 2 ноября 2017 года «Независимой газетой» (главный редактор — нынешний «теневой идеолог» Кремля Константин Ремчуков):

«Революция в её октябрьском изводе была направлена против освободительной, демократической, европейской линии русской истории. Она дала пример не эмансипации

индивида, но его нового закрепощения; отбросила Россию на особый путь, на котором страна отказалась от всех достижений цивилизации. Реакцией на все сложности, которые принесла в страну на рубеже XIX–XX веков современность, стал массовый запрос на упрощение, примитивизацию.

Для России падение 1917 года оказалось окончательным и бесповоротным. Полная катастрофа произошла с властью: весь XX век её бросало от кровавой диктатуры к полицейщине. Лучшее её время — застой: состояние внутреннего разложения, когда верхи паразитируют на природных запасах, прошлых достижениях, человеческих слабостях и т.д.

Была разрушена старая, многообразная, сложная социальная структура, связанные с нею формы жизни. В войне и революции покончила самоубийством Россия европейская. Это означало конец гражданского общества, гражданского активизма, вымирание людей европейского склада. Всё это победила Россия неев-

ропейская. Мы — её наследники, поэтому и не забываем Октябрь как свою революцию. Но победа очень быстро обернулась поражением. Прервалась естественная, мирная эволюция традиционной России. Её тоже упростили, лишили творческого потенциала, источников самостоятельности. Она закончилась в колхозах.

Проиграли все. Рванув из войны в революцию, страна, по существу, проиграла будущее, закрыла для себя те возможности, те перспективы, которыми располагала и которые обещала довоенная и дореволюционная Россия¹.

Нарисованная И. Глебовой картина является полным «негативом» того безусловного «позитива», который наполнял в советскую эпоху официальное содержание даты 7 ноября как празднования Дня Великой Октябрьской социалистической революции. Даже более того, она призвана «вбить» в общественное сознание современной России тот же тезис об «отсталости» и «неполноценности» населения нашей страны и (по умолчанию) структур её государственной власти по сравнению с «цивилизованным миром», от полученных «мирным, естественным и эволюционным путём» достижений которого оно в 1917 году якобы отказалось вследствие революции и установления советской власти.

Доктору политических наук, видимо, необязательно и даже противопоказано знать историю, особенно — в её очищенном от пропагандистской мифологии виде.

Ключевой вопрос здесь заключается в том, на что могла рассчитывать Россия в случае отказа «рвануть из войны в революцию». Ответ на этот вопрос может дать и судьба Австро-Венгрии, и судьба Российской империи, и судьба — через 70 с лишним лет после 1917 года — самого Советского Союза.

И эту судьбу, надо сказать, нельзя назвать сколько-нибудь приемле-

мой с точки зрения отечественной государственности и русской цивилизации в целом. После февраля 1917 года Временное правительство, находившееся в тесном взаимодействии и, можно сказать, под контролем государств Антанты, вело дело к расчленению бывшей Российской империи и возникновению на её территории множества малых национальных и псевдонациональных, «областных» государств, существование которых наверняка было бы легитимизировано международными соглашениями после окончания Первой мировой войны.

Кстати, весьма показателен тот факт, что США официально объявили войну блоку «Центральных держав» только 6 апреля 1917 года, когда стало понятно, что Российской империи больше не существует, а все обязательства «союзников» перед ней могут быть аннулированы. В тот же день 6 апреля японские войска высадились во Владивостоке. Арест Николая II состоялся 10 (22) марта 1917 года, а 10 апреля король Великобритании Георг V официально уведомил Временное правительство, что ранее сделанное им приглашение бывшего российского императора отзывается — из-за «негативного отношения общественности».

Как известно, «главковерх» адмирал Колчак был принят на службу в британскую армию, и вообще степень зависимости белых армий от внешних покровителей была близка к абсолютной. Собственно, большая часть истории Гражданской войны 1918–1922 годов была историей вооружённой борьбы Советского правительства против иностранных интервентов и созданных ими «туземных» армий — в рамках типичной колониальной практики того времени, но, разумеется, применительно к местным условиям. Уже 23 декабря 1917 года в Париже было заключено англо-французское соглашение (Сесия-Милнера) о разделе России

на «влияния» и поддержке всех «национальных» и прочих правительств, которые требовали суверенитета на её территории. Признание этих правительств предполагалось оформить после победы над «Центральными державами», а их статус вряд ли мог оказаться выше, чем статус, например, Чехословакии, которую Великобритания и Франция сначала даже всячески «накачивали», но затем спокойно пожертвовали Гитлеру по итогам Мюнхенского соглашения 29–30 сентября 1938 года.

В самой партии большевиков в то время «агентура Антанты» также была чрезвычайно влиятельна и сильна, а её борьба против возглавляемых Лениным сил была неотъемлемой составной частью Первой мировой войны — достаточно вспомнить историю заключения «похабного» Брестского мира (3 марта 1918 года), собственно, и приведшего к началу Гражданской войны, «сигнальным выстрелом» для чего стало восстание чехословацкого корпуса 25 мая 1918 года, а затем — создание эсеровского Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧ) 8 июня в захваченной чехословаками Самаре и «левоэсеровский мятеж» 6 июля. Все эти акции проходили под плотным «кураторством» официальных и неофициальных представителей государств Антанты, чьей задачей было в результате ослабления и возможного свержения власти большевиков отвлечь хотя бы часть сил Германии и её союзников от решающих битв на Западном фронте, затруднить поступление сырья и продовольствия с занятых немецкой армией территорий бывшей Российской империи. С другой стороны, «проанглийские», «профранцузские» и «проамериканские» силы внутри самой партии большевиков не препятствовали интервенции стран Антанты на российской территории — так появились «легальные», с разрешения Троцкого, десанты «союзников» в Мурманске (Романов-

¹ http://www.ng.ru/ideas/2017-11-02/5_7108_time.html

на-Мурмане) и Одессе, датированные мартом 1918 года, и оформленные решениями местных Советов прекращение их сил в Одессе и Закавказье.

Есть основания полагать, что если бы планы Лондона и Парижа по отношению к России в 1918–1919 годах оказались бы осуществленными, то наступление войск Антанты, несмотря на потери, не было бы остановлено в ноябре 1918 года, и бывшую Германскую империю в итоге разделили бы на части отдельных и «независимых» государств точно так же, как разделили Австро-Венгерскую. Но «единая Германия» — сначала Веймарская, а затем и нацистская — оказалась нужна англичанам и французам как «естественный» противовес для единой Советской России, утратившей по сравнению с Российской империей только Царство Польское, с частью западно-украинских и западно-белорусских земель, а также Великое Княжество Финляндское, прибалтийские губернии (где появились «новые независимые государства» Литва, Латвия и Эстония), небольшие территории Закавказья и оккупированную Румынией часть Бессарабии.

Разумеется, в ходе Гражданской войны 1918–1922 годов под разными предлогами на территории России уничтожались и разрушались в первую очередь промышленные предприятия и железные дороги. Промышленное производство в 1921 году составляло около 15% от максимума 1916 года, из 75 тысяч верст железных дорог оставались действующими только 15 тысяч (20%), общие экономические потери только по результатам Гражданской войны исчислялись в 39 млрд золотых рублей, а демографические — в 25 млн человек (без учёта отделившихся и захваченных иностранными государствами территорий).

Именно на этом основании Советское правительство отказалось от признания долгов царской России перед государствами Антанты и возврата национализированных активов иностранным собственникам.

Подводя итоги, можно сказать, что альтернативой «прыжку из войны в революцию» для России 1917 года был только «прыжок из войны в могилу». И наша страна, как боец Федор Сухов из кинофильма «Белое солнце пустыни», выбрала «желательно помучиться».

В итоге получилось то, что получилось. И фиксация даты 7 ноября в качестве Дня Великой Октябрьской социалистической революции только во второй половине 30-х годов прошлого века стала возможной только в результате полной внутриполитической победы «сталинизма» в Советском Союзе. А эта линия, в свою очередь, заключалась в ставке не на «мировую революцию», что предлагали «троцкисты», и не на встраивание СССР в мировую систему империалистического капитализма на правах агросырьевого придатка, что предлагали «бухаринцы», а в цивилизационном прорыве, получившем форму «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Это был триединый процесс индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и «культурной революции», точно осуществлённый в невероятно сжатые исторические сроки.

4 февраля 1931 года, выступая на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». То есть уже тогда, почти за два года до прихода к власти Гитлера, «отец народов» располагал весьма достоверным прогнозом или даже расчётом дальнейшего развития событий и строил свою работу исходя из весьма жёстких целевых ориентиров и весьма ограниченной ресурсной базы. Что во многом если не оправдывает, то объясняет ситуацию всего предвоенного десятилетия на территории СССР.

Вряд ли Октябрьская революция 1917 года могла бы получить

имя Великой и социалистической, если бы послереволюционный советский «цивилизационный эксперимент» не оказался настолько удачным и эффективным, что послужил после Второй мировой войны образцом для многих государств, в том числе — бывших колониальных и полуколониальных владений империалистических держав Европы, а также США (Куба) и Японии (КНДР).

Разумеется, особую роль в историческом наследии Великого Октября играет сегодня опыт Китайской Народной Республики, возглавляемой Коммунистической партией Китая и ставшей под её руководством первой экономикой современного мира, успешно преодолевающей тот «постиндустриальный» технологический барьер, который был заявлен либеральными идеологами и пропагандистами в качестве главного «триггера» уничтожения советского Красного проекта.

Отсюда, не вдаваясь в излишнюю формализацию доказательств, которые, применительно к советским реалиям, и без того достаточно хорошо известны, можно подвести итог первого этапа нашей деконструкции, объектом которого было празднование даты 7 ноября григорианского календаря (нового стиля) в качестве Дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Его «внешняя форма» — это утверждение легитимности Великого Октября как источника государственной власти на территории Советского Союза.

Его «внутренняя форма» — утверждение принципа «симфонии» государственной власти и коммунистической партии, опирающейся на идеологию марксизма, с приоритетом второй по «римскому» образцу.

«Внутреннее содержание» — утверждение «правильности» и «исторической неизбежности» политической и социально-экономической победы социализма сначала в России как «слабом звене» мировой капиталистической системы, а затем и во всём мире.

«БЕЛАЯ РОЗА» 4 НОЯБРЯ, ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА: ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Напомним, что 4 ноября 2017 года Российская Федерация уже в тринадцатый раз отметила государственный праздник — День народного единства, установленный в 2005 году как «память об освобождении Москвы от польских интервентов» осенью 1612 года и связанный с православным праздником Иконы Божией Матери Казанской.

Что касается внешнего формального смысла, то есть хронологической канвы празднования 4 ноября как Дня народного единства, то подавляющее большинство критиков указывает на то, что, согласно имеющимся историческим данным, собственно 25 октября 1612 года «старостильного» юлианского календаря (день, который соответствует в настоящее время дате 4 ноября 1612 года по «новому стилю», то есть по григорианскому календарю) в Москве никаких важных событий не происходило: капитуляция кремлёвского гарнизона под командованием польского полковника Николая Струся состоялась лишь тремя днями позднее, то есть 28 октября (7 ноября) 1612 года, а решающие бои в Китай-городе шли 22–24 октября (1–3 ноября). При этом само празднование Казанской Иконы Божией Матери (в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 году) было установлено царём Алексеем Михайловичем Романовым (отцом Петра I) только в 1649 году на день 22 октября «старого стиля», то есть юлианского календаря.

Вот текст этого царского указа (по другим данным — окружной грамоты) от 29 сентября 1649 года: «В 1613 году, в 22-й день октября, милостию Божиею, молитвами и заступлением Пречистыя Владычицы нашей Богородицы Казанския чудотворныя иконы, на память Аверкия епископа Иерапольского чудотворца, Московское Государство от литовских людей очистилось, и ради

сего Божия милосердия установили праздновать Пречистой Богородице чудотворной иконы Казанския, в царствующем граде Москве при отце нашем блаженныя памяти великом Государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея России. А в 1648 году, в 22-й день октября, на праздник Пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Казанския, во время всенощного пения, Бог даровал, родился нам сын — Государь цесаревич князь Димитрий Алексеевич; и мы указали ныне праздновать в 22-й день октября Пречистой Богородице чу-

дотворныя иконы Казанския, во всех городах, по вся годы...»

К содержанию этого документа мы еще вернёмся, но пока подведём черту под хронологическими моментами данного праздника, который в XVII веке был назначен на 22 октября, день начала успешного штурма Китай-города Вторым ополчением под руководством князя Дмитрия Пожарского, соответствовал «григорианскому» 1 ноября и только за последующие три века, из-за разницы между «старостильным» и «новостильным» календарями, «мигрировал» как раз на дату 4 ноября, кото-

рую наши власти выбрали в качестве Дня народного единства.

Поскольку переход на григорианский календарь («новый стиль») в России был установлен только декретом Совнаркома от 26 января 1918 года, согласно которому следом за днём 31 января в стране сразу наступало не 1, а 14 февраля, то после 2100 года данный праздник «по уму» придётся переносить на 5 ноября, после 2200 года — на 6 ноября и после 2300 года — на 7 ноября, но параллельно должна смещаться и официальная дата Октябрьской революции 1917 года (25 октября по «старому стилю»).

А теперь вернёмся к царскому документу.

Понятно, что 22 октября 1613 года Московское государство «от литовских людей» ничуть не «очистилось» (хотя царю, конечно, виднее), но 22 октября (1 ноября) 1648 года у моло-

дого 19-летнего царя Алексея Михайловича, впоследствии прозванного Тишайшим, второго из династии Романовых, родился первенец-наследник, наречённый Дмитрием (Димитрием) в честь святого Дмитрия Солунского (память 26 октября (8 ноября)). И появился он на свет под звуки пения всенощной службы в церкви Казанской иконы Божией Матери — кстати, построенной по обету военным руководителем победного Второго ополчения князем Дмитрием Пожарским на углу Красной площади и Никольской улицы.

Сама же икона Богородицы Казанская стала символом преодоления Смуты благодаря патриарху (с 2 (13) июля 1606 года) Московскому и всея Руси Гермогену († 17 (27) февраля 1612 года), который был вдохновителем политической и религиозной самостоятельности Московского

царства, непримиримым противником католицизма и Речи Посполитой. С именем патриарха Гермогена (в миру — Ермолая) связано прославление этой чудесно обрётённой в 1579 году иконы: сначала — местно, в Казани, где он прошёл все ступени церковной иерархии, от священника до митрополита Казанского, а затем — и по всей России. По его благословению список иконы в 1611 году был передан Первому ополчению во главе с рязанским воеводой Прокопием Ляпуновым, однако «не нашёл должного почитания» среди его казачьей части. Распри, которые привели к убийству Ляпунова и развалу Первого ополчения, благодаря письмам патриарха Гермогена были объяснены прежде всего небрежением в почитании чудотворного образа. Соответственно, для Второго ополчения под руководством Минина и Пожарского эта икона стала уже главной святыней:

именно ей постоянно молились, с нею выступали в поход и шли в бой, — а состоявшееся наконец-то освобождение Москвы вызвало всё более широкое почитание Казанской иконы и в народных «низах».

Как раз на волне победы 1612 года и связанного с ней массового религиозного энтузиазма преемнику Гермогена — патриарху Филарету (в миру — Фёдору Никитичу Романову), которого и следует считать истинным основателем династии Романовых, удалось добиться от Земского Собора 1613 года провозглашения царём своего сына, 16-летнего Михаила Фёдоровича.

Поэтому логично предположить, что подобная «привязка» празднования Казанской иконы одновременно к дате победы над «литовскими людьми» (что не соответствовало действительности) и к дню рождения наследника престола вполне соответствовала личным и династическим интересам глубоко верующего Тишайшего царя, который, как известно, пристально следил за всем, что происходило за пределами его государства, особенно — к западу от них, и к тому времени уже был готов принять на себя роль политического лидера вселенского православия, в полном соответствии с принципом «Чья власть — того и вера» Мюнхенского и Оснабрюкского соглашений 1648 года, более известных как Вестфальский мир, но она также (и это, вероятно, — самое главное) соответствовала интересам всего русского общества того времени: крестьян, мещан, но в первую очередь — служилого сословия Московского царства. Это сословие стремительно росло и набирало силу в связи с захватом и освоением новых земель, что впоследствии привело и к принятию под протекторат Москвы казацкой Гетманщины, и к Расколу в Русской православной церкви.

То есть церковно-государственный праздник Иконы Божией Матери Казанской 22 октября (старого стиля), получивший «реинкарнацию»

в качестве Дня народного единства 4 ноября, — это, прежде всего, семейный, «фамильный» праздник Романовых как правящей в России династии.

Даже внезапная смерть 6 (16) октября 1649 года царевича Дмитрия Алексеевича, скончавшегося буквально через неделю после оглашения этого царского указа, не привела к отмене нового праздника, который в своей внутренней форме соединял русское продвижение на Восток, начатое со взятия Казани Иваном Грозным, с противостоянием Западу в лице сначала лютеранской Швеции и — особенно — католической Речи Посполитой, а затем — других европейских стран. Соответственно в начале XX века череда военно-политических поражений империи Романовых на Востоке и на Западе окончательно разрушила эту её внутреннюю форму, что и привело к революциям 1917 года. Внутренний же смысл этого праздника заключался в установлении/возобновлении принципа «симфонии» между государственной властью и православной церковью, который, как подразумевалось, был нарушен Иваном Грозным, что привело к закату династии Рюриковичей, которые после этого лишились не только московского царского престола, но и прав на него, делегитимации власти Бориса Годунова, Смутному времени и, собственно, к воцарению Романовых,

Что не менее важно, в том же 1649 году, в ходе Великой Английской революции, 30 января (9 февраля) был казнён король Карл I Стюарт, после чего Алексей Михайлович отменил все привилегии английских купцов, которые были предоставлены им предшествующими московскими царями начиная с Ивана Грозного.

«Английский фактор» в российской истории XVI–XVII веков остаётся недостаточно изученным, однако его принципиальная важность не подвергается никакому сомнению. Прежде всего потому,

что Англия того времени была жизненно заинтересована в России, где с 1555 по 1698 год обладала (с перерывами) правом монопольной внешней торговли и откуда на протяжении более чем века потоком шли строевой лес, пенька, лён и прочие важнейшие для любой тогдашней морской державы товары. До «Правь, Британия, морями!» было ещё очень далеко, а конкуренцию туманному Альбиону на океанских просторах составляли такие мощные державы того времени, как Испания, Франция, Нидерланды и даже Португалия.

Основанная в 1551 году в Лондоне двенадцатью «посвящёнными» во главе с сэром Хью Уиллоби (Hugh Willoughby) и Себастьяном Каботом (Sebastian Cabot), сыном знаменитого Джона Кабота (Джованни Кабото), компания под названием «Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places unknown» («Гильдия и компания купцов-предпринимателей для открытия регионов, доминионов, островов и мест неизвестных») воспринималась как последний шанс Англии вырваться на новый мировой рынок и застолбить на нём хоть какое-нибудь место. Слово «adventures» в праве того времени означало не «авантюристы» и не «искатели приключений», но «лица, действующие на свой страх и риск», без поручений и ответственности суверена, что означало для них «в случае чего» гарантию быть вздёрнутыми на рею без суда и следствия, а для государства — отсутствие повода для объявления и ведения войны, поскольку такой роскоши в середине XVI века Англия ещё не могла себе позволить. Три корабля первой экспедиции: «Бона Эсперанса» (Bona Esperanza) под командованием самого Уиллоби, а также «Эдвард Бонавентура» (Edward Bonaventure) под командованием капитана Ричарда Ченслора (Richard Chancellor) и «Бона Конфиденция» (Bona Confidentia) под командованием капитана Корнелия Дюрферта вышли 10 мая 1553 года

из порта Рэтклиффа на поиски северного пути в Китай — соваться в южные широты, где царили испанский и португальский флоты, было ещё безнадежной затеей для англичан. Корабли Уиллоби и Дюрферта, дошедшие до Новой Земли, вместе с экипажами погибли, пытаясь перезимовать на берегах Баренцева моря, а вот Ченслора, чей корабль отстал от других из-за шторма и более низких мореходных качеств, ждал грандиозный успех: он попал в Белое море и установил контакт сначала с холмогорским воеводой Фофаном (Феофаном) Макаровым, а затем — и с царем Иваном Грозным, который вызвал заморских «гостей» в Москву и принял их там с полным и в целом несвойственным ему радушием и доверием, не только предоставив право беспопытной торговли с подвластными Москве землями, но и забрав себе корабельного лекаря в качестве придворного врача.

Сам Ченслор на обратном пути также погиб в кораблекрушении, но северный торговый путь с Московским царством был установлен, а привезённые оттуда в Англию товары, особенно меха, вызвали волну энтузиазма. Mystery была переименована в Московскую компанию и стала первой в ряду «колониальных» компаний туманного Альбиона (вторая по счёту, Марокканская, была учреждена в 1575 году, Остзейская, для торговли с Прибалтикой, — в 1581 году, а знаменитая Ост-Индская — лишь в 1600 году). Так что все методы «настоящей», «заморской» колониальной экспансии: торговой, финансовой, политической и так далее, — английским «элитным» сообществом «обкатывались» изначально на России, поскольку Ирландия была просто оккупированной сопредельной территорией.

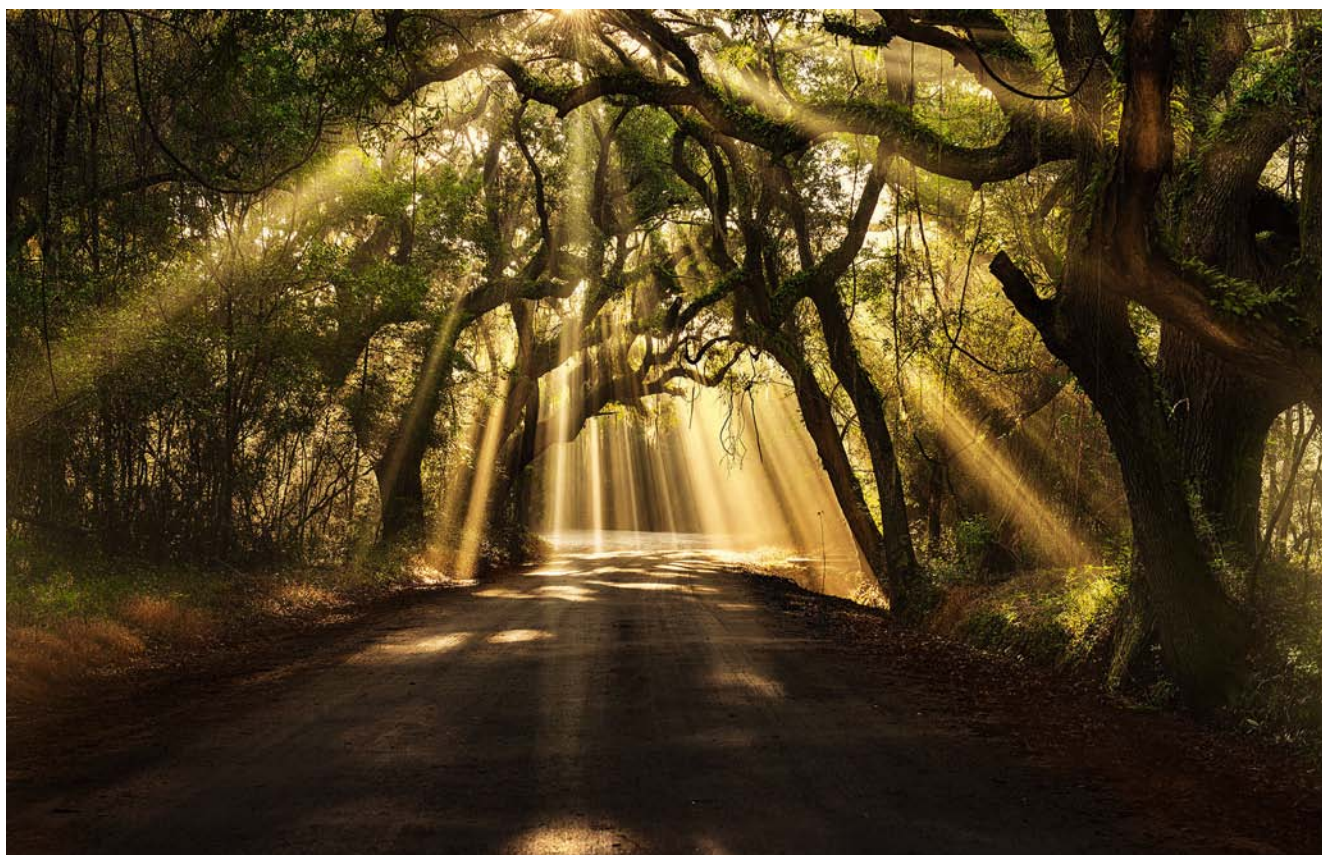
Ряд исследователей утверждает, что в последующие годы именно агенты Московской компании в Кремле травили ртутьсодержащими препаратами Ивана Грозного и членов его семьи, затем, после отмены Борисом Годуновым в 1601 году пра-

ва монополии на внешнюю торговлю Московского царства и нескольких отказов возобновить её (так, агент компании Джон Меррик, известный в русских землях как «Ивашка Ульянов», получил отказы в 1602 и 1604 годах), отравили и его, а также способствовали на исходе Смуты возвышению династии Романовых, чья усадьба в Москве соседствовала со штаб-квартирой компании (Английский двор, расположенный по адресу: улица Варварка, дом 4, является едва ли не единственным сохранившимся в российской столице зданием того времени, кроме церковных), а сам Фёдор Никитич Романов до опалы и пострижения в монахи ведал при царском дворе как раз отношениями с Московской компанией. Влияние англичан на поволжские города Московского царства, поскольку именно этот удобный речной путь активно использовался ими в своей торговле, было настолько велико, что Королевский Совет в Лондоне в 1611 году постановил, что земли вдоль Северной Двины и Волжского понизовья с городами Архангельском, Холмогорами, Устюгом, Тотьмой, Вологодой, Ярославлем, Нижним Новгородом, Казанью и Астраханью должны были отойти под протекторат Якова I. А ведь именно Поволжье и стало главной силой, которая сформировала Второе ополчение.

В частности, современный российский историк Андрей Васильченко пишет: «Английские торговцы при посредничестве ярославских купцов выразили готовность на определённых условиях субсидировать ополчение. Пока Минин с Пожарским стояли в Ярославле, в Архангельске высадился английский отряд из 200 хорошо вооружённых наёмников (которыми командовал всё тот же Джон Меррик и знаменитый военачальник барон Уильям Рассел (1553–1613). — Авт.). Судя по всему, он сопровождал большую казну. Не встречая сопротивления, отряд двинулся на юг и в Переславле пересёкся с русским ополчени-

ем. Есть данные, что кроме денег князю Пожарскому передали ружья и пушки... После этого ополчение, ранее не проявлявшее особой прыти, форсированным маршем двинулось к Москве и вскоре выбило оттуда поляков».

И действительно, какую ещё позицию мог занимать тогдашний Лондон в событиях Смутного времени? Ведь он был жизненно заинтересован в том, чтобы Москва не оказалась в политическом отношении подчинена католической Речи Посполитой, в реалиях того времени — союзнице Испании. Вообще, конец XVI — начало XVII веков — период ожесточённой борьбы за морское господство, в которой англичанам, «стартовавшим» только в 1560-е годы, при королеве Елизавете (экспедиция Джона Хокинса 1563 года), приходилось нелегко: война за независимость Нидерландов — 1566–1649 гг., поход Френсиса Дрейка — 1577–1580 гг., первая заморская колония, «рыбный» Ньюфаундленд — 1583 год, разгром испанской «Непобедимой Армады» — 1588 год (после этой победы Френсис Дрейк даже написал грамоту московскому царю Федору Иоанновичу с благодарностью за оснастку английского флота), поражение «Контр-Армады» — 1589 год и т.д. И в Испании, и во Франции быстро поняли важность перекрытия торговли между Англией и Московским царством, а поскольку обе эти державы оставались католическими и имели значительное влияние на папский престол в Риме, то военно-политические успехи объединённого польско-литовского государства в русских землях могли значительно ослабить мощь английского государства в целом и досаждавшего им английского флота в частности. Что, собственно, и происходило на протяжении всего Смутного времени. В 1603 году, после смерти королевы Елизаветы, английский престол под именем Якова I занял шотландский король Яков VI Стюарт, а в 1604 году между Испанией и Англией был заключён в целом невыгодный для последней

Лондонский мир, формально длившийся до 1625 года, хотя английская морская экспансия возобновилась уже в 1618–1620 годах. Так что связи и параллели с положением дел в России прослеживаются вполне отчётливо.

Поэтому новая отмена привилегий Московской компании царём Алексеем Михайловичем, установленная именным указом «О высылке Английских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные для торговли Российской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство Короля Карла I» от 1 (11) июня 1649 года (кстати, Московская компания была одним из главных кредиторов Долгого парламента) не могла остаться без реакции с английской стороны. Какой именно характер носила эта реакция, сегодня в полной мере судить сложно, однако внезапные смерти двух сыновей Алексея Михайловича: Дмитрия 6 (16) октября 1649 года и Алексея 7 (17) февраля 1670 года,

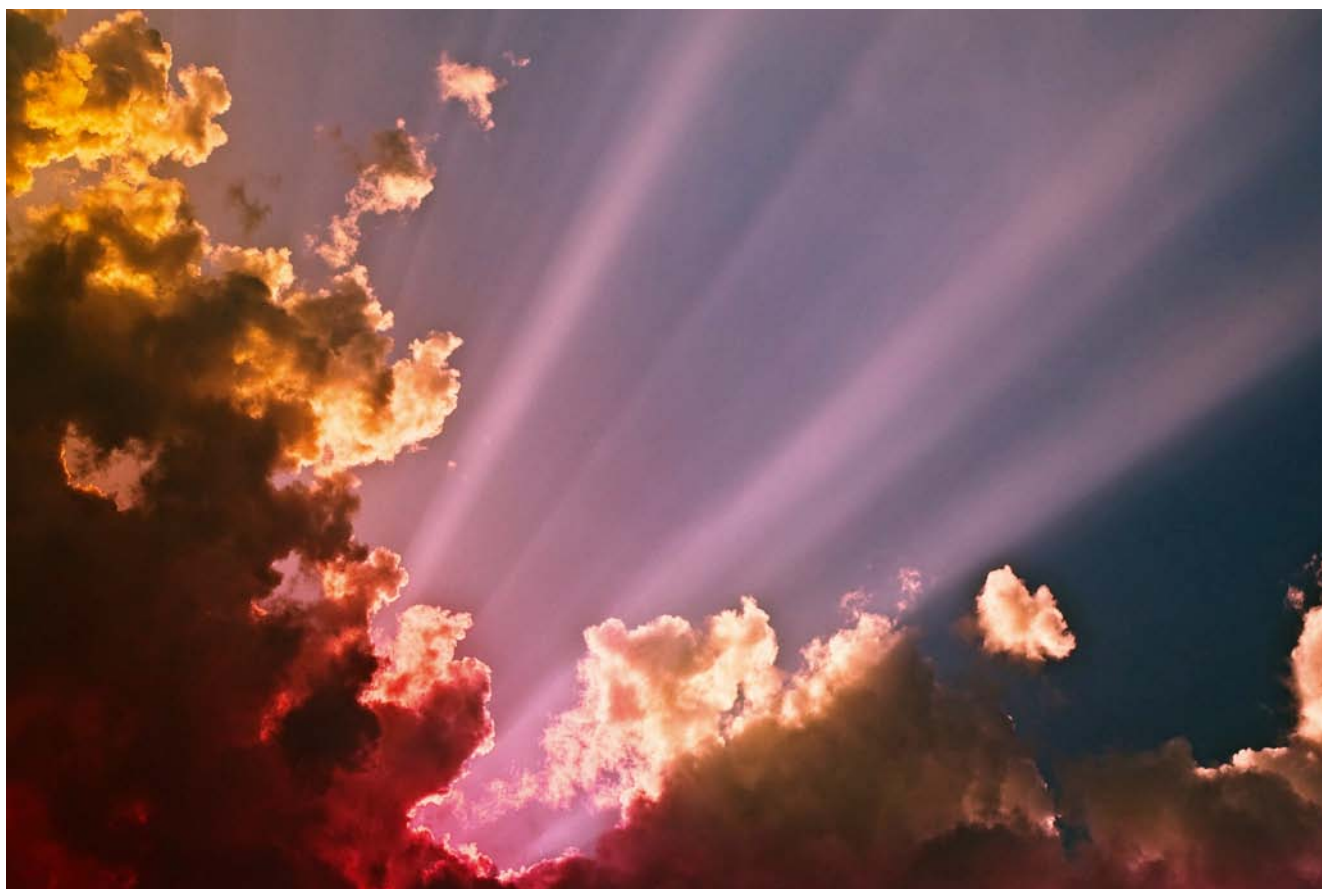
уже после начала Раскола, вполне могут быть сопоставлены: первая — с попыткой избавиться от английской зависимости в делах внешней торговли, а вторая — с отказом царя от восстановления прежних привилегий в полном объёме (частично они были восстановлены ещё в 1660 году, после восшествия на английский престол Карла II Стюарта). Кстати, английский след как в Расколе (поддержка староверов), так и в восстании Разина прослеживается вполне отчётливо.

Установление празднования Казанской иконы, таким образом, приходится на самый пик обострения отношений между Москвой и Лондоном, являясь фактическим приказом царской власти «забыть» о роли «англинских немцев» в воцарении династии Романовых, так что данный праздник можно считать в значительной мере «антибританским».

Окончательная отмена привилегий Московской компании в России приходится уже на 1698 год, когда

Пётр I вернулся из своей зарубежной поездки в составе Великого Посольства. Дальнейшая история российско-английских (вернее, после 1707 года, — российско-британских) отношений достаточно хорошо известна, включая Семилетнюю войну, восшествие на престол Российской империи Екатерины II, убийство Павла I, разгром Наполеона, Венский мир, восстание декабристов, Крымскую войну и так далее, вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Так или иначе, к 1914 году, году начала Первой мировой войны, вложения английских капиталов в экономику Российской империи оценивались в 501,1 млн из общей суммы иностранных инвестиций в 2007 млн золотых рублей (24,97%, второе место после Франции, располагавшей активами на 648,1 млн рублей), при этом львиная их доля, 307 млн рублей, приходилась на горнодобывающую промышленность (39,59% всех зарубежных вложений в эту отрасль), ещё 64,5 млн —

на текстильную (51,11%), в то время как на обрабатывающие производства — всего 28 млн (7,89%). При этом в Банке Англии хранилось золото царской семьи Романовых и часть золотого запаса Российской империи (всего свыше 1000 тонн), но государственный и гарантированный государством внешний долг в 1914 году составлял 6771 млн золотых рублей, из которых на долю Великобритании приходилось всего 330 млн рублей (для сравнения: доля Франции составляла около 3850 млн, доля Германии — 1554 млн).

А ведь «промахнись» Ричард Ченслор в 1553 году мимо России, не раздели буря его «Эдвард Бонавентура» с двумя другими кораблями той экспедиции, — судьбы и нашей страны, и всей планеты могли бы оказаться совершенно иными, а Британская империя вместе с США — так и не появиться на планете в том виде, в котором все мы их знаем. Но — «у истории нет сослагательного наклонения» (И. В. Сталин).

Подводя итог второго этапа нашей деконструкции, объектом которого было празднование даты 4 ноября григорианского календаря («нового стиля») в качестве Дня народного единства, следует выделить следующие моменты.

«Внешняя форма» — утверждение «фамильного» праздника Романовых в статусе общегосударственного праздника.

«Внутренняя форма» — утверждение принципа «симфонии» государственной власти и православной церкви с приоритетом первой по «византийскому» образцу.

«Внутреннее содержание» — утверждение «богоизбранности» династии Романовых на царском престоле, отрицание любых обязательств с её стороны перед какими-либо внешними силами, в первую очередь — перед английской короной.

Обозначив эти моменты, перейдём к завершающей части нашего доклада.

ИСКУССТВО СОСТАВЛЕНИЯ БУКЕТОВ: ГЛАВНЫЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, мы подошли к важнейшей проблеме совместимости двух «традиций» отечественной истории, двух её «Роз»: «белой» и «красной». Причём подошли с той стороны, где привычная идейно-политическая мифология уже не маскирует смысловую ситуацию.

Обобщающий анализ позволяет сделать вывод, что по линии «внешней формы» утверждение «фамильного» праздника Романовых 4 ноября выглядит (и является) абсолютно несовместимым с утверждением легитимности Великой Октябрьской социалистической революции через празднование 7 ноября, хотя современная Российская Федерация даже в юридическом отношении является правопродолжательницей всё-таки не Российской империи, а Советского Союза.

По линии «внутренней формы» принцип «симфонии» государствен-

ной власти и православной церкви с приоритетом первой по «византийскому» образцу несовместим с утверждением принципа «симфонии» государственной власти и коммунистической партии, опирающейся на идеологию марксизма, с приоритетом второй по «римскому» образцу.

По линии «внутреннего содержания» — утверждение «богоизбранности» династии Романовых на царском престоле России несовместимо с утверждением о «правильности» и «исторической неизбежности» политической и социально-экономической победы социализма сначала в России, как «слабом звене» системы капитализма, а затем — и во всём мире.

То есть матрица «войны Белой и Алой Розы» является точно спроектированным многоуровневым внутрисистемным конфликтом, проекция которого в современную политическую жизнь России не может закончиться ничем, кроме взаимной аннигиляции задействованных в данном конфликте общественных сил. В данном отношении, например, возникновение после отказа Кремля от празднования 100-летия Великого Октября политического феномена Павла Грудина выигрывает не стихийной флуктуацией, а закономерным этапом развития указанного выше системного конфликта. Стороны которого «вписаны» в данный сценарий и одновременно идут «по вектору ошибки», каждый — своей.

Из этой лжедилеммы необходимо выйти, и чем быстрее — тем лучше.

Ещё в 1987 году, на пике горбачёвской перестройки, поэт Николай Зиновьев уловил и обозначил эту дилемму в стихотворении, озаглавленном «У монумента жертвам Гражданской войны» (*подчеркнём: не героям, а жертвам!* — Авт.):

*Над легендарною тачанкою
Плывут неспешно облака.
И ветер песнь поёт печальную
В гранитных гривах.*

На века

Застыли кони оголтелые...

На постаменте — солнца блик,

Кладу к нему букет гвоздик.

Гвоздики красные и белые.

По сути, единственный способ выйти из этого на первый взгляд неразрешимого системного конфликта — переформатировать его в красно-белый «букет», основой которого должна стать общая для двух этих концепций патриотическая и «анти-западная» составляющая — без проекции в настоящее идеологических мифологизаций истории.

А это, в свою очередь, возможно только в рамках достаточно сложной «контрматрицы» действий, включающей в себя:

- утверждение России в качестве «открытой системы» и приоритета внешних конфликтов над внутренними на протяжении всей её истории, понимаемой как непрерывное единство, без разделения на «золотой век» и «чёрные дыры»;

- понимание Великого Октября 1917 года в качестве, прежде всего, не «классовой», а общенациональной и антиколониальной революции, давшей пример, модель и образец для всего мира XX века;

- отказ как от «либеральной» версии краха «красного проекта» (советская система («совок») была «ошибкой истории», «империей зла» и «царством несвободы», которая попирала все законы человеческого бытия и вообще не имела права на существование, что и было доказано её уничтожением совместными усилиями передовой части населения СССР при полной поддержке мирового цивилизованного сообщества, с множеством подвариантов), так и от «патриотической» (Советский Союз был уничтожен в результате заговора враждебных внешних сил, которые опирались на свою агентуру в советском обществе, прежде всего — в высшем руководстве КПСС и КГБ);

- воссоздание идеологии нового типа, ориентированной на со-

хранение и развитие фундаментальной идентичности человека и человеческих сообществ в новой информационно-технологической среде как альтернативы сценариям создания «транс/постчеловечества», которые реализуются в рамках концепции «неоглобализма» социально-политической верхушкой «коллективного Запада».

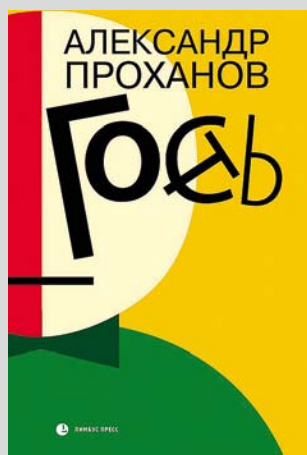
Без создания такой «контрматрицы» Россия как государство и русская цивилизация («Большая Россия», «Русский мир») в целом не сможет избежать тех «окон угроз» и открыть для себя те «окна возможностей», которые связаны с её вступлением в предложенную «неоглобалистами» «игру престолов». Вариант с отказом от этой игры является на самом деле заведомо проигрышной стратегией участия в ней согласно старинной максиме: «Если ты не будешь заниматься ЭТИМ, ЭТО займётся тобой».

У нас в этой игре на самом деле, как и накануне горбачёвской перестройки с ельцинскими «рыночными реформами», — абсолютно выигрышные ресурсы и позиции, а те из них, которые сегодня таковыми не являются и не выглядят (например, демография или высокая степень социального неравенства, низкотехнологичное производство и т. п.) достаточно легко компенсируются и не имеют решающего значения. Опыт Смутного времени и Русской Революции 1917 года свидетельствует об этом с полной очевидностью. Что же касается праздничных дат 4 и 7 ноября, с изучения которых был начат настоящий доклад, то рекомендация здесь может быть только одна: их календарную, хронологическую близость необходимо превратить в содержательную, установив четырёхдневные праздничные «каникулы» 4–7 ноября каждого года в качестве главного государственного праздника, посвящённого единству истории нашей страны и её утверждению в качестве полноправного актора развития всей человеческой цивилизации.

Александр ПРОХАНОВ. Гость. Роман. —

СПб.: Лимбус Пресс (издательство К. Тублина), 2018. — 231 стр.

Роман-притча о современном Сальери, ненавистным и недостижимым Моцартом для которого является Россия во всех её проявлениях. И о том, как «большое искусство» в современном «постмодернистском» мире вступает в симбиоз с большой политикой и большими деньгами, зачастую создавая сверхъестественные, но, как правило, бесплодные мутации, ибо сказано: «Блаженны кроции, яко на-

следят землю». Пример одной из таких мутаций — «гения перформанса» Аркадия Веронова, отдавшего свои таланты и свою жизнь ради благ мира сего и использующего искусство как разновидность «чёрной магии», Александр Проханов описывает со скрупулёзностью специалиста-лепидоптеролога, в поле зрения которого оказалась невиданная ранее особо вредоносная бабочка, повадки и жизненный цикл

которой нужно изучить. В данном случае — не столько ради абстрактного, научного интереса, но прежде всего — с целью уменьшения или даже, по возможности, пресечения приносимого представителями данной популяции вреда, который имеет почти инфернальную природу, поскольку один взмах её крыльев, как выясняется, действительно способен вызывать цунами, массовые психозы или военные конфликты.

Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ. Криминал будущего уже здесь —

М.: Книжный мир, 2018. — 512 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Человеческая цивилизация подошла к черте, за которой она, скорее всего, перестанет быть человеческой. Но останется ли она после этого цивилизацией? Провозглашение и неуклонная реализация принципа «прав человека» привели к результатам, отрицающим не только эти права, но и ценность самого человека. Высочайшие технологические достижения современной цивилизации становятся фундаментом для отрицания

её же традиционных, в том числе этических, принципов. Стандарты общения в социальных сетях сегодня куда ближе к нормам каменного, чем XXI века. «Электронный тоталитаризм» — уже не антиутопия, а всеобъемлющая неизбежность, которая постепенно становится реальностью. Одним из аспектов этой «новой реальности» является взрывное развитие «киберпреступности», проникающей буквально во все аспекты вза-

имодействия человека с «миром онлайн»: его финансовые транзакции, передвижения, круг общения, интересов и предпочтений, убеждения, состояние здоровья и т.д. Данная книга является своего рода мини-энциклопедией современной «киберпреступности» и возможных методов противодействия ей, квинтэссенцией изысканий авторов, постоянных членов Изборского клуба, и их многочисленных публикаций на эту тему.

Александр АГЕЕВ, Татьяна ИВАНОВА. Будущее отбрасывает тени. —

М.: Институт экономических стратегий, РУБИН, 2017. — 256 с.

Искусственный интеллект, обладающий самосознанием и аналогом чувственной сферы; целевое редактирование генома биологических объектов; тотальная роботизация производства и логистики товаров и услуг в купе с информационной и энергетической «точками сингулярности» — мир будущего предстаёт перед авторами в виде ещё не до конца по-

нятной и сформированной, но куда более многомерной и потенциально злойшей «матрицы», чем представленная в одноимённом фильме бывших братьев Вачовски. «Главный вызов сегодня — в необходимости оперативного и эффективного освоения интеллектуальной производительной силы в интересах развития общества. Один из важнейших её аспектов —

знание о том, как функционируют рынки. Другой важный аспект — как выстроить успешную кооперацию отечественного и мирового интеллекта и на этой основе обеспечить технологическое лидерство там, где в России уже существуют или могут быть созданы конкурентные преимущества» — так формулируется главная цель этой книги.

Хронология мероприятий клуба

Во время спуска на воду атомного ледокола «Сибирь»

20–23 сентября 2017 года

В Санкт-Петербурге состоялось открытие регионального отделения Изборского клуба, а также прошёл круглый стол «Русская Арктика: стратегия развития», на котором выступили председатель Изборского клуба Александр Проханов, член Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, член президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики Вячеслав Штыров; первый заместитель председателя Изборского клуба Олег Розанов; заместитель председателя Изборского клуба Александр Нагорный; председатель Санкт-Петербургского отделения Изборского клуба, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС, д.э.н., действительный государственный советник РФ I класса. Владимир Шамахов; историк, писатель, общественный и политический деятель Николай Стариков; постоянный член Изборского клуба Юрий Тавровский; руководитель военной секции Изборского клуба Владислав Шурыгин. Делегация изборцев, в которую входили также председатель Брянского регионального отделения клуба Сергей Ушкалов; политолог, эксперт клуба, профессор Ом-

ского государственного университета им Ф.М. Достоевского Инна Ветренко; руководители медиаобразовательного центра Изборского клуба Руслан Захаров и Юлия Сурилова; пресс-секретарь Изборского клуба писатель Екатерина Глушик и арт-директор журнала клуба фотограф Василий Проханов, встретились с губернатором Санкт-Петербурга Георгием Полтавченко, а также присутствовала при спуске на воду атомного ледокола «Сибирь».

29 сентября – 2 октября 2017 года

Делегация Изборского клуба (Александр Проханов, Сергей Глазьев, Олег Розанов, Виталий Аверьянов, Михаил Делягин, Валерий Коровин и др.) побывала в Керчи, Феодосии, Коктебеле, Симферополе, провела встречи с руководством Республики Крым (в том числе — с главой республики Сергеем Аксёновым и председателем Государственного совета Владимиром Константиновым). Были проведены круглые столы: «Крымский мост как путь к русской мечте», «Коды русской истории. Родина в сознании молодёжи». Учреждено региональное отделение клуба.

10 октября 2017 года

В рамках просветительско-патриотической программы «Имперское искусство» Оренбургского регионального отделения Изборского клуба с 9 по 12 октября в Оренбурге и Оренбургской области с творческим визитом находился заслуженный художник России, постоянный член Изборского клуба Геннадий Животов, который открыл персональную выставку графики «Охотник за временем» в Оренбургском областном художественном колледже, провёл мастер-классы в Оренбургском областном художественном колледже, в Детской школе искусств Соль-Илецкого городского округа Оренбургской области, а также в Оренбургской Епархиальной православной гимназии им. Св. прав. Иоанна Кронштадтского. В здании гимназии прошёл круглый стол на тему «Искусство и время: свобода и ответственность», где помимо Геннадия Животова приняли участие: вице-губернатор, руководитель аппарата губернатора и правительства Оренбургской области Дмитрий Кулагин; председатель правления Оренбургской региональной писательской организации Союза писателей России, председатель Оренбургского регионального отделения Изборского клуба Михаил Кильдяшов; ректор гимназии протоиерей Георгий Горлов; представители оренбургской общественности. После окончания круглого стола Геннадий Животов передал в дар Оренбургской Епархиальной православной гимназии им. Св. прав. Иоанна Кронштадтского цикл своих графических работ для постоянной экспозиции.

11 октября 2017 года

В Брянске по инициативе регионального отделения Изборского клуба прошёл круглый стол «Основные направления интеграционных процессов в Восточной Европе» с участием учёных и общественных деятелей из Сербии, Республики Молдова, Приднестровской Молдавской Республики, России, а также руководителей национальных диаспор, представителей общественности.

Геннадий Животов на открытии выставки «Охотник за временем»

25 октября 2017 года

В Казани состоялось первое заседание республиканского регионального отделения Изборского клуба, на котором эксперты утвердили программу работы организации на ближайший год, а также рассказали журналистам о целях своей работы в республике.

1 ноября 2017 года

Изборский клуб подписал «Воззвание патриотической общественности», приуроченное к Дню народного единства 4 ноября.

«Сила патриотов — в единстве. Это единство обеспечивает в первую очередь идеология как система ценностных ориентиров. Но статья 13 действующей редакции Конституции Российской Федерации гласит, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной. Это идеологически разоружило Россию, фактически навязав ей либеральные доктрины и ценности. Практически все неурядицы в современной России и Русском мире происходят из-за отсутствия общенациональной идеологии. Отеческая политическая мысль столетиями исходила из того, что Россия не может существовать без объединяющей идеи. Национальная идея для России — основополагающая линия, объясняющая духовный смысл существования русского народа и, одно-

временно, — общий проект развития всех народов России. Стало быть, Конституция РФ 1993 года нуждается в переработке. Нынче объединённый Запад объявил России очередную, на этот раз гибридную, войну. Для победы в этой войне нашему Отечеству жизненно необходима мобилизующая идея, поднимающая энергию воли наших народов, идея простая и всем понятная.

Какой должна быть эта идея? Для русского народа, для народов России (а шире — для народов всего постсоветского пространства) предлагается объединяющая идеологическая триада: «Традиция. Империя. Народность». Под «Традицией» в первую очередь имеется в виду возврат к собственным культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, а также уважительное, бережное отношение ко всем народам и к их культурам. Отеческая «Традиция» несовместима с иностранным влиянием индивидуализма, рационализма и безнравственности. Речь идёт о возрождении возвышающих духовных и нравственных идеалов наших народов. И это вполне нормально для цивилизационной империи как симфонии культур. К примеру, для тюркских народов Средней Азии «Традиция» ассоциируется в основном с исламом. Опыт Российской империи убедительно подтвердил полную и благотворную совместимость многовекового сосуществования православных и мусульман. Для русских (великороссов, малороссов и белорусов) «Традиция»

включает тысячелетний период высочайшей православной духовности и духовной культуры, лежащих в основании Российской империи, а также почти вековой период советской империи с её замечательными традициями государственного регулирования, госмонополизма и социальной опеки. Православная и советская традиции во многом стали преемственными ещё с 1943 года, а с конца 1960-х гг. достаточно сблизились в своих нравственных устремлениях и поэтому могут и должны бесконфликтно сосуществовать.

Народам бывшего Советского Союза необходимо признать непреложный факт: все мы дети советской («красной») и внуки царской («белой») империи, — говорится далее. — Под «Империей» понимается цивилизационная форма государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования как семья народов, как симфония культур. Такая форма более комфортна для этносов и значительно более устойчива от распада, чем межгосударственные союзы, конфедерации, федерации или тем более унитарные государства типа современной Украины. Республиканские формы правления постсоветских стран (всех, кроме России) идеологически основаны на гипертрофированном восприятии только своих национальных особенностей, что привело к повсеместной русофобии (в угоду Западу и во вред себе), а также к обречённости на полную потерю суверенитетов и неизбежный распад. Так, мир отеческой исламской традиции не сможет самостоятельно, вне империи, выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада. Возрождение мощной отеческой империи можно рассматривать как реализацию естественного права всех постсоветских народов на свою жизнь, причём на жизнь достойную, а не ту, что устроил Запад на Украине, в Ираке, Ливии или Сирии.

Под «Народностью» понимаются такие элементы народовластия, как сочетание широкого использования референдумов и народного представительства в местных органах самоуправления, а также реальное равноправие в его советском толковании. Народность — это ещё и такой тип солидарности, при котором каждый член общества, воспитанный на традиционных ценностях и имперском единении,

ощущает себя нужной клеткой единого государственного организма, именуемого Россией. Идея народности сама по себе созвучна стремлению современных социалистов к справедливости и не противоречит ни одному традиционному вероучению наших народов.

Таким образом, идеологема «Традиция. Империя. Народность» для русской политической нации, включающей множество братских народов, предопределяет смысл её жизни как служение Отечеству и человечеству, как удержание мирового зла, воплощённого в образе современного глобализма, лишаящего даже большие страны их суверенитета и национального облика, а людей — всех их форм идентичности. Идеологема «Традиция. Империя. Народность» позволяет достичь консенсуса не только между современными «красными» (социалистами) и «белыми» (православными монархистами), между различными этносами, но и между верующими разных конфессий. Следовать идеологическому курсу под лозунгом «Традиция. Империя. Народность» — означает дать не только восточным славянам, всем другим народам бывшего СССР, но и всему человечеству шанс на международную справедливость, мирное сосуществование и развитие».

Воззвание также подписали: Изборский клуб Новороссии (Донецк); «Русское собрание» и сайт «Русская народная линия»; Международная славянская академия (Москва); сайт «Русский дозор» (Харьков–Белгород); Фонд содействия развитию русской культуры в России и за рубежом и сайт «Диалог на русском» (Москва); все-российская историко-информационная газета «Голос империи» и сайт «Голос империи» (Москва); сайт «Завтра.ру» (Москва).

21 ноября 2017 года

Брянское региональное отделение Изборского клуба провело круглый стол на тему «Мифы, реальность и угрозы цифровой экономики в России». Модератором круглого стола выступил председатель Брянского регионального отделения клуба Сергей Ушкалов, основным докладчиком — конфликтолог, ведущий аналитик Института системно-стра-

Делегация Изборского клуба в Ханты-Мансийском автономном округе

тегического анализа (ИСАН), эксперт Изборского клуба Елена Ларина.

22 ноября 2017 года

В Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ прошло заседание «Национализм в прошлом и настоящем» Санкт-Петербургского регионального отделения Изборского клуба совместно с информационно-аналитической службой «Русская народная линия».

29 ноября 2017 года

В Казани прошло второе заседание татарстанского отделения Изборского клуба, участники которого обсудили значение революций в истории человеческих обществ на примере русских революций 1917 года.

14–15 декабря 2017 года

Делегация Изборского клуба совершила поездку в Ханты-Мансийский автономный округ. В ходе поездки было создано Югорское отделение Изборского клуба, председателем которого стал депутат думы региона Андрей Осадчук, состоялась встреча с главой администрации ХМАО —

Югра Натальей Комаровой, а также прошёл круглый стол на тему «Югра в контексте российской геополитики», в котором приняли участие председатель Изборского клуба Александр Проханов; первый заместитель председателя Изборского клуба Олег Розанов; постоянные члены Изборского клуба Михаил Делягин, Валерий Коровин, Николай Стариков и Владислав Шурыгин; председатели региональных отделений Изборского клуба Михаил Кильдяшов (Оренбург) и Владимир Шамахов (Санкт-Петербург), а также руководитель научно-образовательного центра «Югросоциум» Югорского государственного университета политолог Илья Верховский и доктор политических наук, профессор Сургутского государственного университета Михаил Мартынов.

25 декабря 2017 года

В Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ прошло заседание Санкт-Петербургского регионального отделения Изборского клуба совместно с информационно-аналитической службой «Русская народная линия». В рамках мероприятия состоялась презентация сборника лучших историософских и политологических сочинений конкурса «Революция в России: есть ли предпосылки, реальны ли угрозы».

Пой, революция!

В опубликованной 9 января 1918 года статье «Интеллигенция и революция» Александр Блок призывал: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию!» И поэты её не только слушали — они её слышали и даже во многом создавали «музыку революции».

Может показаться удивительным, но уже к середине 20-х годов, после окончания Гражданской войны и создания СССР, тема революции как таковой почти ушла из фокуса внимания отечественной поэзии. Да, её продолжали проклинать поэты эмиграции, её воспевали нерусскоязычные советские поэты, о ней не уставали размышлять авторы «родом из Серебряного века», оставшиеся на Родине, от Владимира Маяковского до Анны Ахматовой, но вот «рождённая революцией» новая русская советская поэзия словно забыла о своей матери, воспринимая её как безусловную и не требующую какого-то отдельного внимания данность. К тому же вечная музыка революции не могла звучать «перманентно», на чём настаивал Троцкий и его сторонники. События Гражданской войны, индустриализации и коллективизации 30-х годов, потом Великой Отечественной войны словно заслонили собой саму революционную тему, новый интерес к которой — в значительной мере конъюнктурно-политический, а не поэтический — ненадолго разгорелся в годы «оттепели» и Кубинской революции в среде «шестидесятников», чтобы надолго сойти на нет после юбилейных торжеств 1967 года. Тем ценнее для нас то долгое эхо музыки революции, те поэтические прорывы к этой теме, которые были сделаны в период 1940—1990-х годов XX столетия, подтверждающие: революция продолжается, и она действительно побеждает — даже тогда, когда терпит поражения. Как прекрасно сказал Егор Летов: «Пой, революция!»

Георгий СУДОВЦЕВ

Павел КОГАН

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ (из романа в стихах)

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Сажень косая, твёрдый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,

Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И всё-таки пробьёмся мы!
Но людям Родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где ещё найдёшь такие
Берёзы, как в моём краю!
Я б сдох, как пёс, от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

1940–1941

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «РОССИЯ»

Люблю великий наш простор,
Что отражён не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростёр:
От декабриста в эпопее
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

1942. Действующая армия

Ярослав СМЕЛЯКОВ

НАШ ГЕРБ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлёвский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнейей,
ткачиха с батраком.

А у дверей,
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живём
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

Принёс кузнец
из дымной мастерской
своё богатство —
вечный молот свой.

Тяжёлый сноп,
в колосьях и цветах,
батрак принёс
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мёрзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжёлый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвинил
октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,
чтоб он её из рук
не выпускал.

С тех пор солдат —
почётная судьба! —
стоит на страже
нашего герба.

1948

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ИМЕНА

(из поэмы «210 шагов»)

Когда Москва
бросается в сны —
вчерашний день воскрешать,
на траурных плитах
Кремлёвской стены
начинают
буквы мерцать.
Начинает светиться,
будто заря,
алфавит
от «А» до «Я».

Азбука
яростного бытия.
Азбука Октября...
Кто смерти
хотел?
Никто не хотел.
Кто пулю
искал?
Никто не искал.

А ветер
над общей судьбою
гудел.

На длинной стене
имена высекал.

На груди стены
имена
полыхают,
как ордена!..

Каждое имя
в ночи горит
своим,
особым огнём...

Дзержинский.

Гагарин.

Куйбышев.

Рид.

Чкалов.

Жуков.

Артём...

Их много.

Всех их
не перечесть.

Их много.
Куда ни взгляни...

Но если бы,
если бы только здесь!

Если бы
только они!

А то —
повсюду!

И голос дрожит.
И я закрываю глаза.
Помнить об этом
труднее, чем жить.

Не помнить об этом —
нельзя!..

Последнюю зависть к живым затая,
лежат,
как во мгле полыньи,
твои,

Революция,
сыновья —
любимые дети твои.

1975—1978

Юрий КУЗНЕЦОВ

СТРУНА

В землю белый и красный легли,
Посылая друг другу проклятья,
Два ствола поднялись из земли,
От единого корня, как братья.

В пыль гражданская распря сошла,
Но закваска могильная бродит.
Отклоняется ствол от ствола,
Словно дьявол меж ними проходит.

Далеко бы они разошлись,
Да отца-старика по наитью
Посетила счастливая мысль —
Их связать металлической нитью.

Слушай, слушай, родная страна,
В грозовую ненастную пору,
Как рыдает от ветра струна
И разносится плач по простору.

В ясный день не рыдает она,
И становятся братья родными.
И такая стоит тишина,
Словно ангел витает над ними.

1990

Егор ЛЕТОВ

ПОЙ, РЕВОЛЮЦИЯ!

В поле дождик бродил живой
Ковылял по щекам ледяным
Поднимал в последний неравный бой
Тех, кто погиб молодым.
Вырывал из несбыточных снов
Вырывал из некошенных трав
Поднимал горемычных своих сынов
Весел, печален и прав.

Ветер зовёт
Пуля манит
Небо поёт
В небе пылает песня
Пой, революция!

Дождик по миру брёл живой
За собой вёл свои войска
Вёл сквозь годы, снега и зной
Верил — победа близка.
Горизонты теснились в груди
Утопали в кровавых слезах
И сияли звёзды в земной грязи
И пьянила полынь в небесах.

Ветер зовёт
Пуля манит
Небо поёт
В небе пылает песня
Пой, революция!

1994

